

ГНЕВ КОРОЛЕЙ

ХРОНИКИ ИМПЕРИИ УЖАСА

ГЛЕН КУК

Звезды новой фэнтези

Глен Кук

**Хроники Империи
Ужаса. Гнев королей**

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Кук Г. Ч.

Хроники Империи Ужаса. Гнев королей / Г. Ч. Кук — «Азбука-Аттикус», 2018 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-19603-2

Империя Ужаса раскинулась на весь континент — от заснеженных Зубов Дракона до бескрайних пустынь Хаммад-аль-Накира, от осажденного Кавелина до могущественного Шинсана. Чтобы противостоять Шинсану, Браги Рагнарсон, взошедший на трон Кавелина, решает объединиться со Мглой, шинсанской принцессой в изгнании, жаждущей вернуть себе трон. Но в пустынях на окраине Империи появляется новая враждебная сила. Этриан, сын Насмешника, добравшись до погибшего королевства Навами, заключает союз с древним богом-зверем и получает под свое начало громадную армию мертвецов... «Гнев королей» — заключительная трилогия цикла «Империя Ужаса». Эпическая сага оставалась незавершенной, так как рукопись финального романа была утрачена. После двадцатилетнего перерыва Глен Кук написал «Путь к холодному сердцу» заново.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-19603-2

© Кук Г. Ч., 2018
© Азбука-Аттикус, 2018

Содержание

Огненный ветер возмездия	6
1	6
2	15
3	27
4	37
5	47
6	55
7	65
8	77
9	86
10	95
11	109
12	116
13	124
14	135
15	142
Под знаменем злой судьбы	151
Пролог	151
1	154
2	163
Конец ознакомительного фрагмента.	169

Глен Кук
Хроники Империи Ужаса
Гнев королей

Glen Cook

A CHRONICLE OF THE DREAD EMPIRE. WRATH OF KINGS:

REAP THE EAST WIND

AN ILL FATE MARSHALLING

A PATH TO COLDNESS OF HEART

Copyright © 2018 by Glen Cook

All rights reserved

Серия «Звезды новой фэнтези»

Перевод с английского Кирилла Плешкова

Серийное оформление и оформление обложки Виктории Манацковой

© К. П. Плешков, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Огненный ветер возмездия

1

1012 г. от основания империи Ильказара Воинство теней

Зверь с воем бросался на стену соседней камеры, не в силах добраться до Этриана и утолить жажду его кровью, что лишь добавляло хищнику ярости.

Мальчик понятия не имел, как давно он сидит в заточении. В темницах Эхелеба ночь и день ничего не значили. Единственным светом, который он видел, был свет фонаря надзирателя, когда тот приносил ему тыквенную похлебку или совершал нечастый обход.

Темнице предшествовало ничем не примечательное детство в трущобах Воргреберга, столицы крошечного королевства далеко на западе. У него была странная мать, в жилах которой текла ведьмовская кровь, и еще более странный отец...

Потом произошло нечто, чего он не понимал. Случилось это, наверное, из-за того, что отец связался с политикой. Пришли какие-то люди, забрали мальчика вместе с матерью, и теперь он сидел в оковах во тьме, в обществе одних лишь блох. Этриан не знал, где он и что с его матерью.

Он молился о тишине.

Влажные каменные стены не переставали содрогаться от стона и рева адских созданий, закованных в соседних камерах. Лаборатории Эхелеба породили сотни разновидностей жутких и странных чудовищ.

Царапанье и рычание смолкло. Этриан уставился на тяжелую железную дверь, в коридоре за которой мелькнул свет. Звери выжидающе молчали. Неестественную тишину нарушили медленные шаркающие шаги.

В двери имелось единственное зарешеченное окошко, на которое теперь в страхе смотрел Этриан. Руки его дрожали – шаги, которые он слышал, отличались от знакомых шагов надзирателя.

Тюрьма лишила его каких-либо чувств, кроме страха. Надежда была столь же мертва, как и темнота, в которой он жил.

Звякнули ключи. Послышался металлический скрежет, протестующе взвизгнул ржавый замок. Дверь медленно открылась внутрь.

Мальчик подобрал под себя ноги, сжавшись в комок. Даже не будь он закован в кандалы, все равно не смог бы сопротивляться – слишком долго он провел в неподвижности.

В камеру вошел древний старик.

Этриан попытался отползти назад.

И все же... этот человек чем-то отличался от других. В нем не чувствовалась безразличная жестокость, свойственная всем остальным, кого встречал здесь мальчик.

Старик двигался словно во сне – или умственно отсталый. Медленно и неуклюже он открывал ключами оковы Этриана. Сперва мальчик сжался от страха, но все же решил дожидаться, когда отвалился последний замок.

Старик остановился и, похоже, забыл, чем только что занимался. Он удивленно посмотрел на ключи, потом огляделся по сторонам и обошел камеру.

Этриан настороженно наблюдал за ним.

Мальчик попытался встать, и старик тут же повернулся к нему, сосредоточенно наморщив лоб. Лицо его ожило. Он подошел ближе, повозился с последним замком, и тот упал на пол.

– По-по-пойдем. – Голос старика напоминал хриплый шепот, который трудно было слышать даже в окутавшей темницу неестественной тишине.

– Куда? – прошептал в ответ Этриан, боясь потревожить зверей.

– От-от-отсюда. Ме-меня прислали, чтобы у-у... от-отдать тебя саван-далаге.

Этриан съежился от ужаса. Надзиратель рассказывал ему про саван-далаге – худших созданий Эхелеба.

Старик достал маленький флакон.

– Вы-выпей.

Этриан отказался. Старик схватил его за запястье, притянул к себе, развернул спиной и запрокинул ему голову, вынудив открыть рот. Мальчика ошеломила неожиданная сила старика, которой невозможно было противостоять. В рот полилась какая-то гадость, которую старик заставил его проглотить.

По всему телу тут же разлилось тепло, придавая сил.

Старик потащил его к двери камеры, держа железной хваткой. Этриан, всхлипывая, засеменил рядом.

Что происходит? Что с ним теперь будет?

Старик потащил его к лестнице, ведущей наверх из подземного царства ужаса. Невидимые звери рычали и выли, чувствуя себя обманутыми. Этриан заметил за зарешеченным окошком в ближайшей двери чьи-то красные глаза.

Он больше не сопротивлялся.

– Бы-быстрее, – заикаясь, проговорил старик. – О-они тебя у-убьют.

Этриан заковылял следом за ним к лестнице, а затем, по казавшимся нескончаемыми ступеням, наружу. В жарком неподвижном воздухе ощущался привкус соли. Мальчик вспотел,

солнце угрожало ослепить отвыкшие от света глаза. Он попытался расспросить благодетеля, но мало что сумел понять из неразборчивых ответов.

Это был К'Мар-Хевитан, островная штаб-квартира всемирного заговора Праккии. Мальчика держали в тюрьме как рычаг воздействия на отца, но отец не справился с возложенной на него задачей, и Этриан стал бесполезен. Его приказали убить, но старик воспротивился приказу.

Для самого Этриана происходящее казалось бессмыслицей.

Они спустились на каменистый пляж, и старик показал на далекий берег цвета ржавчины на свинцовом фоне. Пролив был достаточно узким, но мальчик не мог точно оценить его ширину. Одна миля, две?

– Плы-плы-плыви, – сказал старик. – Там бе-безопасно. На-вами.

У Этриана округлились глаза.

– Я не умею. – При одной только мысли его охватил ужас. Плавать в море ему никогда не приходилось. – Я ни за что не доберусь.

Старик с преувеличенной осторожностью опустился на землю, скрестив ноги. Сосредоточившись, он издал неясное ворчание, словно пытаясь перевести медленные мысли в слова. Однако когда он наконец заговорил, голос звучал ясно и четко:

– Ты должен. Это единственная твоя надежда. Если останешься, Режиссер бросит тебя отродью Магдена Нората. Те, кто здесь обитает, – твои враги. Морю и Навами ты безразличен, и они дадут тебе шанс выжить. Иди, прежде чем он обнаружит, что я наконец презрел его порочность.

Этриан верил, что услышанное им – правда. Старик был столь настойчив...

Он в страхе посмотрел на море. Снадобье старика придало сил, и он чувствовал, что может пробежать тысячу миль. Но проплыть?

Старик затрясся, и Этриану показалось, будто тот умирает, но на самом деле он всего лишь дрожал от напряжения, стараясь убедить мальчишку.

В подземельях острова с удвоенной силой взревели звери.

– И-и-иди! – приказал старик.

Сделав два шага, Этриан бросился в холодную соленую воду и тут же ее наглотался. Откашлявшись, он обнаружил, что стоит по грудь в воде.

Его заковали в кандалы голым. Он пробыл на солнце совсем недолго, но уже ощущал жар от его поцелуя и понял, что обгорит, прежде чем доберется до противоположного берега.

Оттолкнувшись от дна, он размеренно поплыл. По прошествии, как ему показалось, невероятно долгого времени он перевернулся на спину, чтобы отдохнуть.

Этриан отплыл от берега самое большее на триста ярдов. Он видел, как старик карабкается по ступеням, по которым они недавно спускались, то и дело останавливаясь и переводя дух. Остров был длинным, узким и каменистым. Вдоль его хребта тянулась уродливая старая крепость, словно рассыпающиеся кости древнего гигантского дракона. Повернувшись, он яростно уставился на бесплодный материк, который на вид нисколько не приблизился.

Он понял, что вряд ли доберется до суши, но все же поплыл дальше. Упрямство было у него в крови.

За время заточения в темнице он узнал четыре имени – Режиссер, Фадема, Магден Норат и лорд Чинь. Об обладателе первого имени он ничего не знал. Норат был чародеем из Эхелеба, а Фадема – королевой Аргона, которую, судя по всему, заколдовал лорд Чинь. Именно они двое похитили Этриана, доставив его на остров. Лорд Чинь был высшим тервола, или чародеем-аристократом Империи Ужаса, против которой боролся отец Этриана. Чиня уже не было в живых, но породившая его империя никуда не делась...

За всем этим наверняка стоял Шинсан, Империя Ужаса.

Если только он выживет...

Казалось, прошло много часов. Солнце действительно сдвинулось к западу, но еще не било в глаза. Серые холмы лишь чуть потемнели... Он слишком устал, чтобы плыть дальше. Упрямство постепенно иссякало.

Он уже готов был погрузиться в пучину, слишком устав, чтобы бояться смерти, как вдруг что-то коснулось ноги. Усталость словно рукой сняло, и он в панике забил ногами, пытаясь отплыть подальше.

В поле его зрения появился спинной плавник, и его снова что-то коснулось.

Задышавшись, он отчаянно заколотил по воде руками. Морское животное взмыло в воздух и, описав изящную дугу, вновь нырнуло в соленую пену.

Этриана это нисколько не приободрило – он вырос вдали от моря и не мог отличить дельфина от акулы. Об акулах он слышал от друга отца, Браги Рагнарсона. Его крестный рассказывал жестокие мрачные истории об этих убийцах, пировавших на телах моряков с разбитых в свирепых морских сражениях кораблей.

Все его попытки отбиться ни к чему не привели – он лишь наглотался соленой воды.

Дельфины окружили его и вынесли на пустынный берег, где он из последних сил уполз в тень утеса. Рухнув на землю, он извергал из себя морскую воду, пока не заболели внутренности, а потом заснул.

Что-то разбудило его посреди ночи. Высоко в небе светила полная луна. Этриан прислушался – показалось, будто он услышал чей-то голос. Но было тихо.

Этриан взглянул на пляж. Там что-то двигалось, негромко цокая... А потом он увидел крабов – целые полчища. Казалось, они смотрят на него, покачивая клешнями, словно в солдатском салюте. Один за другим они подбирались все ближе.

Он в испуге отполз назад. Наверняка они собирались его сожрать! Вскочив, он заковылял прочь. Крабы засуетились, не в силах за ним угнаться.

Пройдя сотню ярдов, он снова сел. Камни разодрали ступни и оцарапали ноги.

Вновь показалось, будто кто-то его зовет, но он не смог ни разобрать слов, ни определить, откуда доносился голос. Проковыляв чуть дальше, он вновь рухнул на землю и заснул.

Мальчику снились странные сны. С ним говорила прекрасная женщина в белом, но он не мог ни понять, ни вспомнить ее, когда проснулся.

Солнце почти зашло. Этриана мучили голод и жажда. У него болело все тело, обожженная солнцем кожа покрылась волдырями. Он попытался пить морскую воду, но желудок ее не принял. Какое-то время он лежал на песке, тяжело дыша, а когда наступили сумерки, встал и обследовал остров. Следов какой-либо жизни здесь не наблюдалось, не было и растительности. Ни одна ласточка не пролетела в сгущающейся тьме на фоне утесов, не слышалось жужжания закатных насекомых. Даже лишайники на камнях не росли. Единственными живыми существами, которых он видел, были выползшие из моря крабы.

Внезапно кое-что сообразив, он устроился возле воды, глядя, как волны накатываются на пальцы ног и, затихая, ускользают прочь.

Когда появились крабы, он разбил камнем несколько панцирей и наелся соленого мяса, пока вновь не взбунтовался желудок. Отойдя от воды, он проспал еще несколько часов.

Когда он проснулся, уже взошла луна. Ему почудились чьи-то голоса, и он выбрался на песок, где можно было стоять и ходить, не ранив ноги. Он окинул взглядом утесы, и ему на мгновение померещилась женщина в белом, смотревшая на море с поднятыми словно в немой просьбе руками. Одежда ее развевалась, хотя не было ни ветерка.

И она исчезла, едва он сдвинулся с места, чтобы разглядеть ее получше.

Этриан задумался, как ему выпутываться из сложившегося положения. Нужно было выбраться с пляжа и найти еду и воду. Особенно воду. И что-нибудь в качестве одежды, иначе солнце изжарит его живьем.

Поняв, что утесы ему не преодолеть, он направился вдоль берега. Вскоре после рассвета его одолела усталость, и он заполз в тень, где заснул среди зазубренных камней. Язык его напоминал комков шерсти.

Наступил прилив. Море с грохотом ударялось о камни, вздымая белую пену на тридцать футов вверх. И Этриану вновь снился сон.

Снова пришла женщина в белом. Снова он не смог понять ничего из сказанного ею. И снова он проснулся после захода солнца, наловил крабов и решил идти вдоль пляжа в поисках просвета между утесами.

Прилив отступил, но, казалось, приближался опять. Где-то вдалеке слышался грохот волн, а на его фоне – едва заметный скрип, затем лягз и крики. Этриан сел на каменный валун, ожидая продолжения. Внезапно он увидел в покрытом белыми барашками море нечто вроде флотилии из тысячи кораблей. Через полосу прибоя, подобно яростным черным коням, устремились шлюпки, царапая обшивкой по песку и гальке, и с них высадились худые темнобородые мужчины в незнакомых доспехах. На берегу их встретили другие, пониже и посветлее. С лязгом скрестились мечи.

Шум сражения разорвал женский голос. Этриан поднял взгляд и увидел женщину в белом, которая стояла на вершине утеса, вытянув руки. Между ее пальцами трещал голубой огонь.

Голубое колдовское пламя заплясало на белых парусах кораблей в море, и на них накиннулись всплывшие из глубины левиафаны. На пение женщины приплыли акулы и морские свиньи и, не обращая внимания друг на друга, атаковали смуглых пришельцев.

А потом с кораблей ударили рубиновые молнии, обрушившись на утесы. Громадные каменные стены рухнули на сражавшихся на берегу...

На фоне луны пролетели крылатые создания, изрыгая огонь. На чешуйчатых спинах сидели великаны в развевающихся черных плащах. Они метнули в женщину в белом светящееся копьё.

Сплетя несколько голубых паутин, она швырнула их в небо, и те полетели к крылатым ящерам словно веселые мотыльки. Паутины обвилились вокруг драконов, и чудовища, кувыркаясь, рухнули наземь.

Единственное, что отметил про себя Этриан среди вспышек и пламени: эта земля была живой. Живой и мятежной, нисколько не похожей на пустыню, что держала его в плену на берегу.

Видение таяло. Он огляделся, пытаясь разобраться в происходящем, но все исчезло, прежде чем он успел что-либо осознать.

Он посмотрел туда, где стояла женщина. Там, где в утесы ударили красные молнии, образовался пролом – в том месте, как ему казалось, не было ничего, кроме сплошной каменной стены.

Неуверенно и осторожно он пробирался в ту сторону. Луна уже стояла высоко в небе, и пролом был хорошо виден. Он не был свежим – над каменными валунами с обеих сторон от него поработали многие века.

Ему показалось, будто из пустыни зовет чей-то голос. Он замер, но тут же пожал плечами – на разгадывание тайн не было времени. Главное сейчас – выжить. А для этого нужно убраться с берега.

Подъем стал для него настоящим мучением, но наверху он не обнаружил ничего, кроме освещенной лунным светом пустыни. Очередная безжизненная земля. И тем не менее... он слышал голоса. Голоса без слов, которые его звали.

Что это за земля? Какие забытые духи населяли ее бесплодные пустоши? Он осторожно захромал в ту сторону, откуда, казалось, доносились голоса.

Ноги распухли и гноились, во рту пересохло. На коже лопались волдыри от солнечных ожогов. Болели все суставы и сухожилия. В висках стучало.

Но он упрямо шел дальше. И какое-то время спустя заходящая луна осветила нечто на вершине близлежащей горы. Чем пристальнее он в него вглядывался, тем больше оно напоминало высеченную в камне гигантскую фигуру, похожую на обращенного лицом на восток сфинкса.

Что-то хрустнуло под ногой. Наклонившись, он увидел ветку с сухими листьями, которую принесло ветром. То была акация, хотя он ее не узнал, поскольку никогда не видел подобного дерева.

Сердце подпрыгнуло от радости. Где деревья, там должна быть и вода. Он заковылял быстрее, двигаясь словно танцор на углях.

Наступил рассвет. Этриан больше спотыкался и падал, чем шел, ободрал ладони и колени. Впереди, всего в нескольких сотнях ярдов по склону, возвышался громадный каменный зверь.

Изваяние оказалось крупнее, чем он предполагал, – не меньше двухсот футов в высоту. Раньше оно скрывалось из виду за краем окружавшего его ровного пространства. Над ним основательно поработало время – вырубленные в камне черты были почти неразличимы.

Этриана не особо интересовала каменная фигура – взгляд его притягивали низкорослые деревья вокруг передних лап сказочного существа. Солнце светило в обнаженную спину, причиняя новые мучения, но он продолжал идти, хотя падал все чаще. Наконец ему удалось выползти на ровную площадку.

Вода! Между лапами чудовища виднелся неглубокий пруд... Заставив себя выпрямиться, он бросился вперед и упал лицом в живительную влагу, глотая густую от водорослей стоячую воду, пока не заболел живот.

Несколько минут спустя он изверг ее обратно.

Подождав, он снова напился, на этот раз не столь обильно. А затем зашлепал через пруд в тень, которая, судя по всему, должна была оставаться в течение всего дня. Там он заснул, свернувшись в позу эмбриона.

Ему снились странные и могущественные сны.

Пришла женщина в белом и осмотрела его раны. От касаний ее пальцев боль тут же исчезала. Взглянув на себя, он обнаружил, что полностью исцелился, и попытался прикрыть наготу ладонями. Она мягко улыбнулась и направилась к рожице между лапами чудовища. Там она уставилась на поднимающуюся из моря луну, свет которой подчеркивал очертания крепости на пересекающем остров горном хребте.

Этриан присоединился к ней, глядя на пустыню и видя ее такой, какой та могла быть, – пышной, богатой, населенной работающим и набожным народом... Но на острове пылали пожары, и по морю приходили корабли, столь многочисленные, что их паруса скрывали волны. Над землей поднимались столбы дыма, а в небе парили драконы, верхом на которых сидели свирепые духи, обрушивая с небес смерть и разрушения. Войска Навами сражались, но потерпели поражение и отступили, чтобы перестроить ряды. Женщина в белом призвала им на помощь страшное колдовство, но даже его не хватило.

А потом заговорил каменный зверь. Он раскрыл пасть и произнес Слово. Слово призвало гром и погибель. С неба обрушились духи с черепами вместо лиц. Драконы вопили и царапали когтями собственные уши. Захватчики бежали на свои корабли.

Но они никуда не делись. На востоке острова таилась Сила. Этриан чувствовал ее, ощущал ее имя – Нахамен Одит. Женщина, воплощавшая в себе великое зло и великую Силу, одержимая ненавистью и навязчивой идеей уничтожить Навами.

Нахамен собрала войска и вновь нанесла удар. Они прокатились по земле и спустились с облаков, и ни колдовство женщины в белом, ни Слово каменного зверя не смогло разбить их бесчисленные волны. И с каждой атакой они оказывались все ближе к горе каменного зверя.

Этриан вскоре понял, что видит поколения сражений, спрессованные в одну ночь, века войны, сведенные к главным моментам.

Орды Одит все же добрались до горы и уничтожили все, что смогли, заставив каменного зверя замолчать.

Нахамен высадилась на берег и с помощью череполицыных духов превратила эту землю в пустыню. Женщина в белом и каменное чудовище ничего не могли поделать, только беспомощно наблюдать. Слово зверя было его Силой и ее жизнью. Судьба Навами лежала в его огромных каменных лапах.

Нахамен и остатки ее войска отступили на остров, а оттуда за море, и никогда больше не появлялись на берегах Навами.

Этриан озадачился – после стольких ужасов и жестокости взять и уплыть? Что это все значило?

Женщина в белом стала старше. Он чувствовал ее отчаяние.

Она прожила долгую жизнь, и Слово каменного зверя хранило ее юность и красоту. Теперь она превратилась в дряхлую старуху. Она умоляла о смерти, но зверь не позволял ей умереть. В конце концов от нее не осталось ничего, кроме страдающего духа, парящего над склонами звериной горы.

Этриан проснулся с рассветом, проспав сутки. Почувствовав запах свежей воды, он заковылял к пруду.

Лишь утолив жажду, он заметил, что руки его больше не болят. Они все еще были изранены, но, похоже, чудесным образом исцелялись.

Встав, он осмотрел себя. Ступни его тоже выглядели намного лучше, как и колени. Даже зуд от солнечных ожогов исчез.

Он огляделся, внезапно испугавшись.

Возле его спального места лежала пара сандалий, аккуратно сложенная тога и несколько лепешек на древесном листе.

В нем боролись страх и голод, но голод победил. Схватив лепешки, он бросился к пруду и принялся попеременно есть и пить. Закончив, он оделся. Сандалии и тога пришлось ему в точности впору.

Он обследовал окрестности, но, как ни пытался, не смог найти чьих-либо следов, кроме собственных. Он взглянул на каменного зверя. Не промелькнула ли на изъеденных временем губах прозрачная улыбка?

Вскрабкавшись на чудовище, он осмотрелся с макушки громадной головы. Насколько хватало взгляда, его окружала безжизненная пустыня. Равнины цвета охры и ржавчины, горы покрывал голый серый камень...

Он знал, что ему никуда отсюда не уйти. Ни один смертный не преодолел бы эту пустошь, избежав вековых объятий Темной Госпожи.

Вряд ли старик оказал ему такую уж любезность.

Этриан попытался позвать женщину в белом, каменного зверя, даже Нахамен Одит. Но крики его ни к чему не привели, лишь отдались приглушенным эхом – эхом преждевременной радости.

Он вернулся к своему месту у пруда.

– Избавитель...

Этот голос он уже слышал во сне. Женщина была рядом, но слово исходило не от нее – его словно прошептал кто-то сверху.

– Что?

– Избавитель. Тот, что был предсказан. Тот, чье пришествие я пророчествовала в час отчаяния. Тот, кто избавит нас от проклятия Нахамен и вернет нам дни былой славы.

Этриан ошеломленно уставился на нее.

– Мы долго ждали твоего пришествия, и силы наши превратились лишь в призрак бывшего. Освободи нас от оков, и мы исполним любую твою прихоть. Освободи нас, и мы сделаем тебя повелителем земли, как в старые времена, до того как Нахамен взбунтовалась и бросила против нас темную орду.

Этриан вовсе не ощущал себя чьим-либо спасителем – он был всего лишь сбитым с толку напуганным мальчишкой, который столкнулся с чем-то превосходящим его возможности, недоступным пониманию. Сейчас он хотел только выжить, вернуться домой и разделаться с врагами – именно в таком порядке.

– Тебя мучает страх и ненависть, Избавитель. Мы видим их и читаем, как писец читает листы книги. Мы говорим – освободи нас. Вместе мы раздавим твоих врагов в прах. Да будет так. Открой же Избавителю закованное в цепи могущество Навами, которое он понесет как копье мщения.

Женщина в белом вошла в темноту между лапами зверя.

Этриан представил себе тех, кто пленил его, тех, кто забрал мать и потребовал невозможного от отца. Пока что погиб лишь лорд Чинь, но его приспешники живы. Их рассадником был Шинсан, Империя Ужаса. И он знал, что уничтожит Шинсан, если могущество окажется в его руках.

– Могущество теперь принадлежит тебе, Избавитель. Ты должен лишь его принять. Следуй за Сааманан. Пусть она станет первой, кто поможет тебе возродить Навами.

Женщина в белом поманила его из тени, и Этриан двинулся следом за ней во тьму, становившуюся все ощутимее с каждым шагом. Он протянул руку, ожидая встретить камень между огромными звериными лапами, но прошел намного дальше, не ощутив преграды. Женщина исчезла, и он следовал лишь за невнятным шепотом, летящим позади нее. Взять ее за руку он не мог – в отличие от каменного зверя, она была полностью бестелесной.

Внезапно он шагнул на свет – и судорожно вздохнул, вспомнив историю, которую рассказывал давний друг отца. Браги Рагнарсон, его крестный, который, возможно, участвовал в заговоре с целью уничтожить семью крестного сына.

Зал горного короля. Подгорье, или Громовая гора, как называли ее тролледингцы. Пещеры, где властвовал король мертвых, посылая проклятые души верхом на горных ветрах в поисках смертной добычи...

Он стоял на узком уступе над пещерой, столь огромной, что границ ее не было видно. Сааманан стояла рядом.

– Все это твое, Избавитель, – слышался ее едва слышный голос. – Повелевай.

Перед ним в идеальном порядке выстроились безмолвные батальоны и полки – застывшее во времени войско. Численность их казалась Этриану непостижимой. Среди них были как воины в белом, так и потомственные солдаты, штурмовавшие Навами во имя Нахамен Одит, – пехотинцы, конники, погонщики слонов, свирепые череполицы верхом на драконах.

Все они застыли, словно насекомые в янтаре, освещенные исходящим ниоткуда ровным, неизменным сиянием. Казалось, будто пещера наполнена напряженным ожиданием.

– Они знают тебя, Избавитель. Им не терпится обрести жизнь от твоей мстительной длани.

– Кто они? – спросил мальчик. – Откуда они взялись?

– Задолго до падения Навами стало ясно, что Нахамен добьется своего. Мы избежали ее гнева, выскользнув за дверь во времени. Мы позволили ей победить, посвятив нашу Силу подготовке к тому дню, когда Избавитель освободит нас от наложенных ею оков. Мы не ожи-

дали, что ты появишься столь не скоро. И не предвидели, что она настолько ослабит нас, что даже послать дельфинов станет нам едва под силу.

Основные вопросы Этриана остались без ответа, и он подозревал, что не получит их, пока не станет слишком поздно.

– Кто все эти люди?

– Часть павших во время крестовых походов Навами. Мы оживили их, дали им цель и сохранили на века, – произнес голос каменного зверя. – Они тоже ждут своего Избавителя.

«Мертвецы?» – подумал Этриан. От него ожидали, что он совершит некий нечистый некромантский обряд, который воскресит их из мертвых? Его охватило отвращение – мертвецов в его возрасте боялись многие. Женщина в белом повернулась к нему и, улыбаясь, заговорила. Слова ее не совпадали с движениями губ.

– У тебя ведь есть враги? – Голос ее доносился издалека, словно шепчущий среди сосен ветерок. – Перед тобой могущество, способное их низложить, Избавитель.

Этриан, несмотря на молодость, замешательство и страх, вовсе не был глупцом. Он понимал, что все имеет свою цену. Какова она?

– Освободи нас, – настаивала женщина. – Избавь нас. Больше мы ни о чем не просим.

Этриан взглянул на застывшее в ожидании войско мертвецов и задумался, представляя себе падение Навами. Разумно ли вновь выпускать на свободу подобную ярость? Можно ли ею управлять? В самом ли деле столь важно было отомстить?

Какая иная сила могла противостоять могуществу Империи Ужаса? Лишь это древнее колдовство могло сравниться с тем, что сегодня властвовало в Шинсане.

Следовало подумать и о себе. Если он откажется – помогут ли Сааманан и зверь ему выжить? Собственно, зачем им это?

Он станет еще одним памятником из костей в смертоносной пустыне.

Этриан направился прочь от женщины тем же путем, которым пришел, пока снова не увидел серебристый пустынный пейзаж. На острове на востоке горели огни. Он яростно уставился на них, ненавидя тех, кто их зажег.

В этом мире он был никем, столь же беспомощным, как червяк. Как еще он мог покарать тех людей за преступления?

Сааманан последовала за ним из темноты.

– Как мне освободить тебя? – спросил он. Она попыталась объяснить, но он оборвал ее. – В следующий раз, когда мы встретимся, я дам ответ. Сперва мне нужно подумать.

Он вернулся к своему месту для сна, где снова свернулся в позе эмбриона, познавая совершенно новый, доселе неизвестный страх.

Ему вновь снились сны, но на этот раз он долго не просыпался. Казалось, он пролежал целую вечность, не шевелясь, пока каменный зверь использовал остатки своего могущества, показывая ему мир, обращая в свою веру и обучая всему необходимому, что требовалось от Избавителя Навами.

И никакие иные сновидения не отвлекали Этриана.

2

1016 г. от О.И.И.
Время перемен

– Он идет! Он уже у Жемчужных ворот! – радостно воскликнул Чу.

Сыма Шикай оторвался от утренних докладов. Коренастый и мускулистый, с бычьей шеей, он чем-то напоминал кабана и походил скорее на профессионального борца, чем на тервола, командовавшего легионом Срединной армии.

– Куаньин, веди себя как подобает претенденту.

Чу вытянулся в струнку.

– Прошу прощения, лорд Сыма.

Шикай вышел из-за стола.

– Ты постоянно просишь прощения, Куаньин. Твои бесконечные извинения меня оскорбляют.

Юноша уставился куда-то за плечо командира.

– Прошу прощения, господин.

Шикай заскрежетал зубами. Парень был безнадежен. В прежние времена его ни за что бы не выбрали, был бы он сыном тервола или нет. Вряд ли следовало оправдывать понижение планки военными потерями. А бывшие стандарты он вспоминал с гордостью.

Сыма Шикай был родом из крестьян, и собратья-тервола никогда не забывали, что его отец пас свиней. Но и он не позволял им забыть, что прошел свой кандидатский срок во времена Принцев-Чудотворцев. А тогда лишь лучшие из лучших преодолевали скользкие ступени, ведущие к членству в элите Шинсана.

Шутки о его происхождении до сих пор слышались на собраниях тервола. Над ним больше не насмехались в лицо, но все его успехи никак не влияли на их предубеждения.

Будучи кандидатом, он многому научился, отрастив толстую кожу и выработав упорство, которое вознесло его намного выше, чем ожидали наставники. Он был упрям и полон решимости.

Тервола повсюду демонстрировали открытость своих рядов для любого талантливого, дисциплинированного и целеустремленного ребенка, но это была по большей части иллюзия. Сыма оставался изгоем среди консервативной знати. Он не мог жениться на их дочерях. А его дочери, если бы таковые у него появились, не могли бы выйти замуж за худошавых бледных сынов Силы, вроде его легкомысленного подчиненного.

Куаньин снова извинился, вырвав Сыма из задумчивости. Шикай с трудом подавил наслаждение, которое вызывало у него подобное подобострастие. Пока что они были у него в руках, и он мог вертеть ими как угодно, чего было вполне достаточно. Выживали лишь сильнейшие.

– Куаньин, – прорычал он, – если я услышу еще хоть одно извинение, снова отправишься на месяц на первичное обучение.

Чу затрясся. Шикай взглянул на его бледные дрожащие щеки и понял, что тот никогда не станет избранным – по крайней мере, пока за лордом Сыма остается решающий голос. Слишком уж тот был робок.

– Доложи как полагается, Куаньин.

– Господин! – выпалил Чу. – Лорд Го Вэнчинь ждет у Жемчужных ворот. Он просит аудиенции у вашей светлости. Начальник стражи передает свое почтение, господин.

– Вот так-то лучше. Намного лучше. Ты на верном пути. Выйди и подожди две минуты, а потом соберись и попробуй еще раз. Постучи, прежде чем войти.

Щека Чу дернулась.

– Как прикажешь, господин.

Шикай уселся за стол. Взгляд его вновь упал на утренние доклады, но он их не видел. Лорд Го! Здесь! Удивительно. Чего тот хотел? Зачем ему тратить время на командира учебного легиона, сына крестьянина?

Четвертый Показательный легион Шикая каждой весной собирал урожай трехлетних детей, превращая их за последующие восемнадцать лет в самых преданных и бесстрашных солдат, каких только знал мир.

За исключением нескольких недолгих назначений, Шикай провел в Четвертом легионе всю жизнь с самого детства, поднимаясь благодаря таланту и силе воли, вопреки предубеждению и косности знатных тервола. Он командовал легионом уже двадцать лет и гордился солдатами и избранными, которых выпускал. Они быстро продвигались по службе, куда бы их ни посылали. Начальники Шикая считали его лучшим в своей области, хотя должность, которую он занимал, обычно получали тервола, впавшие в серьезную немилость. Заслужить какие-либо почести, командуя Показательным легионом, было невозможно.

Шикай оказался в профессиональном тупике, и он это понимал. После недавних политических перемен, когда более молодые тервола вытеснили старых приближенных Ко Фэна, будущее его казалось еще более унылым. Сам он политикой не интересовался, но принадлежал к кругу старых и приверженных традициям тервола.

И вот теперь прибыл лорд Го. Чего он мог хотеть, кроме как избавиться от еще одного представителя старой гвардии? Сторонники Ко Фэна уже лишились войска и постов в Совете, получив в награду малозначительные должности в умирающих Восточной и Северной армиях. Даже самого Ко Фэна лишили бессмертия и почестей, и он отправился в добровольное изгнание, предпочтя его понижению в звании. Не заберет ли начавшаяся чистка и его жизнь, подобно неосторожно вызванному демону? Не связана ли она попросту с возрастом?

Несмотря на страх, Шикая охватила злость. Он пережил Принцев-Чудотворцев, Мглу, О Шина, заговор Праккии, Ко Фэна, но никому не давал повода для обид. Он был солдатом империи, и им все были довольны. Сам же он не обращал никакого внимания на политику и борьбу за власть.

В дверь негромко постучали.

– Входи.

Вошел Чу с докладом. На этот раз он был само совершенство, победив волнение, которое вызывал лорд Го при каждом своем визите.

– Лучшее. Намного лучше. Наша первая задача – победить себя, не так ли? Гм... значит, лорд Го? Как полагаешь, что ему нужно?

– Не знаю, господин. Он не сказал.

– Гм... – Шикая нисколько не устраивала рука, правившая теперь судьбой Шинсана.

Го Вэнчиня он воспринимал как чересчур идеалистичного, наивного и недостаточно информированного человека, привыкшего все упрощать. Два года назад тот был командиром корпуса в собственной Срединной армии Шикая, слишком молодым и неопытным. И тем не менее он обладал упорством и харизмой. Он утолил нужду в новом руководстве, новых идеалах, положил начало поражению Запада. Возможно, новые перспективы могли залечить душевные раны, нанесенные легионам.

– Мне приветствовать его, лорд Сыма? – претендент весь светился от рвения.

– Ты способен вести себя сдержанно и уважительно?

– Да, господин.

Шикаю не понравились умоляющие нотки в голосе юноши. И все же...

– Тогда иди. Проводи его ко мне.

– Да, господин. – Чу развернулся и устремился к двери.

– Куаньин, если что-то будет не так, проведешь за первичным обучением целый год.

Чу замер, а когда снова двинулся с места, лицо его было спокойно. Шаг его был размеренным, а спина прямой словно палка.

Шикай позволил себе слегка улыбнуться.

Лорд Го Вэнчинь вошел в кабинет и помахал Шикаю. Рука его была худой и женственной.

– Не вставай, лорд Сыма.

Го снял свирепую серебристо-черную маску волка. Шикай вынужден был ответить на неформальный жест, сняв собственную маску.

Маска была его любимой насмешкой над братьями, изображая охваченного смертельной яростью кабана. Один клык был сделан из кварца, другой из рубина, словно намекая на только что вспоротое брюхо врага. Маску покрывали искусно нанесенные боевые шрамы.

Тервола вкладывали немало ума и Силы в символы своего положения. Говорили, будто опытный наблюдатель способен прочесть душу по качественно изготовленной маске.

– Твой визит – большая честь для нас, лорд Го.

– Вряд ли. Ты мне нужен, потому я и приехал.

– Гм? – Шикай задумчиво взглянул на гостя. Женственный, ниже ростом, чем тервола из более старых родов, он был по-своему привлекателен, чем-то напоминая Принцессу-Демона по имени Мгла. Шикай иногда встречался с ней во время ее недолгого правления.

– Ты знаешь, что я представляю. Перемены. Новую кровь. Полный отказ от всего, связанного со злополучными начинаниями Ко Фэна.

– Не забывай, что группировка лорда Фэна принесла нам множество новых территорий. Го махнул изящной рукой.

– И тем не менее... Западная армия дважды потерпела поражение. Первый раз под командованием Принца-Дракона, а потом во время военной операции Праккии.

В этой империи, не привыкшей к поражениям, даже видимость поражения считалась непростительной.

– Ко Фэн мог победить при Пальмизано, но предпочел отступить, а не рисковать потерями, которые пошатнули бы устойчивость легионов. Он был расчетливым человеком и мог предвидеть, чем это для него обернется, но все равно отступил.

Го с трудом скрывал раздражение.

– Естественно, мы не можем знать, что бы произошло, если бы он решил дать отпор. Лорд Сыма, я пришел не для того, чтобы спорить. Я вовсе не желаю выкапывать прошлое из могилы.

«Нет, – подумал Шикай. – Ты хочешь закопать его как можно глубже, а вместе с ним всех, кто его творил. А с ними – все хорошее, чтобы никто не мог вспомнить и сравнить».

– Нас ведь всех интересует будущее, не так ли? Расскажи мне о будущем, лорд Го.

Просияв, Го изогнул губы в женственной улыбке.

– Ты меня неправильно понял. Я здесь не для того, чтобы тебя уволить. Но я намерен временно отправить тебя подальше. В Восточную армию.

Сердце Шикая ушло в пятки. Все-таки чистка прорвала политические границы.

– Я не политик, лорд. Моя задача – делать из людей солдат. И это у меня весьма хорошо получается.

– Знаю. Я проходил свой кандидатский срок в Четвертом Показательном. Вряд ли ты меня помнишь – тогда ты командовал бригадой. Но я тебя помню. Ты меня тогда впечатлил.

– Гм? – Шикай ничем не выдавал чувств. Кандидата Го он не помнил. Не собирался ли тот отомстить ему за проявленное пренебрежение?

– Лорд Сыма, я хочу сделать тебя командующим Восточной армией.

Мир снова опрокинулся с ног на голову.

– Лорд! Я... никогда не был боевым командиром.

– Ты руководил Четвертым легионом на полевых учениях. Думаю, справишься. Ты тот, кто мне нужен. У тебя есть упрямство Ко Фэна, но нет его ограниченности. Ты думаешь на ходу и доводишь любое дело до конца. Более того, ты из старых тервола. У тебя нет очевидных политических предпочтений. Ты вполне вписываешься в промежуток между мной и теми рецидивистами, которых я поспешно сослал в пограничные войска. Последним, как тогда казалось, ничто не угрожало.

Недолгое правление Го околдовало Шинсан удивительными чудесами и непредсказуемыми решениями. И сейчас, похоже, происходило нечто подобное.

– Но мое происхождение...

– Не важно. Совершенно не важно. Ты тервола. Ты обучен командовать. Если я поставлю тебя командиром, никто мне не возразит. Лорд Сыма, ты примешь Восточную армию?

Ни один мускул на лице Шикая не дрогнул, но душа его металась, пытаясь хоть как-то осознать меняющуюся реальность. Командование армией! Даже столь небольшой, как Восточная... Он даже не смел надеяться, что ему когда-то окажут подобную честь.

– Когда?

– Прямо сейчас. Ты нужен мне там.

– Что случилось?

– Никто точно не знает. Поскольку им особо нечем заняться, они ведут разведку в пустыне, остановившей их продвижение. Пропали несколько патрулей. Когда придешь на место, тебе все расскажут. Принимаешь командование?

– Лорд... Да. Принимаю.

– Хорошо, – улыбнулся Го. – Я так и думал.

Он достал маленькую алую нашивку, напоминавшую человеческое лицо с клювом вместо носа – символ командующего армией. Их существовала лишь горстка – чтобы сделать такую, требовался созыв Совета тервола с его могущественным волшебством. Шикай смиренно принял нашивку, гадая, кто носил ее до него. Следовало узнать ее историю и почести.

– Ты отправишься на восток, взяв с собой столько людей, сколько потребуется, как только я найду кого-нибудь на замену тебе здесь. Твоя армия будет состоять из пяти находящихся там легионов. Два я собирался отозвать, прежде чем начались пропажи патрулей. Северная армия

будет доступна в качестве резерва, хотя я сокращаю ее до размеров корпуса. – Го продолжил объяснять, что сокращает все войска, перебрасывая их на южную границу.

– Но... у нас там уже двадцать шесть легионов.

– Ситуация в Матаянге ухудшается. Они пытаются заманить нас в ловушку, провоцируя упреждающий удар. А затем – атаковать, пока легионы еще недостаточно сильны. Если попробуют – устроим им сюрприз.

Шикай кивнул. В последнее время Шинсан расширялся чересчур быстро. Гражданские и иноземные войны истощили легионы. Армия старалась изо всех сил, удерживая нынешние границы. Потери лишали ее людских сил, в задачу которых обычно входила ассимиляция и перевоспитание завоеванных народов. Империя становилась весьма хрупкой.

– Что насчет Запада? – Тервола боялись Запада больше, чем численно превосходившего его Юга.

– Я велел Суну нормализовать обстановку и избегать столкновений, переключившись с военных мер на политические. Их уязвимое место – разобщенность. Его оружием должна стать интрига. Могут потребоваться десятилетия, прежде чем мы отомстим за наших мертвых. Приходится пока переваривать то, что мы захватили.

Слова лорда Го впечатлили Шикая. Несомненно, его пламенная демагогия была лишь средством, чтобы отодвинуть в сторону Ко Фэна. Сегодня же речь шла о более реалистичном взгляде на проблемы империи. Возможно, он мог обратить сползание в хаос, начавшееся после смерти Принцев-Чудотворцев. Их быстро сменявшиеся преемники разрушали остатки стабильности, воюя друг с другом и устраивая неразумные иноземные авантюры.

– Буду рад взять на себя командование Восточной армией. Для меня большая честь, что ты счел меня достойным. Сегодня же начну отбирать людей в штаб.

На лице Го промелькнуло едва заметное раздражение – ему, могущественному лорду, давали понять, что разговор закончен. Затем он улыбнулся – Сыма не мог избавиться от старых привычек. Все, кто моложе, были для него лишь новобранцами.

– Желаю удачи, лорд Сыма, – сказал он, вставая.

– Спасибо. – Шикай уже его не слушал, с головой уйдя в работу. Требовалось некоторое время, чтобы полностью осознать свалившееся на него счастье.

Шикай выяснил, что ему придется охранять три тысячи четыреста миль границы силами тридцати тысяч солдат. По крайней мере, восточные легионы были полностью укомплектованы, и никто из них не участвовал в злополучной западной кампании.

От него также требовалось поддерживать мир в военной пограничной зоне.

Его предшественник поступил очевидным образом, наняв помощников из местных, хотя те мало на что годились. Все народы нового проконсулата Шикая были настоящими дикарями, и лишь немногие племена достигли уровня бронзового века. Хотя местные сказители и рассказывали о былом величии, показывая в доказательство древние руины.

Последовав примеру предшественников, Шикай основал штаб-квартиру при Семнадцатом легионе, в зону ответственности которого входила пустыня с дурной репутацией. Все потери, о которых сообщалось, понес именно этот легион.

Семнадцатый легион возвел новую мощную крепость всего в нескольких милях от края бесплодных земель. Прибывший Шикай обнаружил, что командир легиона энергично исследует окрестности. Одна стена главного зала крепости была покрыта гладкой штукатуркой, на которой легионеры рисовали огромную карту, постоянно пополнявшуюся новыми подробностями. Даже не заглянув в свое новое жилище, Шикай отправился на совещание.

Он прошел полторы сотни футов вдоль стены, внимательно изучая и запоминая каждую деталь.

– Что, пустыня в самом деле начинается столь внезапно? – спросил он, показывая на четко очерченную линию, где зеленый цвет сменялся коричневым.

– По сути, да, лорд Сыма, – ответил командир Семнадцатого легиона, Лунью Тасифэн. – На протяжении мили лес и луга сменяются пылью и песком. Если бы ветер не дул постоянно на восток, пустыня ползла бы сюда, словно неодолимое войско.

– Дожди бывают?

– Немалые, господин. И здесь, и там. В пустыне видно, как на фоне гор собираются тучи, но там ничего не растет.

– Гм... – Шикай взглянул на контуры горной цепи. – Реки?

– Отсюда вытекают несколько рек. Единственная живность, которую мы в них нашли, – рыбы, приплывшие вверх по течению. Далеко они не забираются – для них тут нет пищи.

Шикай задумчиво огляделся.

– Части Семнадцатого легиона ведь участвовали в войне с Эскалоном?

– Я сам там был, господин, – ответил Тасифэн.

– Здешнее запустение можно как-то сравнить с тамошним?

– Здесь его больше, господин. Мне тоже пришла подобная мысль. Я исхожу из предположения, что эта земля поражена Силой, хотя доказательств мы пока не нашли.

– Исторические исследования?

– Нигде никаких сведений, господин.

– Значит, это случилось очень давно. Как насчет устных преданий среди племен? Я слышал, что в лесах есть некие руины. Вы не пытались определить их возраст?

– В племенах говорят о войне между богами. Руинам самое меньшее тысяча лет, скорее всего, намного больше. В городе, который сохранился лучше всего, работает мой ведущий некромант, но и он не сумел ничего больше выяснить.

– Ты советовался с потусторонними?

– Демоны либо ничего не знают, либо не хотят говорить.

– Понятно. Скольких людей вы потеряли?

Шикай выслушал подробности исчезновения десятка групп. Тасифэн отметил на карте их последнее известное местонахождение. Каждая группа добралась до гор, но больше никаких закономерностей не наблюдалось.

– Ты пробовал искать с большой высоты?

– Птицы отказываются летать над пустыней, господин. Я хотел послать драконов, но мне отказали – слишком много их погибло во время западной кампании. Драконы говорят, что нужно подождать, пока они снова размножатся. Я лично считаю, что они так же напуганы, как и птицы.

– Вот как? Их не расспрашивали? Некоторые наверняка старше этих руин.

– Если они что-то и знают, то не говорят. Они еще менее разговорчивы, чем демоны.

– Любопытно. Весьма любопытно. Лорд Лунью, я крайне тобой доволен. Ты ничего не упустил.

– Тут больше нечего делать, господин. Сотники жалуются, что мы лишь создаем видимость работы.

Шикай улыбнулся под маской.

– Не сомневаюсь. Но мне любопытно. Лорд Го, похоже, считает, что эту загадку крайне важно разгадать. Его это очень заботит. Есть предположение, почему?

– Точно не знаю, господин. Возможно, потому, что за горами появились проблески Силы. – Он провел указкой вдоль верха стены, на протяжении двадцати футов. – Они исходили откуда-то отсюда.

Шикай уставился на карту, а затем, помедлив, спросил:

– Насколько качественная вода в этих реках? Можно пить?

– Как и следует ожидать, насыщена минералами. Но пригодна для питья, господин, – похоже, вопрос озадачил Тасифэна.

– Что ж, сузим поиски, лорд Лунью. Пропавшие группы направлялись в зону, на которую ты только что показал. Будем считать это закономерностью. Мы незамедлительно отправим экспедиции по параллельному следу, и каждую будет сопровождать тервола. Вечером в лагере откроется портал. – Он взял указку. – Когда экспедиции доберутся до этой линии, поставим переносные порталы. Пять сотен должны оставаться в постоянной готовности к переброске в любую минуту. Доклады через час, а новости о любых аномалиях – немедленно. Группы пойдут налегке, только с оружием и снаряжением. Их будут снабжать через телепорт. Их задача – продвигаться вперед, пока мы не получим хоть какой-то ответ. Будем менять людей через порталы, чтобы они могли отдохнуть.

– Господин, столь амбициозная программа потребует поддержки всего легиона.

– Ты сам говорил, что делать все равно больше нечего. К тому же лорд Го выразил большую заинтересованность в поисках ответа.

– Конечно, господин.

– Есть еще что-нибудь, о чем мне следовало бы знать?

– Нет, господин. Это все... Были два сообщения о замеченных драконах, господин. От местных, но ничем не подтвержденные. Сами драконы отрицают, что летали на разведку.

– Понятно. Еще раз хвалю, лорд Лунью. Ты в самом деле сделал все, что мог.

Шикай удалился в свое жилище, которое подготовил ему ординарец. Он позволил десятнику снять с него маску.

– Устал, Панку?

– Если у господина есть для меня поручение – нет.

– Ничего срочного. Когда будет свободное время, смешайся с легионерами. Послушай их разговоры. И выясни, о чем они говорят больше всего.

– Как прикажешь, господин.

– Пока отдохну. – Шикай вытянулся на новой постели, но не заснул, хоть и закрыл глаза.

Он чувствовал на востоке что-то странное, чуждое – неощутимое и вместе с тем внушающее беспокойство. Интересно, чувствовал ли то же самое и лорд Го?

Поисковые группы углубились в пустыню на семьдесят миль, миновав последние известные местонахождения пропавших. Единственное, что им пока удалось найти, – потрескавшийся кусок лака, отвалившийся с локтя солдатских доспехов.

– Наводит на мысли, – заметил Шикай. – Они не стали бы передвигаться в броне – слишком уж там жарко. Обыщите окрестности более тщательно.

Поиски ни к чему не привели. Эта группа исчезла полгода назад, и природа уничтожила все следы.

Два дня спустя одна группа доложила, что добралась до вершины горы. Дальше склон горного хребта резко уходил вниз. Шикай облачился в боевое снаряжение и телепортировался туда сам.

Серая поверхность склона вдали превращалась в ржавую. Вокруг ничто не шевелилось, не наблюдалось никаких следов жизни. Сплошные масштабы запустения полностью подавляли его, лишая сил.

Еще одна группа поднялась на вершину хребта в нескольких милях к югу. Их тервола послал сигнал, и Шикай ответил.

– Оставайся здесь, – сказал он командиру своей группы. – Проследи за ними, пока они будут спускаться.

Он вернулся в штаб-квартиру легиона. В крепости царила суматоха.

– Янчу атаковали, – объяснил Тасифэн. – Он запросил подкрепление. Я послал ему сотню.

– Возьмите пленных и немедленно доставьте их сюда. Приготовь еще одну сотню.

Пятнадцать минут спустя в портале появились двое пленников – коротышки в странных доспехах. Оба мертвые.

– Мне они нужны живыми, – сказал Шикай.

Тасифэн посоветовался с тервола на месте сражения.

– Лорд Сыма, Янчу говорит, что, когда их перебрасывали, они были живы. Их силой пришлось загонять в портал.

– Скажи, пусть пришлет еще.

Появилось еще две пары пленных, тоже мертвые, как и предыдущие. Один был высоким и смуглым, и его доспехи не походили на доспехи остальных.

– Осмотрите их, – велел Шикай, снова направляясь в зал с картой. Еще одна группа доложила, что на них напали, и он хотел проверить, верно ли помнит их местоположение. – Гм, – пробормотал он. – Ну давайте же, кем бы вы ни были. Нападите на меня еще раз.

Его желание исполнилось в течение часа. Две минуты спустя он уже закрепил в точках, где случилась каждая атака, веревки, протянув их к верхней части карты. Солдаты прикрывали территорию, где пересекались три веревки. Новые атаки позволили Шикаю сократить размер прикрываемой области.

– Продолжайте дальше, – пробормотал он. – Я вас засек. – Он взглянул на время начала каждой атаки. Могли ли нападавшие отправиться из одной и той же точки в одно и то же время? На это намекали их разбросанность и несогласованность. – Лорд Лунью, пусть позиция Янчу будет точкой на круге, а другие атакованные позиции – точками вне этого круга. Посмотрим, удастся ли нам описать круг, используя время задержки между атаками.

Лорд Лунью озадаченно взглянул на него, но потом сообразил, что к чему, и взялся за дело, получив данные о еще двух нападениях. В итоге образовалась грубая кривая дуга.

– Что-то не так, господин.

– Дай мне примерный максимальный и минимальный радиус. Неправильность, скорее всего, из-за рельефа местности, которую они пересекли.

Он уставился на карту. Ни один его метод не работал как следует. А первый теперь выглядел даже несколько глупо. В итоге он собрал множество одиночных сторон треугольников, не зная ни длин, ни углов.

Область поисков, однако, сужалась. Он принял от гонца отчет о потерях.

– Гм?

– Господин? – спросил Тасифэн.

– Эти люди – не такие уж плохие бойцы. – Очередной гонец доложил, что атаковавшее Янчу войско отступило. Вскоре подобные доклады поступили и от других групп – У них неплохо работает связь, – заметил Шикай.

– Будем их преследовать, господин? – поинтересовался Тасифэн.

Шикай взглянул на карту.

– Не спеша. – Он показал на две группы, не подвергшиеся нападению. – Перемести этих людей, чтобы взяли в клещи отступающих. Захватим больше пленников. Скажи Янчу, пусть остается на месте. Хочу посмотреть, как у него дела.

Группа Янчу привлекла к себе больше всего внимания. Склон ниже его периметра был усеян трупами.

– Они забрали часть убитых с собой, – сказал тервола Шикаю. – Сколько смогли унести.

Шикай посмотрел на пустыню. Среди пыльных вихрей виднелось облако, поднятое отступающим противником.

– Какое-нибудь колдовство использовалось?

– Ни нами, ни ими, господин.

– Хорошо. – Он взглянул на облако пыли.

Откуда они взялись? Как вообще могли люди существовать в таких условиях? Посмотрев на трупы, он быстро отвел взгляд – он не привык к последствиям боев.

Умершие при жизни были сытыми, хорошо одетыми и хорошо вооруженными людьми.

– Янчу, – он показал на мертвецов, – соберите их и разденьте. Сложите вещи каждого по отдельности и отправьте их в крепость.

Призвав всю свою силу воли, он взглянул на безжизненные лица. Они мало что прояснили. Все мертвецы несли живым одно и то же послание – и его лорд Сыма не хотел слышать. Эти люди принадлежали к странной расе – Шикай никогда не встречал подобных им. Но почему они настолько отличались? Он пожал плечами, решив, что все узнает, когда их тела анатомируют врачи легиона.

В последний раз взглянув на облако пыли, двигавшееся вдоль линии, которую он нарисовал на карте, Шикай вернулся в крепость.

И там Тасифэн встретил его со словами:

– Господин, Су Шэнь говорит, что среди напавших на него были солдаты империи.

– Наши?

– На них были наши доспехи. И нашивки Семнадцатого легиона.

– Те самые пропавшие?

– Возможно. Я велел ему молчать, пока мы не найдем этому объяснение.

– Хорошо. Прикажи тем двум группам перехвата быстро переместиться на позицию, где они смогут остановить врага. Скажи Су Шэню, чтобы отправлялся следом и снова с ними связался. Мне нужен там открытый портал. Хочу все увидеть сам.

– Как прикажешь, господин.

Шикай смотрел, как кандидаты из легиона перебирают одежду и вещи, снятые с мертвых врагов. Каждый имел при себе то, что обычно можно обнаружить у солдата, – орудия профессии и несколько личных мелочей, выделявших его из тысяч ему подобных. Пока что все найденные вещи ни о чем не говорили. Шикай взглянул на надпись на старой монете – таких он никогда прежде не видел.

– Чья, по-твоему, голова тут изображена? – спросил он одного кандидата.

– Какого-то сказочного чудовища, господин?

– Возможно. – Глядя на монету, Шикай вновь ощутил присутствие чего-то чуждого и непонятного на востоке.

Появился Тасифэн.

– Господин, похоже, за какое-то время до первой атаки возникло слабое излучение Силы. Источник его находится возле центра твоего круга.

– Вот как? – Шикай на мгновение задумался. – Не будем рисковать. Открой порталы, связывающие нас с другими легионами. И пусть по одной группе из каждого будут готовы к немедленной переброске сюда.

– Господин, у нас и так уже не хватает сил на порталы, которые... Как прикажешь, господин.

– Да. Остальных в каждом легионе привести в полную боевую готовность. Начинай собирать посылку, которую можно будет сразу же отправить лорду Го, если случится что-то серьезное.

– Господин? Думаешь, все настолько опасно?

– Нет. Но я не хочу ничего оставлять на волю случая. Держи посылку в портале и постоянно ее обновляй.

– Как прикажешь, господин.

– И еще нужно подготовить батарею баллист к стрельбе на большое расстояние. Пусть этим займутся кандидаты. Начинай сейчас же. Им потребуется несколько часов на все заклинания.

– Точность или разрушительная сила, господин?

– Разрушительная сила.

Шикай направился в помещение, где трудились врачи легиона.

– Тут что-то странное, господин, – сказал один, отрываясь от работы. – Мы точно не уверены, учитывая пустынную жару и прочее, но, похоже, эти люди мертвы уже давно.

– Вот как?

– Сам посмотри. Этим телам якобы меньше часа. Некоторые органы еще должны подавать признаки жизни.

Шикай отвел взгляд от вскрытого трупа.

– Я подозревал нечто подобное. Проверьте как следует кровь.

– Господин?

– Проверьте, мертвая кровь или живая. А потом попробуйте определить, как давно она мертва.

Он повернулся, спеша уйти до того, как к горлу подкатит тошнота, опозорив его перед подчиненными. В дверях стоял Тасифэн.

– Что-нибудь выяснили, господин?

– Думаю, они были мертвы еще до того, как пошли в атаку, – судя по их виду. Давно не доводилось видеть таких, – пожалуй, это было еще до твоего рождения. Принц-Демон экспериментировал с воскрешенными солдатами, но отказался от этой идеи. Слишком уж сложно было ими управлять.

Тасифэн с трудом скрывал под маской охвативший его ужас, но все же взял себя в руки.

– Новые порталы открыты, лорд Сыма. Наша поддержка ждет. Мы все еще пытаемся связаться с группой лорда Го, который ведет разведку у границы Матаянги. Группы, которые ты послал, чтобы преградить путь врагу, опередили противника и ищут подходящее место.

– Прекрасно. Я возвращаюсь к себе. Позови меня, когда они откроют портал.

Ему нужно было удалиться на несколько минут, чтобы обуздать бесновавшегося в душе зверя. Прежде он не понимал, что учебное поле боя настолько отличается от реального. В своей комнате он уселся на маленький коврик и воспользовался средством, которому учили каждого юного легионера, – проделал солдатский ритуал, прочитал успокаивающие мантры-молитвы, которыми солдаты начинали и заканчивали день. Душевное равновесие вновь вернулось к нему.

«Лорд Го прав, – подумал он. – Тут что-то есть. Может, даже нечто большее, чем предполагал Вэнчинь».

Вошел Панку.

– О... извини, господин.

– Я только что закончил, Панку. Как настроение в легионе?

– Они устали, господин. Им не нравится торчать на мертвой границе. Похоже, сегодняшние события их слегка взбодрили.

– Никаких серьезных проблем?

– Нет. Это старый легион, хорошо обученный и дисциплинированный, с добросовестными сотниками и десятниками. Они сделают все, о чем ты их попросишь.

– Хорошо. Спасибо, Панку.

– Я могу еще чем-то помочь, господин?

– Надень боевое снаряжение. Мы отправляемся в пустыню.

Час спустя Шикай перенесся через портал, обнаружив, что его охотники выбрали хорошее место для засады. Изучив диспозицию, он подготовил несколько магических трюков.

– Просто на всякий случай, – сказал он Панку.

Солдат кивнул. Ему была хорошо знакома страсть начальника готовиться ко всему заранее.

Два пыльных облака все приближались. Су Шэнь отлично постарался, надавливая на врага, но при этом не слишком сильно. Взглянув со склона невысокого холма, Шикай заметил, что облака сливаются воедино в нескольких милях к западу.

– Устраивают засаду, – пробормотал он.

Из-за холма появился Панку.

– Господин, только что пришло известие от лорда Луныю. Двое из тех трупов вдруг вскочили и попытались его убить.

– Гм? Мне следовало его предупредить. С ним все в порядке?

– Да, господин.

– Хорошо.

Их добыча двигалась напрямиком в капкан. Шикай насчитал двадцать пять человек.

– Я думал, они понесут своих мертвецов с собой, – сказал кто-то.

Шикай не стал говорить ему, что мертвецы снова ходят и что среди атаковавших вообще нет живых. Он дал сигнал.

Из укрытия появились его солдаты, и группа внизу остановилась. Они оказались в меньшинстве, а прямо позади них был Су Шэнь.

Шикай уставился на них. Су Шэнь был прав – трое оказались легионерами.

Группа выстроилась черепахой, готовая к бою. Солдаты Шикая окружили их, и те рухнули наземь.

Шикай вдруг ощутил в воздухе нечто похожее на электрический разряд.

– Ложись! – взревел он. – Всем на землю!

Он мысленно потянулся к своему волшебному мешку с защитными заклинаниями.

В небе возникло нечто вроде огромной черной подошвы сапога, и она быстро опускалась. На мгновение Шикай представил себя жуком, которого через мгновение раздавят.

Он привел в действие заклинание, и воздух заполнил скрежет тысяч гигантских точильных камней о сталь, затем треск миллиона крошечных хлыстов. Подняв взгляд, он увидел, что сапог исчез.

– Спуститесь туда и порежьте этих людей на части, прежде чем они снова оживут! – прогрохотал он.

Шикай не стал ждать, пока исполнят его приказ. Закрыв глаза, он вновь погрузился в мир заклинаний. Поймав одно, он представил, будто швыряет копье, нарисовав большую мишень на карте с крепостной стены.

Над безоблачной пустыней прокатился гром, вспышка молнии заслонила солнце. Шикай открыл глаза. Над пустыней плясали тысячи песчаных вихрей, подобно обезумевшим пьяным танцорам, часто сталкиваясь и падая. Несколько минут спустя послышался отдаленный грохот, и Шикай улыбнулся под маской.

– Это научит вас лишний раз не высовываться.

Он подождал еще несколько минут, напрягая чувства тервола, но ничего не произошло. Похоже, враг был достаточно напуган.

«На время, – подумал он. – Всего лишь на время».

Он вернулся к своим.

– Стоило бы сжечь тела, – сказал он Су Шэню. – Но, похоже, нам не хватит дров.

Тервола кивнул, не обращая внимания на мрачный юмор. Почти ровесник Шикая, он был из представителей старой гвардии, которых отправил в изгнание лорд Го. Он тоже помнил эксперименты Принца-Дракона. Мертвецы могли воскресать раз за разом, привлекая на

свою сторону собственных врагов. Им нельзя было позволять выигрывать сражения – с каждой победой они становились сильнее.

– Отправь этих троих обратно в крепость, – сказал Шикай, показывая на мертвых легионеров. – Попросим того некроманта, про которого говорил Лунью, вызвать их тени.

Внезапно у него зашевелились волосы на затылке, и он подобрался, готовый к новой опасности, но ничего не произошло. Он задумчиво кивнул, поняв, что за ним кто-то наблюдает.

Поднявшись на холм, он взглянул на восток. Где-то там, посреди пустыни... Он всмотрелся в поднятую отступающими врагами пыль, представляя направление их движения.

Там? Окутанный маревом бугорок на горизонте? Он сориентировался по карте. Да. Бугорок торчал в точности посередине подозрительной местности.

– Не стоило тебе высовываться, приятель, – пробормотал Шикай. – Теперь мы тебя видим. И подойдем, чтобы разглядеть получше.

Поднялся ветер – резкий, горячий и сухой. Поднятая им пыль вгрызалась в кожу, словно наждачная бумага, но лорд Сыма Шикай не обращал на нее внимания. Он стоял на холме, словно крепкая маленькая статуя, и ничто не могло сдвинуть его с места. Глаза его задумчиво щурились под маской.

3

**1016 г. от О.И.И.
Собрание могущественных**

Женщина шла следом за мужем по коридору замка Криф, королевского дворца в Воргреберге, столице Кавелина, одного из Малых королевств. Поступь ее была медленной и тяжелой – кто-нибудь не особо вежливый мог бы сказать, что у нее утиная походка. Женщина была на последних неделях беременности и, казалось, полностью ушла в себя. Заметив, что отстаёт от мужа, она ускорила шаг. Муж остановился, слегка нахмурившись.

– В чем дело, Непанта?

– Что? Нет, ничего.

– Ничего? Не верю. Ты постоянно о чем-то думаешь с тех пор, как мы здесь. Все время бродишь надутая, словно наелась кислых яблок. – Он взял ее за подбородок и взглянул в потупленные карие глаза. – Ну же, очнись.

Непанта было сорок с небольшим. Ей немало пришлось пережить, но ее длинные волосы цвета воронова крыла лишь слегка тронула седина. Фигура уже не была столь хрупкой, как в девятнадцать лет, но и толстой ее нельзя было назвать. На лице ее не отразились все те трагедии, что преследовали Непанту всю жизнь, – лишь глаза выдавали глубоко затаившуюся тоску.

Глаза ее напоминали печальные старые окна, потускневшие от страданий и боли, подобно тому как окрашивается в пурпурный цвет стекло под лучами солнца. Было видно, что они никогда не заблестят по-прежнему – она не верила ни во что хорошее, ибо удача и счастье были лишь обманом, который насмешливо швыряла в лицо злая судьба. Непанта утратила волю к жизни, лишь отсчитывая время в ожидании великого сна, зная, что ждать его придется вечно. Ее муж, выдающийся чародей Вартлоккур умел удерживать смерть на безопасном отдалении, и самому ему было четыреста лет с лишним.

– Ну же, – мягко и успокаивающе повторил он. – Что такое?

– Варт... мне просто тут не нравится. Слишком много воспоминаний, о которых хотелось бы забыть. Не могу ничего с собой поделать... Воргреберг проклят. Здесь никогда не случается ничего хорошего.

Она встретила с ним взглядом, и по лицу ее пробежала тень страха.

– Я не задержусь здесь ни на минуту дольше, чем будет необходимо.

– Тебя задержит Браги... – Она заскрежетала зубами, не давая сорваться с языка слишком резким словам. – Зачем ты сюда приехал?

В голосе ее послышались жалобные нотки, противные ей самой.

Он воспринял ее вопрос буквально.

– Не знаю. Через несколько минут выясним. Но Браги не позвал бы меня, если бы речь не шла о чем-то важном.

На ее лице вновь отразился страх.

– Важном для кого? Варт, не ввязывайся в его дела. Он тоже проклят.

Точно так же она умоляла первого мужа, но тот ее не послушал. В итоге он умер, оставив ее одну...

– Я бы не назвал его проклятым, – улыбнулся Вартлоккур. – Просто вокруг него постоянно что-то происходит.

– Все равно. В том нет ничего хорошего, и оно несет смерть. Варт... Я не хочу, чтобы здесь родился мой ребенок. Я потеряла здесь двух братьев, мужа и сына. И я не вынесу, если...

Вартлоккур взъерошил худыми пальцами ее волосы. Непанта уставилась в пол. Он обнял ее и прижал к себе.

– Такого не будет. Больше никаких страданий. Обещаю. – Помедлив, он добавил: – Долго мы здесь не задержимся. Ну же, встряхнись. Ты встретишься со многими старыми друзьями.

– Ладно. – Она попыталась улыбнуться, но лицо ее исказилось в «гримасе смерти». – Буду отважной.

«Я умею быть отважной, – подумала Непанта. – Я всю жизнь отважно подбадриваю себя. Что-то я стала чересчур себя жалеть», – тут же усмехнулась она.

Вартлоккур снова двинулся вперед. Она посмотрела ему вслед. Высокий и худой, он шагал чуть осторожнее обычного, с прямой спиной. Плечи его застыли, словно к ним доску привязали. Что-то несомненно мучило и его. Сам факт, что его позвал к себе король Браги, беспокоил Вартлоккура куда больше, чем он готов был признать.

«Боги! – подумала Непанта. – Лишь бы не начался вновь тот кошмар, который поглотит все, что я люблю. Больше у меня никого не осталось».

О чем могла идти речь? Снова Шинсан? Мир держался уже три года, и Великие Восточные войны, похоже, закончились. Казалось, Империю Ужаса удалось утихомирить. Из дальних уголков разума всплывали воспоминания, осаждая Непанту со всех сторон. Она сражалась с ними, пока на глаза не навернулись слезы, но загнать воспоминания обратно в их могилы никак не удавалось. Слишком многие дорогие ей люди ушли во тьму, и слишком многие призраки ее преследовали. У нее не осталось ничего, кроме этого человека, которого она не могла в полной мере полюбить или довериться ему. Этого человека – и растущей внутри нее жизни.

Собственная жизнь мало что значила для Непанты. Позади нее лежала пустыня, и столь же бесплодным выглядело будущее. Она жила лишь ради будущего ребенка, как до этого ради сына.

Вартлоккур остановился в нескольких шагах от дворцового стражника, одетого в изящную форму. На обычно бесстрастном лице промелькнуло раздражение – он почувствовал, что Непанту вновь охватывают мысли о прошлом, которые сам он зачастую не считал важными.

Набравшись смелости, она задала вопрос, который злил его больше всего:

– Варт, ты уверен, что Этриана больше нет? Вообще никаких шансов? Мне отчего-то кажется, что он жив.

Возможно, когда-нибудь его ответ и удовлетворил бы ее, но не сейчас. Стиснув зубы, он взглянул на стражника и постарался успокоиться.

– Нет, милая, вряд ли. Я бы давно уже его нашел.

Развернувшись, он зашагал к двери, которую охранял стражник. Солдат распахнул ее, щелкнув каблуками, и дружелюбно кивнул Непанте.

Она рассеянно кивнула в ответ. Кем был этот солдат? Она знакома со многими – как запомнить одного?

А потом она оказалась внутри, постоянно натываясь на знакомые лица, словно нырнувший в ледяную воду пловец, не знающий, куда увернуться от глыб льда.

Ближе всего к ней стояли двое парней лет двадцати с небольшим, склонив друг к другу головы, будто о чем-то заговорщически совещаясь. Их звали Майкл Требилюк и Арал Дантис. В свое время они преодолели половину континента в благородной, но тщетной попытке освободить ее от приспешников Империи Ужаса. Настоящие рыцари.

– Арал, Майкл – до чего же я рада вас видеть!

В друзьях не осталось и следа прежней романтики – они уже не были наивными юношами, превратившись во много повидавших мужчин с жестким взглядом. «Война изменила нас всех», – подумала Непанта.

Невысокий, коренастый и темноволосый Дантис выглядел так, словно всю жизнь проработал вилами в конюшне. Он весело улыбнулся ей, рассыпаясь в приветствиях. Его товарищ, более высокий, стройный и бледный, вел себя сдержаннее. Взгляд его был холодным и отстраненным. По слухам, он стал главным шпионом Кавелина – прежде эту должность занимал брат Непанты, Вальтер, Король Бурь, пока не погиб в битве при Пальмизано.

Взглянув в лицо Майкла, она поняла, что он стал воплощением сосредоточенности, опыта, уверенности в себе и бесстрашия. Только такого и мог выбрать Браги...

– Дорогая, ты чудесно выглядишь! – Женщина заключила ее в объятия. – Может, слегка осунулась, но беременность тебя только украшает.

Непанта рассеянно обняла ее в ответ.

– Ты тоже хорошо выглядишь, Мгла.

Мгла была вдовой ее брата, чародейкой, которую тот сманил с востока и обратил в западную веру.

– Ха! Я старая карга.

– Если бы все дамы, которых я знал, были столь уродливы... – усмехнулся Арал Дантис.

– Решила добавить к своим грехам ложную скромность, принцесса? – фыркнул Вартлоккур, положив руку на плечо Требилюка.

Мгла отступила назад.

– Боюсь, я теперь обычная смотрительница замка. Король отправил меня в крепость Майсак. Видите, чего я стою, когда никто не сражается?

– Это самый важный замок королевства.

Непанта смотрела на женщину, которую боготворил Вальтер, которая родила ему детей и которая правила Империей Ужаса до того, как в ее жизни появился Король Бурь. Она выглядела слегка нереальной, скорее похожая на сказочную принцессу, а не самую яростную и могущественную чародейку эпохи.

Арал выразил мысли Непанты словами, заметив:

– Она нисколько не изменилась. Все такая же самая прекрасная и опасная из всех ныне живущих женщин.

Мгла залилась румянцем.

«Как ей это удастся?» – подумала Непанта. Арал сказал истинную правду, и Мгла это знала. И она вовсе не была самодовольной мелкой куртизанкой – она прожила на свете сотни

лет, закаленная интригами и борьбой за выживание среди вершин власти Империи Ужаса. Так что румянец ее, скорее всего, был напускным.

– Как твои дети? – спросила Непанта.

– Растут не по дням, а по часам. Каждый раз, когда я их вижу, они на два дюйма выше.

Я скажу им, что ты здесь. Они будут рады – ты всегда была их любимицей.

Вартлоккуру пожал руку мрачный молчаливый мужчина с пустой трубкой в зубах.

– Рад снова тебя видеть, – пробормотал он, кивнув Непанте.

– Привет, Чам. Как идут дела, получше?

Чам Мундвиллер, торговый магнат, был давним сторонником короля.

– Не особо. Пока перевал закрыт, ничего толком не сделаешь.

Он отошел, разглядывая украшавшие дальнюю стену гербы. Непанта повернулась к молодому человеку в военной форме.

– Гьердрум, как дела? У тебя мрачный вид.

– Он полон яда, словно осиное жало. Похоже, рыцарское звание и назначение командующим армией ударили ему в голову, – сказал Арал.

– Неправда, – нахмурился сэр Гьердрум. – У меня просто хватает других дел. А этим могли бы заняться полковник Абака или генерал Лиакопулос.

Непанта заметила полковника и генерала среди двух десятков людей, которых она знала только понаслышке. Сэр Гьердрум поцеловал ей руку, щелкнув каблуками. В свое время, когда он был моложе и не столь умудрен жизнью, у них случился невинный флирт, и теперь он снова пытался играть в неловкое ухаживание.

– Позволь мне пригласить тебя на ужин, после того как родится малыш.

Непанта удивленно подняла брови. Что стало с прежним неугомонным весельчаком Гьердрумом? Неужели его раздавили жернова воинского долга? Или он был не в настроении?

Она обвела взглядом зал. Все ее друзья постарели и устали от возложенных на них обязанностей. «Ничто так не притупляет энтузиазма, как неспособность чего-то добиться», – подумала она. Так что сама она вовсе не уникальна – то же самое повергающее в отчаяние проклятие дышало в затылок всем ее друзьям.

– Где король? – спросила она.

Они с Вартлоккуром еще не видели Браги, хотя прибыли в Воргреберг накануне.

– Не знаю, – пробормотал Гьердрум. – Как думаешь, он явится вовремя? После того, как созвал всех нас... Он вытащил меня аж из Карлсбада.

Вартлоккур подошел к огромному камину, с тревогой глядя на пляшущие языки пламени. Непанта присоединилась к нему, гадая, почему он в последнее время настолько не в духе.

Атмосфера становилась все более гнетущей. Лишь на Майкла и Арала она, похоже, не действовала – они болтали словно лучшие друзья, не видевшиеся несколько лет.

Мгла села во главе громадного стола, заполнявшего половину зала. Непанта не сводила с нее взгляда. Изгнание превратило свирепую заговорщицу в спокойную женщину с мягким характером. Перед ней лежала раскрытая сумка с вязанием, а спицами невероятно быстро орудовал маленький двухголовый и четверорукий демон, свесив ноги со стола. Одна голова время от времени ругала другую за пропущенную петлю, и Мгла негромко на них шикала.

Открылась дверь, и вошел молодой офицер в пышном одеянии. Непанта узнала Даля Хааса, сына наемника, последовавшего за королем Браги в Кавелин во время гражданской войны. Ей вдруг стало интересно, есть ли у Даля дети, которые в свою очередь точно так же последуют за Браги.

– Приготовьтесь, – сказал Хаас. – Он уже идет.

Непанта придвинулась ближе к двери. Вошел король, и их взгляды встретились. Слегка поморщившись, он заключил ее в мягкие, неуверенные объятия.

– Как ты? – спросил он. – Прости, что не смог увидаться с тобой вчера. Это проклятое королевство не дает мне дух перевести. Привет, Вартлоккур.

Высокий и крепко сложенный, король Браги носил на себе шрамы, оставшиеся после трех десятилетий солдатской службы. Непанта заметила седину в космах на его висках. Время его тоже не пощадило.

– Постараюсь вечером устроить ужин в приватной обстановке, – прошептал он. – Наверняка ты захочешь увидеть Фалька.

Фальк был его полугодовалым сыном, которого она никогда не видела.

– Как Ингер?

Браги косо на нее посмотрел – похоже, тон Непанты выдал ее мысли. Она никак не могла привыкнуть к тому, что он женился во второй раз. Первая его жена, Элана, погибшая во время войны, была ее лучшей подругой.

– Прекрасно. Кому хочешь задаст перцу. А Фальк весь в мать. – Он отошел, пожимая руки и обмениваясь приветствиями, а закончив с этим, обратился к собравшимся: – Надеюсь, никто на меня особо не разозлился? Вижу, что нет. Будем называть это общим сбором. Собственно, в ближайшие несколько дней вы мне не понадобятся. Скажу лишь, что мы получили известие от Дереля.

Он объяснил, что его личный секретарь Дерель Пратаксис был в Троесе, к востоку от гор М'Ханд, на переговорах с лордом Суном, командующим тамошней оккупационной армией Шинсана. За три года после прекращения военных действий горы не пересек ни один торговый караван – солдаты востока перекрыли единственный коммерчески удобный проход, ущелье Савернейк. Теперь же Пратаксис докладывал, что отношение резко изменилось, и ожидал, что переговоры будут короткими, а их исход благоприятен.

Последующее обсуждение не вызывало особого интереса. И Непанта не обращала на него внимания, пока король не попросил сэра Гьердрума высказать предположение, с чем может быть связано внезапное изменение политики Шинсана.

– Сун придерживается жесткой линии, – сказал король. – Он не сделает ничего такого, что окажется полезнее для Кавелина, нежели для него самого.

– Возможно, легионы вновь набрали силу, – хмуро ответил Гьердрум. – Может, они хотят открыть проход, чтобы запускать через него шпионов.

– В том нет никакого смысла, – возразила Мгла. – У них есть Сила. В любом случае, если им так уж необходим шпион, они могут послать его по тропам контрабандистов. – Она бросила взгляд на Арала Дантиса. – Он может поставить портал, через который будет получать всю необходимую помощь.

– Ладно, – кивнул Браги. – Тогда назови мне причину, которая имеет смысл.

– Не могу.

Непанта ощутила едва заметное напряжение в зале. Имелся некий подтекст, который чувствовали лишь некоторые.

Король Браги устремил взгляд в пространство.

– Почему мне кажется, будто ты чего-то недоговариваешь? Не можешь сказать вслух?

Мгла уставилась на свое вязание. Спицы в руках демона превратились в размытый серебристый фон.

– Я больше не ощущаю лорда Ко Фэна. Возможно, случился переворот, – помедлив, она осторожно добавила: – Прошлым летом со мной связывались несколько его бывших сторонников, и им казалось, будто что-то назревает.

– Что-то назревает? – фыркнул Требилокк. – Чушь! Ко Фэна вышвырнули пинком под зад, лишив всех титулов, почестей и бессмертия. Его обвинили в предательстве за то, что он сохранил свое войско, вместо того чтобы попытаться покончить с нами у Пальмизано. Его сменил командир корпуса по имени Го Вэнчинь. Всех, кто имел какое-то отношение к Прак-

кии, вычистили вместе с Фэном, отправив в Северную и Восточную армии, что равнозначно внутренней ссылке. Ко Фэн исчез без следа. Никто из новой команды не участвовал в Великих Восточных войнах.

Требилькок перевел взгляд с Арала Дантиса на Мглу, словно ожидая возражений.

«Странный парень этот Майкл, – подумала Непанта. – Даже его лучшие друзья Дантис и Гьердрум говорят, что он странный. Похоже, только Вартлоккур его понимает».

Она точно не знала, что муж увидел в молодом человеке, но знала, что Майкл ему нравится, и это ее интриговало.

– Мгла? – спросил король.

– У Майкла связи получше, чем у меня.

Браги сделал едва заметный жест рукой, и Непанта увидела, как Майкл слегка пожал плечами в ответ.

– Вартлоккур, тебе есть что добавить? – спросил король.

– Я не следил за Шинсаном. Был занят.

Непанта, покраснев, устала в стол. Беременность вызвала у нее смешанные чувства – волнение, нетерпение, и вместе с тем чрезмерное беспокойство. В ее возрасте... Но она должна была попытаться возместить утрату – сына, потерянного во время войны...

– Но... – начала она и тут же замолчала.

Если муж не желал говорить о своих наблюдениях за востоком – это было только его дело. С другой стороны – зачем ему лгать?

– Естественно, я мог бы послать Нерожденного, – сказал Вартлоккур.

– Нет. Это их лишь спровоцировало бы. – Браги посмотрел на собравшихся. – Мои лучшие друзья, мои советники и собутыльники – почему вы сегодня настолько не в духе? Что, никто не хочет говорить? Ладно, пусть будет так. На этом и закончим. Расспросите своих связанных. Мне нужно знать, что происходит на востоке. Больше они не причинят нам вреда – по крайней мере, пока за мной остается последнее слово.

Его тон удивил Непанту. Приглядевшись, она увидела в его глазах слезы. Он был фанатично влюблен в Кавелин, и на мгновение она ему даже позавидовала. Если бы у нее было хоть что-то, столь много для нее значившее...

Амбиции восточных принцев дорого обошлись им обоим. Браги они стоили жизни брата и нескольких детей. А еще – его первой жены, лучшей подруги Непанты. И – его лучшего друга, Насмешника, который был ее первым мужем и которого Браги вынужден был убить, поскольку несчастному заморочили голову, убедив, что тот должен выбирать между Браги и сыном...

– Проклятье! – Она грохнула кулаком по столу.

Все обернулись. Поморщившись, она извинилась, но не стала ничего объяснять.

На нее теперь давило не только прошлое. Что-то в этом внешне незначительном собрании предвещало дурное, крича о наступлении тяжких времен. Вновь зашевелились беспокойные воинства ночи. Злая судьба собирала свежие силы. Темные тучи вгрызались в горизонт. Воздух трещал от предчувствия беды.

Король Браги шел через внутренний двор замка в сторону конюшни, когда на глаза ему попался Вартлоккур: чародей расхаживал по восточной стене, вглядываясь в даль. Тогда король сменил направление, подошел к нему сзади и уселся между двумя зубцами.

– Не хочешь поговорить?

Вартлоккур резко развернулся. От неожиданности король едва не свалился со стены, но чародей успел схватить его за руку.

– Не стоит ко мне так подкрадываться.

– Как – так? Кто вообще подкрадывался? Я просто подошел и сел. Проклятье, да что с тобой?

– Ничего конкретного, – проворчал чародей. – Пока. Что-то на востоке, но Шинсаном от него не воняет. Хотя я могу ошибаться.

– Есть какая-то связь с тем, что Сун вдруг поменял мнение?

– Мир состоит из закономерностей, но, как правило, мы неверно их понимаем. Хотя что касается Суна – он действительно хочет мира. Вопрос – зачем.

– Ты этого раньше не говорил.

– Непанта.

– Похоже, до меня не доходит.

– Прошедшие годы слишком многого ее лишили. Братьев. Насмешника и Этриана. Даже Эланы. Я не хочу мучить ее ложной надеждой.

– Что-то я все равно тебя не понимаю.

– Все дело в Этриане. Возможно, он жив.

– Что? Где? – Новость его ошеломила.

Его крестный сын жив? Перед этим мальчиком он был в неоплатном долгу.

– Спокойнее, – сказал чародей. – Я ничего точно не знаю, просто недавно у меня возникло подобное чувство. Нечто дьявольски далекое, обладающее своей аурой – примерно так ощущаешь запах свежего хлеба, идя по улице, а потом пытаешься отыскать пекаря. Единственное средство, которое я пока не использовал, – Нерожденный. Так или иначе, я не стану его туда посылать, пока не найдется еще какой-нибудь серьезный повод.

Король недовольно фыркнул. Существо, именовавшееся Нерожденным, было чудовищем, которое вообще не следовало создавать.

– Значит, это он там, на востоке?

– Если это в самом деле он. На Дальнем Востоке.

– Пленник Шинсана?

– Его захватил в плен лорд Чинь.

– Чинь мертв.

– Я лишь размышляю вслух. Его захватили в плен лорд Чинь и Фадема. Мы предполагали, что Этриана передали в руки Праккии, которая использовала его, чтобы обмануть Насмешника. Но, возможно, его у них все-таки нет.

– Он точно у них. Насмешника невозможно было провести, и ты прекрасно это знаешь. Каким-то образом они сумели всерьез его убедить на меня напасть.

Чародей молчал, глядя на туманный восток. Он оставил слова Браги без ответа, хотя вполне мог бы упрекнуть короля за то, что создает романтический образ бывшего друга. Или – слишком близко к сердцу принимает собственную вину.

– У нас нет никаких подтверждений смерти Этриана, – задумчиво проговорил король.

Вартлоккур гордился ясностью мыслей, но даже он не без слепых пятен. Человек, которого убил Браги и на чьей жене чародей впоследствии женился, был его сыном. И порой данный факт только мешал.

– Что-нибудь еще? – сменил тему Браги.

– А что еще?

– Как-то не слишком убедительно выглядят твои слова, будто ты очень занят.

Вартлоккур перевел взгляд на короля, и глаза его, похожие на глаза василиска, сузились.

– С возрастом ты становишься смелее. Я помню, как юный Браги весь трясся при одном лишь упоминании моего имени.

– Тогда он не понимал, что даже могущественные уязвимы, и не видел внушающих ужас в минуты их слабости.

– Хорошо сказано, – усмехнулся Вартлоккур. – Впрочем, не принимай чересчур близко к сердцу. Тервола не дадут тебе десять лет на поиски щелей в их доспехах.

Браги встал.

– Попробую снова поговорить на эту тему, когда ты будешь выражаться яснее. Может, все же получу от тебя прямые ответы.

Вартлоккур вновь рассеянно уставился на восток.

– Хорошо, поговорим позже, – сказал он.

Браги непонимающе нахмурился – чародей перешел на другой язык. Пожав плечами, он оставил Вартлоккура наедине с его тайнами.

Переулочек Линеке получил свое название во времена гражданской войны, приведшей капитана наемников Браги Рагнарсона в Кавелин. Именно тогда Рагнарсон уничтожил врагов королевых Фианы, и ключевую победу одержали возле городка Линеке.

По извивавшейся среди богатых домов улице ехал на запад одинокий промокший всадник. По правую руку от него появился парк, а дома слева становились все больше и богаче. Он взглянул на один, где обитали оставшиеся в живых члены семьи короля от первого брака – не в бедности, но и не в демонстративной роскоши. Всадник отвел взгляд и свернул с переулочка через несколько домов после дома короля.

Слуга, не обращая внимания на дождь, взял у него коня.

– Госпожа только что прибыла, господин Дантис. Она велела подождать в библиотеке. Бетта тебя там обслужит.

– Спасибо. – Арал перешагнул порог, сбросил плащ и отдал его привратнику. Шагая через библиотеку, он искал взглядом детей Мглы. Обычно они сразу заявляли о себе, движимые чрезмерным любопытством, но сегодня он их не увидел. Возможно, их увела куда-нибудь Мгла. Как ни учи малышей, они всегда могли проболтаться.

– Доброе утро, господин, – сказала горничная.

– Доброе утро, Бетта. Не могла бы ты принести мне чего-нибудь легкого? Скажем, хлеба с маслом и вареньем? Я еще не ел.

– У повара есть отличная куропатка, господин.

– Вряд ли стоит. Я надолго не задержусь.

– Хорошо, господин. Чаю?

– Чего-нибудь горячего. От этого дождя ревматизм заработать можно.

Женщина вышла, и Дантис принялся взволнованно расхаживать по комнате. Столько книг! Они воплощали в себе столько богатства и знаний, что повергали его в ужас. Никакого образования он не получил и научился грамоте от отца, который тратил на это время лишь потому, что был чересчур скуп, чтобы нанимать писарей.

Арал прекрасно осознавал свое невежество. Люди, с которыми он пересекался во дворце, открыто демонстрировали ему, насколько ценна грамотность, а общение с Мглой лишний раз это подчеркивало. Она открыла ему глаза на бесчисленное множество новых идей...

Арал Дантис считал себя реалистом и не верил, будто что-либо бывает бесплатно. Его своеобразная романтичность отличалась от романтичности его знакомых, и его отношения с Мглой были удобным для обоих союзом. Они всегда могли помочь друг другу... по крайней мере так он убеждал себя в минуты беспокойства.

Откуда же этот необузданный интерес к тому, что не касалось ни торговли, ни политики? Почему она тратила время, обучая его столь элементарным вещам, что подобные уроки наверняка крайне ее утомляли? Почему, если возможная польза от него была давно известна и строго ограничена? Почему?.. Мысль эта пришла к нему с совершенно неожиданной стороны, мучая и терзая, а потом оставила его с полностью новыми ощущениями и взглядами. И это его пугало. Время было не самое подходящее, так же как не была подходящей женщиной и Мгла.

Она была старухой. Она была стара, когда его дед был младенцем. Возможно, она была стара и тогда, когда малышом был Вартлоккур, хотя чародей жил на этом свете уже четыре долгих столетия. И еще она была принцессой Империи Ужаса. Никакая косметика не могла

это скрыть, никакое сколь угодно долгое изгнание не могло этого изменить. В ее жилах текла кровь жестоких тиранов, и даже сейчас она отвечала на ее зов.

Но при этом она была самой желанной из всех живущих на свете женщин. Когда на мужчину проливался огонь ее глаз, тот сразу же таял, становясь ее рабом. Лишь какое-нибудь лишенное мужских признаков существо из тех же дьявольских джунглей, что породили ее саму, могло бы ее проигнорировать.

Арал задумался, наверное уже в сотый раз, о том, что таится за идеальной маской, какой являлась ее красота. Мужчины-чудотворцы Империи Ужаса скрывались за чудовищными изображениями зверей. Она скрывалась за собственной неотразимостью.

Просмотрев все заголовки, он наконец выбрал книгу, которую выбирал каждый раз, приходя сюда. Бетта принесла хлеб с маслом и чай, и он понемногу прихлебывал и закусывал, разглядывая тщательно подготовленные, отпечатанные вручную гравюры архитектурных чудес эпохи. Во время войны он видел настоящие сооружения, и изображения выглядели совершенно на них не похоже.

– Проклятье! – негромко выругался он. – Можно было сделать и получше.

Майкл утверждал, будто в Хеллин-Даймиеле есть художники, способные создавать идеальные портреты. Почему бы им не попробовать изображать различные места?

– Арал? – послышался тихий голос, звенящий словно серебряный колокольчик. На фоне ее красоты, казалось, не могло существовать никакое уродство. Он встал, сглотив ком в горле. – Сядь, Арал. – Она села на стул рядом с ним, и ему почудилось, будто он ощущает ее тепло на расстоянии в фут. – Опять та же книга. Почему?

Он замялся:

– Технологический вызов. Должен быть какой-то способ делать иллюстрации получше.

Не прозвучал ли его голос подобно лягушачьему кваканью? Как она могла на него так воздействовать? Он давно уже не был мальчишкой.

– Ты говорил с Майклом?

– Мы выбрались с ним на конную прогулку, но он мало что рассказал. Вел себя еще загадочнее, чем обычно. У меня такое чувство, будто он пытался меня отговорить.

– То есть? Думаешь, он знает?

– Не могу сказать. Наверняка он что-то подозревает, но точно не уверен, по крайней мере, пока. Он постоянно уходил от темы, болтал об озеленении и ставках на игру в захваты.

«Похоже, я говорю чересчур быстро, – подумал он, – и, вероятно, чересчур много». Он знал, что на самом деле вовсе не влюблен – это было лишь физическое влечение, но весьма могущественное. Эта женщина лишила его разума, распаляя похоть.

– Он знает больше, чем рассказал королю, Арал. Это очевидно. Он слишком многое знал о лорде Ко Фэне и лорде Го, чтобы не узнать еще больше. У него хорошие связи к востоку от гор. Возможно, кто-то о нас пронюхал. Хорошо бы, чтобы твои друзья-контрабандисты выяснили, кто это.

– Обязательно все делать именно так? Майкл мог бы во многом нам помочь, если бы мы его во все посвятили.

– Из-за него нас могут и убить. Я ему не доверяю, Арал. Он слишком сам по себе. Он никому не предан, и у него лишь временные союзники. Он из тех, кто без колебаний поменяет коней на переправе. Боюсь, король скоро пожалеет, что не держал Майкла на более коротком поводке.

– Угу. Беспорядки в Троесе. Он признался, что в них участвовал. И ему приказано не раздражать лорда Суна. Королю крайне нужно восстановить торговлю.

– Что насчет Чама Мундвиллера? Все еще занимает выжидательную позицию? Нам вовсе не обязательно отступать из Седльмайра, но мне кажется, лучше поступить именно так. Они могут финансировать еще один батальон, и мои друзья будут чувствовать себя намного уютнее.

– Он крайне осторожен. Ему хочется, чтобы его прикрывали с обеих сторон. У него те же поводы для беспокойства, что и у Майкла, – он никогда прежде не выступал против короля.

– Продолжай, – сказала Мгла, покусывая ноготь.

– Проклятый Майкл! Он стал подобен призрак. Никогда не знаешь, где он или чем занимается и не работает ли на него твой сосед. Мне каждый раз приходится оглядываться через плечо. Дьявол, с Майклом попросту тяжело вести какие-либо дела. А теперь еще вернулся этот проклятый чародей, а они с Майклом всегда держались вместе. То, чего Майкл не может выяснить сам, для него раскопает Вартлоккур – достаточно лишь попросить. Честно говоря, у меня от них мороз по коже.

– Чам о чем-нибудь просил?

– Нет.

– Ничего не предлагай. Пусть разбирается сам. Не хочу вести дела с теми, кого приходится подкупать, – их могут подкупить и другие. Придется ему удовлетвориться безопасной торговлей.

– Насколько я понимаю, вся суть именно в торговле, – кивнул Дантис.

С тех пор как в Шинсане установился менее воинственный и более ориентированный на торговлю режим, богатства, по идее, должны были потечь рекой. Весь Кавелин мог бы купаться в этом потоке – как до Великих Восточных войн.

Арал верил в то, что делает. Он был патриотом, и совесть его была чиста. Был один неприятный момент, когда он узнал, что Пратаксис делает успехи в переговорах с лордом Суном, но Мгла его успокоила, заверив, что Сун лишь играет в дипломатические игры и вовсе не намерен ослаблять удавку на торговых путях.

– Что происходит в Шинсане? – спросил он. – У чародея несомненно что-то на уме.

– Если честно, не знаю. Они меняют структуру военного командования и перетасовывают легионы. Приказы отдают люди лорда Го. Они ничего не объясняют, и мои друзья мало что могут рассказать.

– Или не хотят?

– Об этом я тоже думала. Всегда есть вероятность, что они работают на другую сторону или на обе сразу. Думаю, что смогу обойтись без них. Есть и другие средства.

Арал вздрогнул – он видел некоторые эти средства во время войны. Мгла была величайшей носительницей Силы, и никакие чувства не могли этому помешать.

– Пожалуй, я лучше пойду. Когда меня слишком долго нет, вся работа в лавке летит дьяволу под хвост.

Она легко коснулась его руки, и взгляд ее затуманился.

– Какой же ты милый, Арал. Слово не настоящий. Вальтер тоже был таким. – В голосе ее послышалась тоска.

Будь он немного смелее... Прошло четыре года после Пальмизано и смерти ее мужа. Наверняка она уже готова.

Арал ушел, пытаясь отвлечь себя вопросом: на кого сегодня поставить в игре в захваты?

4

**1011 г. от О.И.И.
Воспоминание времен войны**

В тот рассвет весна окончательно обернулась коварной болезнью, распространявшей вокруг неудовлетворенность и беспокойство, желание куда-то двигаться, что-то делать. Прежде со стороны гор Капенрунг дул прохладный, пахнувший соснами ветер, придававший сил и вместе с тем внушавший неясную тревогу, но теперь в теплом неподвижном воздухе зрели семена непродуманных поступков.

Непанта стояла у окна спальни на втором этаже в доме ее брата в переулке Линеке, глядя на видневшиеся между верхушками деревьев башни Воргреберга.

– Нужно убираться отсюда, – прошептала она. – Иначе я с ума сойду.

Взгляд ее упал на дворец. Может, Браги сможет переселить ее туда?

Мысли Непанты обратились к мужу, Насмешнику, от которого не было вестей уже год. Перед глазами вдруг возникла эротичная картина, которую она тут же с отвращением отбросила. Она была не из тех женщин, кто готов пойти на поводу у физического влечения – подобным, скорее, отличались уличные шлюхи.

– Я в самом деле сойду с ума, – прошептала она, ударив кулаком по подоконнику. – Браги, почему ты не мог оставить нас в покое?

Несчастный Насмешник терял разум, когда речь заходила о работе для Браги или Гаруна. Они заставляли его выполнять самые идиотские задания... В тот раз ему поручили шпионить за кем-то для Браги. И он исчез.

Никаких доказательств его смерти не было – по словам Браги, даже слухов. Но... будь Насмешник жив, он давно бы уже вернулся домой.

Дверь в ее комнату со скрипом открылась, и на пороге появился сын, несколько растерянный. В двенадцать лет он уже во многом походил на мужчину, которым ему предстояло стать.

Он мало чем напоминал отца. Насмешник был невысок, толст и смугл. Этриан наверняка вырастет на ладонь выше него, широкоплечий и мускулистый, как и родственники матери по мужской линии.

На Непанту вдруг нахлынули чувства. Захотелось заключить его в объятия и больше не отпускать, защищая от гнева этого мира.

– Этриан? Что такое?

– Там внизу какой-то человек, – озадаченно ответил мальчик. – Он говорит, у него послание от отца.

Ей показалось, будто сердце стиснули жестокие когти.

– Кто он? – с трудом выговорила она.

– Не знаю, мама. Он просто просил передать, что его прислал отец.

– Где он?

– Внизу на крыльце.

– Проводи его в дом. В библиотеку. Так, чтобы никто не видел. – Интуиция подсказывала, что следует быть осмотрительной. Насмешник не отправил бы к ней посланника, если бы не требовалась осторожность. – Сейчас спущусь.

Она бросилась к туалетному столику, стараясь упорядочить мысли и убеждая себя успокоиться, но ей это не удавалось.

Посланник оказался странным человеком – мрачным и молчаливым, с большим белым шрамом поперек щеки. От него исходил холод, и Непанту бросило в дрожь. Впрочем, все друзья Насмешника были слегка не от мира сего.

Убедившись, к своему удовлетворению, что имеет дело именно с ней, он сказал на вессонском, с сильным акцентом:

– Меня послал твой муж, госпожа, с важным сообщением. Прежде всего – два подтверждения, что меня можно считать другом, а не лжецом. Он говорит, ты сразу поймешь их истинный смысл.

Он протянул ей кольцо из чистого золота и маленький кинжал с инкрустацией в виде крошечной трехконечной свастики на рукоятке. Непанта опустилась на стул, держа по предмету в каждой руке. Да, она все поняла. Посланник наверняка был настоящим. Кто, кроме Насмешника, мог знать, сколь много значили для нее эти вещи? Кольцо она подарила ему в знак любви вскоре после свадьбы – с его внутренней стороны было выгравировано невидимыми символами любовное заклинание. Кинжал был подарком на десятилетнюю годовщину. Он принадлежал ее отцу, а до него – деду, как знак власти когда-то могущественного семейства. Когда-нибудь его владельцем должен был стать Этриан. Да, только так Насмешник мог гарантировать надежность посланника – прислав эти предметы.

– Я верю, что ты тот, кем себя называешь. Продолжай. Что он просил передать?

– Где мой отец? – требовательно спросил Этриан.

– Спокойнее, Этриан. Выйди и встань за дверью. Предупреди нас, если кто-то появится.

Посланник выбрал самый удачный день – дома почти никого не было. Он достал запечатанный пакет.

– Мне поручено передать тебе эти письма. Прочитай. Потом поговорим.

Непанта дрожащими руками разорвала пакет и извлекла первое письмо. Почерк был не Насмешника, но ее это не удивило. Муж умел писать, но, если только он не проявлял несвойственное ему терпение, все выходившее из-под пера оставалось непонятным даже ему самому. Если он хотел, чтобы написанное поняли другие, приходилось просить у кого-то помощи.

Письма выглядели безумными – пронизанными паранойей, невероятными, замысловатыми и лишь отчасти связными. Насмешник открыто обвинял Браги и Гаруна в покушении на свою жизнь. Сам он скрывался на Среднем Востоке, где у него были друзья, и хотел, чтобы она

тайком ускользнула к нему, пока Браги не предпринял очередной логичный шаг, заключив ее с Этрианом в темницу.

Все это выглядело бессмыслицей. Насмешник никогда не упоминал о каких-либо друзьях на востоке. И зачем Браги или Гаруну его убивать?

– Ты закончила? – спросил посланник.

Она ошеломленно уставилась в его холодное, словно у наемного убийцы, лицо.

– Да. Что все это значит?

– Прости, госпожа, но мне ничего не говорили. Меня послали, чтобы я доставил тебя к нему. Со мной двое друзей. Мы должны охранять тебя во время путешествия в Троес. И мы должны избегать внимания местных властей. Это все, что мне сказали.

– Но...

– Прости. Ты поедешь с нами?

– Да. Конечно.

Она встала, удивленная поспешностью, с которой приняла решение – столь же безумное, как и письма Насмешника.

– Собирайся быстрее и не бери много вещей. Мы поедем верхом, и нам придется торопиться, чтобы враги не обнаружили нас и не пустились в погоню.

– Да, конечно.

Конечно. Таков был образ жизни Насмешника – путешествовать в тени, работать в тени и всегда двигаться быстро и налегке. Жить в тени и умереть в тени. И не оглядываться, поскольку кто-то мог тебя нагонять.

Она выбежала из библиотеки.

– Этриан, собери немного вещей. Мы едем к отцу. Нет, не задавай вопросов. Просто делай, что сказано. И побыстрее.

Оставив его озадаченно смотреть ей вслед, она побросала в сумку вещи, не особо раздумывая о предстоящем путешествии. Мысли ее были полностью заняты попытками понять, что, собственно, происходит.

– Не отставай, парень! – прорычал Шрам.

За несколько недель их путешествия Непанта так и не узнала имени посланца Насмешника. Сегодня он был не в духе, но она его в том не винила – наверняка его страшно мучили раны.

Двумя днями ранее они столкнулись с бандитами, как раз в тот момент, когда Шрам уже расслабился, поскольку они приближались к Троесу. Оба его товарища погибли.

– Еще совсем немного, Этриан, – пообещала она. – Мы уже почти на месте. – Они ехали среди окружавших Троес крестьянских хозяйств, и перед ними простирался окутанный дымкой горизонт. – В любую минуту могут показаться городские стены.

– У Троеса нет стен, – сказал Шрам. Впервые за долгое время они услышали от него хоть что-то содержательное. – Через три часа будем там.

Он почти не ошибся. Через три часа с минутами они спешили перед домом, столь же величественным, как и все знакомые Непанте дома в переулке Линеке. Их встретил невероятно жирный человек, похоже ничуть им не обрадовавшийся. Они со Шрамом о чем-то заспорили, затем Шрам прекратил дискуссию, сев на коня и уехав прочь. Толстяк яростно осыпал его проклятиями и угрозами, глядя ему вслед.

– Мы сможем с ним увидеться? – спросила Непанта. – Он здесь?

Нахмурившись, толстяк на мгновение задумался, затем на еще худшем вессонском, чем у Шрама, ответил:

– Его здесь нет. Уехал. В Аргон. Вы тоже туда поедете. Да?

У Непанты опустились плечи.

– О нет, только не это. Я и фута дальше не проеду.

– Вы отдохнете. Да? Один, может, два дня. Надо договориться. С надежной охраной. – Толстяк сплюнул вслед Шраму. – Самое простое сделать не может. Двоих потерял.

– Тебе повезло, что мы вообще добрались. Нас несколько дней преследовали бандиты. Толстяк снова сплюнул.

– Внутрь. Чтобы вас не видели. Враги повсюду.

Как Непанте ни хотелось поскорее увидеть Насмешника, она была весьма разочарована, узнав, что для сбора нового сопровождения потребовалось всего два дня.

– Ого, – проговорил Этриан. – Мама, какой он огромный!

Они ехали по понтонным мостам и низким островам в дельте реки, медленно приближаясь к городу Аргону, расположившемуся на острове возле устья реки Роэ. Вдали высились городские стены, становясь все массивнее по мере того, как путники к ним приближались.

Непанта давно перестала обращать внимание на усталость, жару и сырость, и даже город не произвел на нее впечатления. Она пыталась отвлечься, рассказывая Этриану все, что знала об Аргоне, но это не помогало.

В том месте, где они пересекли последний понтонный мост и въехали в городские ворота, высота стены составляла шестьдесят футов. Этриан был настолько ошеломлен, что даже забыл об отце. Непанта же настолько вымоталась, что не ощутила ничего, кроме легкого волнения.

Сопровождающие провели их по заполненным людьми улицам к огромной крепости внутри города. Непанта догадалась, что это Фадем, цитадель, из которой правила большим городом-государством королева, называвшая себя Фадемой. Похоже, Насмешник нашел себе могущественных друзей.

Их ждали. Навстречу им вышел взвод слуг в ливреях. Возглавлявший их господин говорил на безупречном даймиельском, служившем общим языком для западных образованных классов.

– Добро пожаловать в Аргон и Фадем. Надеюсь, у нас вы встретите более теплый прием, чем по дороге.

– Просто покажите мне, где ванная и постель.

– Мы теперь можем увидеться с моим отцом? – спросил Этриан.

Господин озадаченно взглянул на него:

– Мне известно лишь, что вы – гости ее величества, юноша, и о ваших здешних делах я ничего не знаю. Этим вопросом пусть займется кто-то из тех, кто поближе к трону. Госпожа, не будешь ли ты так любезна пройти со мной? Для вас уже приготовлены покои. Мне поручено сообщить тебе, что, как только вы выкупаетесь, поедите и отдохнете, к вам пришлют портных, чтобы помочь обзавестись новым гардеробом.

Он говорил на ходу, и Непанта вскоре заблудилась в замысловатых коридорах крепости. Этриан повторил свой дерзкий вопрос, и она шикнула на него:

– Веди себя как следует, понял? Мы здесь гости, и тут не Квартал.

Кварталом назывались трущобы, где они жили, прежде чем Браги убедил Насмешника взяться за некую безрассудную миссию.

Покои располагались наверху квадратной башни, напомнившей Непанте о ее детстве, когда у нее имелась собственная башня. К этим покоям, однако, прилагался персонал в составе пяти слуг, в том числе повар, и никто из них не говорил ни на одном известном Непанте языке. Возглавлявший свиту господин поклонился и вышел. Слуги жестами показали, что ванна уже ждет. Непанта велела Этриану идти первым.

Стоя у единственного окна, она смотрела на простирившийся внизу город, на который заходящее солнце отбрасывало красно-оранжевые тени. Она находилась на высоте восьмидесяти или ста футов, в покоях с собственной прислугой, не говорившей на знакомом языке.

Кажется, она пленница.

Она проспала всего несколько часов. Ее разбудило смутное, неопределенное ощущение, будто что-то не так.

Дверь приоткрылась, и кто-то осторожно шагнул внутрь. Непанта села на постели. Из тени вышла женщина.

– Добрый вечер, госпожа. Мне очень жаль, что тебе так долго пришлось ждать, – женщина говорила на вессонском с чудовищным акцентом.

Непанта встала. К горлу ее подступил комок.

– Где он? Когда я смогу его увидеть?

– Кто?

– Мой муж.

– Не понимаю.

– Те люди, что привезли меня в Троес... сказали, что доставят меня к мужу. Он послал за мной. У них было письмо.

– Они солгали. – Женщина издевательски усмехнулась. – Позволь представиться – я Фадема, королева Аргона.

– Почему я здесь?

– Нам пришлось убрать тебя из Воргреберга. Там ты могла доставить нам немало хлопот.

– Кому «нам»?

– Госпожа. – Вошел очередной посетитель.

– Шинсан! – судорожно вздохнув, прошептала Непанта. Она видела достаточно трофеев после битвы при Баксендале, чтобы узнать тервола. – Опять!

Тервола поклонился:

– Мы снова пришли, госпожа.

– Где мой муж?

– С ним все хорошо.

– Лучше отправьте меня домой! Вы меня обманули... Я под защитой Вартлоккура, и вам об этом хорошо известно.

– Конечно известно. Мне точно известно, что ты для него значишь. Именно это главная причина, по которой ты оказалась здесь.

Непанта устроила настоящий скандал.

– Госпожа, – заявил тервола, – советую тебе успокоиться. Не создавай лишних сложностей.

– Что с моим мужем? Мне сказали, что отвезут меня к нему.

– Понятия не имею, – ответила Фадема.

Непанта выхватила кинжал и набросилась на тервола, но тот без труда ее разоружил.

– Фадема, уведи мальчишку, чтобы вела себя как положено. Поговорим позже, госпожа.

Непанта вопила, брыкалась, кусалась, грозила и умоляла. Тервола держал ее, пока Фадема не выволокла Этриана за дверь.

– Твоя честь и твой сын – наши заложники, – сказал тервола, когда Фадема скрылась за дверью. – Поняла?

– Поняла. Вартлоккур и мой муж...

– Ничего они не сделают. Собственно, именно поэтому ты – моя пленница.

Непанта не сумела скрыть слабую улыбку. Тервола ошибался – он не знал тех, кого хотел подчинить себе. Насмешник пришел бы в бешенство, а Вартлоккура невозможно было шантажировать. В случае чего он смирился бы с потерями и стер бы с лица земли тех, кто стал тому виной.

Ей было страшно, и не без причин.

– Твоя пленница? Разве это не ее город?

– Это ей так кажется. Забавно, да? Всего лишь год. Веди себя хорошо и будешь свободна. Иначе... ты знаешь нашу репутацию. В нашем языке нет слова «милосердие».

Он быстро повернулся и вышел. Непанта рухнула на постель, дав волю слезам, которые сдерживала во время разговора.

– Какая же я дура, – пробормотала она. – Мне следовало сообразить, когда я прочла в письмах, будто Браги пытался его убить.

– Ш-ш-ш!

Жив Насмешник или мертв? Тервола сказал, с ним все хорошо. Что это значит? На самом деле ничего. Они были известными лжецами.

– Ш-ш-ш!

Она попыталась вспомнить детали маски тервола. Говорили, будто каждая их маска уникальна. Возможно, придет время, когда она сумеет опознать эту.

– Ш-ш-ш!

На этот раз она поняла, что звук доносится со стороны окна. Окна? Оно находилось на высоте восьмидесяти футов. Встав, она опасливо подошла ближе.

Снаружи на нее смотрел какой-то парень, лицо его показалось знакомым.

– Что? Кто ты? Я... я тебя знаю?

– Я из Воргреберга. Меня зовут Майкл Требилюк. Мы с другом приехали сюда следом за вами.

Его слова ошеломили Непанту. Они следовали за ней? От самого Кавелина?

– Зачем?

– Чтобы выяснить ваши намерения. Точно такие же люди убили жену маршала. И твоего брата.

«Боже, – подумала она. – Что со мной творится?» Он был прав. Полностью прав. Шрам вполне подходил под это описание. Как она могла оказаться настолько слепа? Ее снова охватила злость, – похоже, у нее настоящий талант постоянно обманываться.

Юноше, называвшему себя Майклом, с трудом удалось ее успокоить.

– Пойми, тебе ничто всерьез не угрожает, пока они думают, будто могут тебя использовать, чтобы шантажировать чародея и твоего мужа.

– И что ты собираешься делать?

– Я думал вытащить вас через окно. Но теперь у них в руках твой сын. Вряд ли ты...

– Ты совершенно прав. – Сами боги не смогли бы оторвать ее от этого места, пока Этриана держат в плену.

– Значит, я ничем не могу тебе помочь. Могу лишь вернуться домой и рассказать всем, что случилось. Может, маршал сумеет что-то предпринять.

«Вряд ли», – подумала она. Браги мог бы попытаться ради их дружбы, но Кавелин не имел дипломатического влияния к востоку от гор М'Ханд, не говоря уже о Шинсане. Будь он достаточно умен, просто забыл бы о ней и продолжил заниматься делами Кавелина.

Непанта выглянула в окно:

– Дождь кончился. Светает.

– Похоже, нам весь день придется провести на этом карнизе, – глухо застонал Требилюк.

Перед его уходом они еще немного поговорили. Майкл пообещал, что поедет сразу домой, и она поцеловала на прощание его и его друга. Бедные, несчастные глупцы... Какие у них были шансы?

– Мы обязательно вернемся. Обещаю. – Глаза Требилюка весело блеснули.

Она не сумела сдержать улыбку.

– А ты смельчак. Не забывай, я замужем. До свидания.

Хотя в душе она понимала, что ничего из этого не выйдет, все же не теряла надежды. В течение последующих месяцев она вела себя дерзко, вызывая у тюремщиков замешательство и даже тревогу.

Она уже давно не вспоминала про Майкла Требилькока – наверняка ему с другом не удалось добраться до Кавелина, а если и получилось, то только чудом. И если они все-таки вернулись домой – что они могли сделать? Ничего.

Долгими ночами она часто не могла заснуть. Бессонница мучила ее большую часть жизни, но сейчас стало еще хуже из-за беспокойства за сына. Им столь редко позволяли видиться... Но каждый раз, когда она его видела, он выглядел вполне здоровым, лишь слегка напуганным и сбитым с толку.

– Проклятая дура, – в тысячный раз повторяла она, расхаживая ночью по комнате.

Снаружи что-то загрохотало и зазвенело. Выглянув из окна, она не увидела ничего, кроме дождевых туч... Хотя... на севере острова виднелось нечто похожее на большой пожар. Она отступила, пораженная воспоминанием.

Много лет назад братья ненадолго сделали ее правящей принцессой Ива-Сколовды. И однажды зимней ночью она, выглянув из окна, увидела, как пылает ее город...

Окно заслонила чья-то обширная тень. Лязгнул извлеченный из ножен меч, и кто-то схватил ее. Она в панике закричала, но ей зажали рукой рот.

– Она меня укусила!

– Непанта! Успокойся!

Послышались сразу несколько голосов.

– Она сейчас закричит.

– Майкл, найди светильник! Проклятье!

– Маршал, я ее сейчас стукну!

– Спокойно, сынок. Непанта! Это я, Браги. Веди себя прилично.

Она повалилась на пол вместе с державшим ее мужчиной, плюясь и пинаясь. Кто-то зажег свет. Кто-то другой схватил за волосы и дернул ее голову назад. Браги? Здесь?

– Теперь будешь вести себя тихо?

Паника миновала столь же быстро, как и возникла. Она поняла, что ведет себя совершенно по-дурацки, но продолжала что-то бессвязно бормотать.

– погоди минуту, – сказал Браги. – Приди в себя.

Наконец взяв себя в руки, она обо всем рассказала, нисколько себя не жалея.

– Но что ты тут делаешь?

– Я здесь, потому что ты здесь.

Вот так – просто. А она поверила, что он угрожал ее мужу...

– Но... ты же один. Вернее, вас трое. – Она повернулась к Майклу. – Спасибо тебе. А ты... извини меня. Я перепугалась.

Арал Дантис лизнул раненую ладонь.

– Ничего страшного, госпожа.

– Я пришел не один, – сказал Браги. – Им сейчас дает пинка под зад целое кавелинское войско.

– Браги, тебе незачем начинать войну с Аргоном. Уж точно не из-за меня...

Но... как же она была рада, что он пришел! Не меньше, чем она ненавидела его за столь же безумные поступки в отношении других друзей.

Маршал Кавелина Рагнарсон доказал, что она ошибалась. Сил у него вполне хватало – вместе с ним атаковало войско Некремноса, крупного соперника Аргона выше по течению. Двойному удару аргонцы противостоять не смогли.

Непанта держалась в стороне, пока наконец не выдержала и, желая знать, что вообще происходит, разыскала Браги. К тому времени его войска контролировали большую часть Фадема. Лишь одна цитадель оставалась незахваченной, и он готовился к ее штурму.

– Ты что-нибудь выяснил? – спросила она. – Хоть что-нибудь?

– Насчет Этриана? Кое-что выяснил. Он там. – Браги показал на башню, которую собрался атаковать. – С Фадемой и тервола. Через несколько часов он будет с нами.

– Что, если они... – Она не договорила.

О подобном она не могла даже подумать.

– Если они с ним что-то сделают? Какой смысл, если они все равно ничего этим не добьются?

Его слова ее не убедили.

– Просто со злости.

– Гм... Фадема на такое способна. Но не она тут главная, а тервола куда умнее. Почему бы тебе не укрыться где-нибудь и не подождать? Через несколько минут начнем штурм.

Ожидание было невыносимым. Пришел чародей Вартлоккур и немного побыл с ней, пока его не позвали сражаться. Его присутствие успокаивало. Хотя они с Непантой не всегда ладили, он был частью ее жизни с самого детства и стал редким островком стабильности.

Сражение продолжалось намного дольше, чем ожидал Браги, и Непанта в конце концов задремала. Ее разбудили нестройные радостные возгласы. Вскочив, она бросилась к выходящим из захваченной башни солдатам, хватая за руку каждого, кто казался ей знакомым.

– Вы не видели моего сына?

Некоторые лишь смотрели на нее усталым пустым взглядом, другие качали головой и шли дальше. Затем появился Вартлоккур, выглядевший еще более измученным, чем остальные. Он шел, склонившись над кем-то, лежащим на носилках.

– Браги! – выдохнула Непанта. – Варт, что случилось? Где Этриан?

– Его нет, – бесцветным голосом еле слышно ответил чародей. – Они сбежали в последнюю секунду через портал. Как раз тогда, когда мы уже думали, что им от нас не уйти. И они забрали Этриана.

– Но... разве ты не мог их остановить? Почему ты их не остановил? – Она понимала, что срывается в истерику, но не могла сдержаться.

– Мы сделали все, что могли. Браги, возможно, ослеп. У нас ничего не вышло. Вот, собственно, и все.

Непанта взглянула на Браги, и истерика тут же отступила. Ослеп? Пытаясь спасти Этриана? Она расплакалась.

Мир ее состоял исключительно из оттенков серого. Сперва пропал Насмешник, теперь Этриан. Братья давно погибли. Никого не осталось. Какой смысл и дальше жить в столь жестоком мире?

Вартлоккур изо всех сил пытался поддержать ее, мягко ухаживая за ней, как и в течение многих лет. К подобному она была не готова, но и оттолкнуть его не хватало духу. К тому же утешала мысль, что у нее есть хотя бы единственная опора в его лице.

Она была не одна и знала, что никогда не останется одна. Вартлоккур не входил в число желанных мужчин, но, пока он жив, с ней рядом всегда был кто-то, создававший хотя бы крохотное ощущение безопасности.

В дверь постучали, и вошел солдат.

– Сегодня мы уходим. Браги собирается нанести визит королю Некременосу, но это лишь дымовая завеса. Мы заключили сделку с аргонцами, – усмехнулся он.

Они собирались оставить некремenceв отдуваться за остальных? Что ж, неплохо. По последним данным разведки, некремenceцы намеревались ограбить солдат Браги, как только

заберут свою долю у аргонцев. Захватив Фадем, люди Браги завладели величайшими богатствами Аргона.

– Как скоро? – спросила она.

– Как только будешь готова. У ворот шлюза ждет баржа. Тебе нужна помощь?

– Помощь? Какая? У меня ничего нет, кроме собственной одежды.

– Тогда я подожду и провожу тебя. Если ты не против.

Против она не была – как и против всего остального в те дни.

Большой приземистой баржей управляли некременные речные матросы. На борту ее были Майкл Требилюк и Арал Дантис, вместе с большинством сторонников маршала. Все утро двое юношей флиртовали с Непантой, желая поднять ей настроение. И когда баржа причалила неподалеку от некременной штаб-квартиры, она уже чувствовала себя чуть веселее, хотя и не могла избавиться от ощущения, что предает Этриана.

Непанта оставалась на борту, пока Браги и Вартлоккур наносили визит к некременцам. За ними по пятам следовали Майкл и Арал, наслаждаясь возможностью побыть рядом с центром власти. Ей ненадолго составил компанию Хаакен, брат Браги, пытаясь посочувствовать, но у него не слишком получалось. Хаакен был прирожденным солдатом, сражавшимся с тех пор, как ему исполнилось пятнадцать, и так и не научился выражать свои чувства. Слегка коснувшись его руки, Непанта поблагодарила за заботу. Ей было его крайне жаль – от жизни он получал меньше радостей, чем она сама.

На берегу внезапно послышался лязг оружия, крики. Хаакен тотчас же метнулся на шум. Непанта последовала за ним. Увидев, что происходит, она едва не лишилась чувств – Майкл ввязался в драку не с кем иным, как с ее пропавшим мужем!

– Что случилось? – спросила она Арала.

– Он прятался в кустах, наблюдал за нами, а когда мы к нему подошли, начал драться.

Что он тут делал? Откуда он взялся? Почему не дал о себе знать? Наверняка он видел ее на барже.

– Хватит! Майкл, остановись! – взревел Браги, расталкивая зрителей.

Требилюк отступил, опустив меч. Его противник развернулся, и лицо его исказилось от страха, как у человека, угодившего в безнадежную ловушку.

Непанта налетела на него, заключив в объятия и уткнувшись лицом в грудь.

– Дорогой! Что ты делаешь? Где ты был? – и так далее, и так далее. Она понимала, что лишь бессвязно бормочет, а он не смог бы ей ответить, даже если бы захотел, но не могла остановить изливавшегося из нее потока слов.

– Возвращаемся на баржу, – сказал Браги. – Пора отправляться. Непанта, не спускай с него глаз.

Непанта не отпустила его даже тогда, когда стало ясно, что сам он рад их встрече куда меньше, чем она.

Потом последовала долгая совместная дорога домой, во время которой они предавались воспоминаниям и делились горечью по поводу того, как тервола по имени Чинь выставил дураками обоих. Насмешник не особо распространялся о том, что случилось с ним за время их разлуки, и Непанта поняла, что речь наверняка шла о чем-то весьма мрачном. У него появились новые шрамы, и от прежних приступов веселья не осталось и следа. Рассмешить его теперь было невозможно.

Со своей стороны она избегала затрагивать тему Этриана, и Насмешника, похоже, это вполне устраивало. Она думала, что ей удастся наконец вернуть к жизни прежнего Насмешника, выманив на белый свет его бывшее бесшабашное естество, но тут войско остановилось в окрестностях Троеса. Пока интенданты пополняли припасы, Насмешник отправился в город.

Назад его принес на носилках Хаакен Черный Клык. Об обстоятельствах случившегося Хаакен особо не распространялся, но Непанта вскоре заметила, как охладели к Насмешнику

Черный Клык, Браги и Вартлоккур. Решив, что ее муж уже в достаточной степени выздоровел, она начала задавать вопросы.

Насмешник ничего не хотел говорить. Она пыталась и так и этак, но он молчал как камень. Он даже утратил всяческий интерес к сексу – с чем она не сталкивалась даже в самые тяжкие времена.

Войско шло по горам М'Ханд, пересекая ущелье Савернейк и приближаясь к крепости Майсак, восточному форпосту Кавелина. Все войско, от маршала до последнего пехотинца, аж кипело от предвкушения возвращения домой – кроме Насмешника. С каждым шагом на запад он становился все мрачнее. А потом сказал ей, чтобы она незаметно ускользнула и осталась в Майсаке.

– Зачем? – спросила она, глядя столь же подозрительно, как до этого Браги и Вартлоккур. – Может, все-таки расскажешь, в чем дело?

– Нет.

– Тогда я никуда не пойду.

Лицо его исказила мучительная гримаса, и он слегка смягчился.

– Не знаю, как быть. Я должен принять решение. Возможно, придется сделать кое-какую работу. Лучше, если моя жена будет в безопасности.

– Какое еще решение? Это как-то связано с тем, что случилось в Троесе? Потому ты и ходишь сам не свой?

– После Троеса, – признался он.

– Что там случилось?

Он попытался поделиться своей болью:

– Со мной связался представитель Праккии. Сказал, что Этриан у них. И я должен для них кое-что сделать, иначе он умрет.

– Праккии? Это еще что такое?

– Высшая Девятка. Правители Тайного королевства, которое пытается захватить мир. У них повсюду свои люди – Фадема в Аргоне, лорд Чинь в Шинсане, другие столь же высокопоставленные в Гильдии наемников, в Итаскии, везде. К таким, как я, они не знают жалости.

Он говорил так, будто знал обо всем из первых рук. Непанте стало страшно.

– Чего они от тебя хотят?

Насмешник замолчал и больше не произнес ни слова, как бы она ни пыталась его разговаривать. Страх ее рос с каждой минутой.

– Откажись, – настаивала она. – Ты же знаешь, что они никогда не исполнят свою угрозу. Или?.. Похитители детей никогда так не поступают.

Но он уже принял решение и шел на риск в надежде спасти сына. И за это она его любила.

Лишь поэтому Непанта все же осталась в Майсаке. Подавив страх и загнав поглубже совесть, она молилась о том, чтобы ему не пришлось совершить нечто столь чудовищное, из-за чего позор будет преследовать их до конца дней. Она сидела в похожей на камеру комнатке, которую выделил ей командир гарнизона, тупо ожидая известий.

Однажды днем пришел сержант, запер дверь на замок и снова ушел. Теперь комната превратилась в настоящую камеру. Почему – ей никто не говорил, и она много дней ничего не знала. Люди, приносявшие еду и выносившие горшок, смотрели на нее так, что ее охватывал ужас – будто для нее соорудили спроектированную на заказ виселицу.

Потом пришел Вартлоккур, осунувшийся и уставший. Он освободил ее под королевское поручительство, а когда они уже покинули крепость, направляясь в Воргреберг, обо всем ей рассказал.

Насмешник пытался убить Браги, но потерпел неудачу. И в итоге погиб сам.

Ее мир, лишь ненадолго возродившийся, рухнул.

5
**1014–1016 гг. от О.И.И.
Собирается буря**

Этриан спал, и ему снились сны. Он путешествовал по великой стране, каковой была Навами до конфликта с Нахамен, – большой трудолюбивой империей, не похожей ни на одну другую его времени.

В его сны ворвались шепчущие голоса, которые о чем-то спорили.

– Вряд ли это стоит подобного риска, Великий.

– Его нужно направить. Он должен завершить начатое.

– Но Сила, которую мы используем... У нас ее так мало. Если ничего не выйдет...

– Если ничего не выйдет – мы погибли. Но если мы не попытаемся, ничего не изменится.

Ничем не лучше гибели.

«Каменный зверь и женщина в белом? – подумал Этриан. – Похоже на то». Но как он мог слышать их разговор?

Он спал и вместе с тем ощущал, будто пребывает где-то вне собственного тела, паря в воздухе и глядя сверху на скорчившуюся фигуру Этриана, лежащую между лапами каменного зверя. К его удивлению, этот мальчик во многом изменился. Он повзрослел.

Изменился и пруд. Он стал больше и глубже, а вода в нем – более мутной и грязной. Вдоль одного его берега росли обвисшие камыши, из которых доносилось кваканье. В воздухе роились насекомые. Поверхность пруда патрулировало семейство лысых с тусклым оперением. В трещинах передней лапы каменного зверя слепили гнезда ласточки. Еще одно гнездо из ветвей виднелось на высохшей старой акации, стоявшей здесь уже тогда, когда тут впервые появился Этриан.

Из пруда выползла черепаха и замерла, греясь на солнце.

– Мы делаем успехи. Он открыл дверь...

– Всего лишь щель, в которую даже лезвие бритвы не просунешь. Столько времени прошло... и чего мы добились? Пруд стал больше? Даже за десять тысяч лет Навами так не вос-

становить. Дверь нужно открыть полностью. Нам нужен приток силы. Забери его туда, Сааманан. Покажи ему.

– Слишком многим придется пожертвовать. Мы можем ослепнуть и никогда не увидеть К'Мар-Хевитан.

– Я знаю, чем мы рискуем. И тем не менее – иди. Слово произнесено.

– Да будет так, как ты скажешь, Великий.

Разговор продолжался, но Этриан потерял нить. Его новая сущность словно провалилась сквозь некую червоточину в далекое прошлое, в те времена, когда каменного зверя только что вырубили из толщи горы. По нему ползали мастера, полируя последние отметины от молотка и долота. Существо нависало над окружающим пейзажем, словно некий вечный страж, но пока еще это был лишь камень, которому придали форму.

Нахамен и Сааманан совершали между передними лапами зверя устрашающие ритуалы. Вместе с тысячами жриц низшего ранга они волокли жертвы на алтарь, вырывая сердца и наполняя ведра кровью, а воздух – вонью горящих тел. Омыв камень кровью, они обратились с призывом к небесам.

Их услышали, и к ним явился новорожденный бог, сгусток темной энергии, столь маленький, что женщины собрали его в корзину. Они подняли ее на спину каменного зверя, а потом спустили по лестнице, уходившей к самому сердцу чудовища. Там, после очередного обряда, они поместили свое новое божество и обязали его им служить.

Бог внутри каменного зверя рос, и вместе с ним росло его могущество. Он становился все коварнее и хитрее, и вскоре сестры поняли, что роли слуги и господина поменялись местами.

Сааманан сдалась Великому. Нахамен взбунтовалась и сбежала, став властительницей другой страны, а затем вернулась с флотом, драконами и темными наездниками.

Последовали яростные и бессмысленные войны, в ходе которых многое утратилось навсегда. Властелином теперь был каменный зверь, и сдаваться он не собирался.

Кто может убить бога?

– Встань, Избавитель.

Этриан с трудом вырвался из объятий сна. Пустынные земли Навами скрывались в ночной тьме. Над ним стояла едва различимая фигура женщины в белом. Он с трудом поднялся.

Что-то было не так. Казалось, до земли слишком далеко... Он повзрослел, став на много лет старше... Как такое могло случиться? Он осмотрелся. Пруд выглядел в точности так, каким он его видел во сне.

– Да. Многое изменилось. Прежде чем погрузиться в сон, ты слегка приоткрыл дверь. Теперь ты должен открыть ее полностью.

Этриан не ответил, вновь вспоминая аргументы, которые пришли ему в голову раньше, и добавляя к ним то, что узнал, подслушав разговор. И тем не менее он не мог заставить себя решиться. Что-то в глубине души подсказывало: время еще не пришло.

– Ты не показала мне, что делать.

Как долго они еще будут терпеть его попытки тянуть время?

– Ты все знаешь, Избавитель. Сила внутри тебя. Подари нам Навами, и мы вознаградим тебя, отдав тебе твоих врагов.

«Мои враги куда могущественнее, чем вам кажется», – подумал Этриан. Они даже представить себе не могли всю мощь Шинсана – собственно, как и он сам, хотя видел ее лично. Возможно, они полагали, что их Навами – вершина имперских достижений.

Скорее всего, властители Империи Ужаса сами были не в состоянии осознать размеры и силу того, что сотворили.

– Избавитель!

Он взглянул на раздраженно смотревшую на него женщину.

– Ты освободишь нас?

Он пожал плечами.

Женщина со злостью уставилась во тьму между лапами каменного зверя. Все ее существо словно кричало: «Я же тебе говорила!»

– Покажи ему, Сааманан.

– Показать мне – что?

– Прошное. Дорогое для тебя прошное, – ответила женщина, бросив дрожащий взгляд на каменного зверя. – День, когда умер твой отец.

– Рассчитай точно время, Сааманан. Ошибешься, и моего гнева тебе не избежать. А гнев мой может быть вечным.

– Великий хочет, чтобы я отправила тебя в день смерти твоего отца, – сказала она. – Чтобы ты знал, кому отомстить.

– Я...

– Закрой глаза. Сосредоточься на том, чтобы оставаться рядом со мной.

– Я бы предпочел увидеть мать. Она жива?

Женщина запела, и некая сила потянула за уголки души Этриана, мягко высвобождая ее и снова возвращая в бестелесное состояние. Опустившись на тюфяк, он полностью отдался во власть неведомой силы.

Но он уже принял решение: чтобы чего-то от него добиться, им придется потрудиться. И он вовсе не хотел, чтобы его возможности оценили в полной мере.

Он был свободен. Сааманан взяла его за руку, и они взмыли в вечернее небо над кошмарной пустыней, несомые силой воли и могуществом каменного зверя, поднимаясь все выше и выше, все дальше и дальше от одинокой горы.

Внизу тянулся бесплодный горный хребет, напоминавший лишь высохшие кости минувшего великолепия. Ни один островок лишайников не выделялся на монотонном сером фоне.

Пролетев миль пятьдесят или сто, они увидели землю, где все еще пышно цвела жизнь. Казалось, ее веселые зеленые пальцы тянутся к Этриану, приятно щекоча душу. Его охватило внезапное счастье от осознания того, что пустыня – это еще не весь мир.

– Это тоже было частью Навами, – прошептала Сааманан, посылая ему видение.

На мгновение он увидел оживленные города, бесконечные мили ферм, полей и тщательно возделанной земли. Теперь здесь правили джунгли, где обитали потомки Навами – дикари, которые пользовались каменными орудиями и охотились друг на друга ради еды.

Ускорив полет, они промчались над тысячей миль Империи Ужаса, прежде чем Этриан успел ее опознать, а потом еще тысячу, когда он наконец дал понять Сааманан, что это и есть земля его врагов.

Они пролетели еще тысячу миль, и еще, и еще, пока не добрались до Небесных Столбов и Столбов из Слоновой Кости, двух величественных горных хребтов, обозначающих традиционную западную границу Шинсана.

– Теперь понимаешь? – крикнул Этриан.

Лицо женщины помрачнело. Навами не могло и на десятую долю сравниться с тем, что она только что видела.

Они продолжили полет над просторами бассейна реки Роэ, быстро обгоняя солнце, затем пересекли могучие горы М'Ханд и начали снижаться над маленьким зеленым королевством Кавелин. Их путь лежал к столице Воргребергу, который когда-то казался юному Этриану огромным городом. Впрочем, город несколько не изменился.

– Тихо. Не отвлекай меня. Я должна заглянуть в прошлое и отыскать нужный момент. – Сааманан сосредоточилась.

Они медленно снижались, пока не оказались среди башен замка Криф. Реальность вокруг замерцала, словно в быстрых отблесках далеких молний.

– Есть, – сказала Сааманан, слегка приоткрыв глаза. – Следуй за мной.

Она поплыла к стене, а затем прошла сквозь нее и скрылась из виду.

– Гм? – пробормотал Этриан. – Хотя... почему бы и нет? У меня ведь нет тела, которое могло бы помешать.

Он усилием воли заставил себя последовать за ней. По другую сторону стены сражались двое – один рослый и широкоплечий, другой невысокий и толстый. Оба рухнули на кровать. Рослый был без оружия; у того, что пониже, имелся нож. В спине рослого зияла рана.

– Отец! – вскрикнул Этриан. – Дядя Браги!

Они его не слышали. Сааманан протянула руку и мягко увлекла Этриана в угол.

Рагнарсон с размаху ударил рукой противника, державшей нож, о стойку кровати, и оружие улетело под шкаф. Насмешник, отец мальчика, кусался и царапался. Рагнарсон что-то кричал, но Этриан не слышал ни слова. В этой мертвой зоне до него не доносились иные звуки, кроме голоса Сааманан.

Рагнарсон, похоже, слабел. Из его раны лилась кровь. Перестав отражать удары толстяка, он попытался схватить его и удержать. Зайдя за спину Насмешника, он обхватил его рукой за горло, заведя ее себе за голову, а потом выгнул спину и резко дернул.

Захват был страшный. Этриан знал, что таким образом легко можно сломать человеку шею – его учил этому отец, когда ему было пять лет.

Насмешник яростно брыкался, извиваясь словно змея с перебитым позвоночником и пытаясь нащупать свободной рукой нож под шкафом. Браги его не отпускал. Насмешник достал другой нож и несколько раз вонзил его в бок Рагнарсона.

– Что все это значит? – простонал Этриан. – Они были друзьями еще до того, как я родился.

Сааманан не ответила, лишь слабо улыбнулась.

– Отец!

Соппротивление Насмешника ослабевало. Рагнарсон медленно поднял его на ноги...

И тут толстяк словно взорвался. Он притворился.

Предвидя неизбежное, Этриан бросился вперед, крича и колотя обоих кулаками. С тем же успехом он мог бы сражаться с призраками.

Рагнарсон наклонился вперед, почти позволив Насмешнику его сбросить. Этриан умолял его остановиться, но тот вдруг резко откинулся назад, вложив в это движение всю свою силу.

– Нет! – крикнул мальчик.

Он услышал, как ломается шея отца.

– Идем! – Сааманан схватила его за руку.

– Нет! – Он попытался вырваться. – Не могу! Мой отец...

Взгляд ее стал испуганным.

– Нужно уходить! – Она поволокла его в стену.

Дверь спальни распахнулась, и ворвались брат Браги Хаакен, чародей Вартлоккур и несколько солдат. Комната ярко осветилась. Рагнарсон отпустил старого друга, и тот соскользнул на пол.

Этриан сопротивлялся изо всех сил, но женщина крепко его держала, таща сквозь стену. Он рвался назад, но она взмыла вместе с ним навстречу приближающемуся рассвету и понесла назад на восток. В конце концов он сдался.

– Теперь ты видел, как погиб твой отец, – сказала она. – Видел своего врага. Теперь ты избавишь нас?

– Почему они дрались?

На него обрушилась волна гнева.

– Мы использовали последние остатки своего могущества, чтобы тебе это показать. Ты все равно отказываешься? И из-за тебя мы сами себя погубили? Я его предупреждала...

– Хватит, – столь же гневно ответил Этриан. – Дай подумать.

Да, он видел, как отца убил лучший друг, но что-то тут было нечисто. Не потому ли Сааманан так спешила уйти, прежде чем все закончилось?

Он вновь вспомнил звук ломающейся кости, и его охватила ненависть – сперва к Браги Рагнарсону, а потом к тем, кто правил островом на востоке. Это они срежиссировали кошмарную сцену. Именно на это намекал тот старик... Орудия Империи Ужаса...

– Ладно. Я вас освобожу. Немного.

Он не сомневался, что женщина и каменный зверь представляли из себя нечто большее, чем хотели показать. Они что-то от него скрывали, и он опасался угодить в смертельную ловушку. Ему доводилось слышать немало историй о сделках с дьяволами.

Ненависть никуда не девалась, мешая трезво рассуждать и веля ему согласиться на предложение. Каменный зверь знал его слабое место и послал его именно туда, где могли пробудиться самые мрачные чувства. Ненависть была слишком сильна, чтобы ей противостоять.

Следовало освобождать их постепенно, подчиняя своей воле и вынуждая к сотрудничеству.

Сааманан пронесла его над пустыней и к исходу долгого восточного дня опустила между лапами каменного зверя. Теперь она еще больше походила на призрак, а голос расспрашивавшего ее чудовища напоминал шепот обиженного ребенка. Для злости у него не осталось сил.

Этриан решил освободить их чуть больше, ради себя самого. Уйдя в себя, он нашел нужный ключ и попытался восполнить их силы.

На него тут же обрушилась сила воли каменного зверя, и он пошатнулся, пытаясь сопротивляться. Его обманули – тот оказался вовсе не столь слабым, каким притворялся. Подавив панику, он собрал всю свою силу воли, и нахлынувшая на него волна постепенно отступила. Остановить ее полностью оказалось столь же непросто, как захлопнуть тяжелую дверь склепа. Но ему это удалось, окончательно и бесповоротно. Он попытался задвинуть напоследок засов с помощью вспышки гнева, но у него уже не осталось сил. Он полностью вымотался.

Он рухнул на свое спальное место.

Чудовище попеременно проклиняло себя за неудачу и радовалось успеху. Ему удалось отобрать у Этриана в десять раз больше сил, чем тот был готов отдать добровольно.

Мальчик спал. Медленно тянулось время. Во снах к нему приходила женщина, снова прося об избавлении. Он не обращал на нее внимания, возвращая в себе ненависть.

Он уничтожит остров на востоке, пройдя с огнем и мечом по всей Империи Ужаса. Его войско разжиреет на телах убитых врагов. Они станут непобедимыми, и он поведет их на другой конец света, на бывшую родину, и отомстит за отца...

«Это не мои мысли, – подумал он. – Нечто вмешивается в мои сны».

Вскоре это «нечто» его покинуло, и сны вновь стали его собственными. Похоже, его странные спутники занялись другими делами.

Часто ему казалось, будто он прикасается к чужим далеким разумам, безотчетно забирая их знания и добавляя к своим. В чем-то он больше стал походить на своих пустынных спутников.

Сперва они радовались вновь обретенным силам, но со временем радость сменилась озабоченностью, угрожавшей перейти в страх.

И однажды он услышал:

– Избавитель! Проснись!

Кто-то яростно тряс его за плечо, но он пребывал в полусне, покинув тело и обследуя окрестности.

Пруд снова увеличился в размерах, и из него теперь текла вода, быстро исчезая в пустыне. Растительность и живность превратили берега короткого ручейка в яркий островок жизни, вступившей в борьбу с запустением.

Это было дело рук Сааманан, посвятившей себя возрождению родины. Ее же хозяину попросту хотелось шире распространить власть, чтобы найти новых поклонников.

Его продолжали трясти, но уже мягче. Этриан переключил внимание на лежавшее между лапами зверя тело. Мальчик вырос и уже почти стал мужчиной – высокий, мускулистый и смуглый, как братья матери. Лицо спящего напоминало лицо его дяди Вальтера, женившегося на шинсанской чародейке. Этриан с матерью жили в доме Вальтера, когда их похитили люди лорда Чиня.

Он представил себе будившую его женщину, теперь обретшую сущность. Внешне она выглядела девочкой-подростком, в которой только зарождалась будущая красота, но в глазах таилось глубокое прошлое. Взгляд ее был старше и мертвее, чем сама пустыня.

Этриан позволил себя разбудить.

– Избавитель! Ты должен нас освободить, или мы обречены.

Что они сочинили на этот раз?

– Покажи, в чем дело.

Женщина потащила его куда-то мимо пруда.

– Я дал тебе силу. Загляни в прошлое и покажи все с самого начала.

Она начала оправдываться, что для этого требуется вмешательство Великого, а он сейчас занят.

– Пусть бросает все свои дела. Скажи ему, пусть найдет время.

«Как я мог повзрослеть во сне?» – удивился он.

Похоже, виной всему были те разумы, в которые он проникал, сам того не сознавая. Он уже не был тем мальчиком, который переплыл пролив и бродил по пляжам Навами. Не был он и тем юношей, который летал взглянуть на смерть отца. Он стал кем-то другим, более уверенным в себе и полным решимости оставаться самим собой. На лице его появилось высокомерное выражение, а взгляд стал подобен взгляду змеи.

– Прошу тебя!

– Покажи мне. С самого начала.

В мозгу его отдался яростный рев каменного зверя, а затем на него, подобно шквалу копий, обрушились мысленные картины.

Враг приближался. Шинсан был уже в пустыне. Каменный зверь оживил горстку солдат, ждавших многие века, и те теперь уничтожали разведывательные группы Шинсана.

Глядя на все это, Этриан засомневался, сможет ли что-либо остановить Империю Ужаса. Что ею двигало? Неужели она считала необходимым завоевать даже бесплодные земли?

Каменный зверь пытался повергнуть Этриана в панику, и он не стал делиться с божеством силой. Солдаты уничтожили полдюжины патрулей, и разведчики больше не появлялись.

– Избавь нас! – умоляла женщина со слезами на глазах. – Они придут снова и уничтожат нас.

– Вполне возможно. Такова их натура. Кто тут хозяин?

– Великий.

– В таком случае помощи вы от меня не получите. Я не преклоню перед ним колени.

Этриан повернулся и, раздевшись, шагнул в прохладу пруда, чувствуя прикосновения рыб к ногам. В камышах гоняли птенцов водоплавающие птицы. Сааманан шла за ним вдоль края пруда, продолжая упрашивать из-за зарослей тростника.

– Ты создала настоящее произведение искусства, – сказал он. – Почему бы этим и не ограничиться? Патрули уже ушли.

Готовы ли они были сдаться? Естественно, нет. Шинсан не признавал поражений. Его солдаты наверняка попытались бы найти другой подход, собрав больше сил.

Что они станут делать, если Этриан попадет им в руки?

Он медленно улыбнулся. Шинсан мог оказаться тем самым рычагом, который требовался, чтобы одержать верх над каменным зверем. Этриан мог бы сыграть роль пленника, приветствующего спасителей. Откуда им знать, кто он такой?.. Если он не освободит зверя, тервола разделяются с этим ничего не значащим божком еще до того, как обратят внимание на обычного мальчишку.

Так или иначе, пока он жил, взяв время в долг, и мог рискнуть, ничего не теряя. У зверя был выбор – либо согласиться с его требованиями, либо погибнуть.

Возможно, зверь почувствовал, к чему клонит Этриан. Он рычал, угрожал, умолял, но Этриан не обращал на него внимания, сказав лишь:

– Когда будешь готов признать себя моим рабом.

По пустыне прокатился дьявольский смех. Каменный идол услышал величайшую шутку за всю свою долгую жизнь.

«Вот только вопрос, – подумал Этриан. – Как заставить бога сдержать слово после того, как ты силой вынудил его это слово дать?»

Выбравшись из пруда, он вернулся на место для отдыха, быстро высохнув в лучах пустынного солнца.

– Сааманан, иди сюда. Сядь. Расскажи мне обо всем.

Она заговорила, то и дело бросая испуганный взгляд на небо.

– Нет. Расскажи мне про дитя. Про маленькую девочку, которая выросла и стала жрицей. Про ее мать, отца, сестер и братьев. Расскажи, в какие игры она любила играть и какие песни пели за игрой ее подруги. – С неба словно опустилась черная, неодобрительная туча. Зверь знал, какие семена пытается посеять Этриан. – Расскажи свою историю, и я расскажу свою.

– Зачем?

– Потому что все мы когда-то были детьми, прежде чем стать теми, кем стали. В душе ребенка лежит путь к пониманию.

– Откуда у тебя такая идея?

– От врага. От лорда Чиня, тервола. Человека с черной душой, но выдающегося ума. Одного из учителей моего деда.

– Твоего деда?

– Вартлоккура. Его называли Разрушителем Империи. Он самый ужасный чародей из всех, когда-либо ступавших по земле.

– Не слышала про него. – Похоже, он застиг ее врасплох.

– Он – великий злодей этого мира. Ты бы могла его увидеть, если бы секунду подождала тогда, на западе. Он появился сразу после того, как ты кинулась в стену. – Этриан зловеще усмехнулся. – Возможно, он бы тебя увидел. И уж точно он видел меня.

Глаза ее округлились, и она с тревогой взглянула на небо.

Каменный зверь не обращал на нее внимания – он был слишком занят своими патрулями.

Этриан несколько недель близко общался с Сааманан, пытаясь отыскать в ней проблески человечности. И таковые действительно нашлись – в том не было сомнений. Именно они вынуждали ее «тратить впустую» силы на свое увлечение – возрождение пустыни.

Ему пришлось нелегко, ибо проблески эти лежали на большой глубине, словно алмазная жила, погребенные под многими слоями. Мягкое невинное существо с пустым взглядом, страшнее даже каменного зверя, превратившее свое сердце в сталь. Жрица...

Этриан вернулся к обычному жизненному ритму, отводя для сна самое жаркое время дня. Однажды ближе к вечеру он внезапно проснулся, инстинктивно вскочив и едва не подпрыгнув, пронзенный ужасом до глубины души. Каменный зверь швырнул чудовищной силы молнию, оставившую позади холодную алчную пустоту. Этриан принялся бесцельно расхаживать туда-сюда, собираясь с мыслями.

– Они вернулись! – рыдала Сааманан. – Они нас уничтожат!

Он ощущал страх каменного зверя, который сражался, но проиграл и в отчаянии обрушил на врага удар, подобный падению огромного черного молота. Если этот удар не достигнет цели – Навами обречено.

Обежав вокруг лапы зверя, Этриан вскарабкался ему на спину. Сааманан последовала за ним.

– Спускайся! – выдохнула она, добравшись до каменного затылка. – У него ничего не вышло!

Этриан вжался в обветренный камень. Воздух словно корчился в адских муках. Слышалось нечто похожее на шкворчание жарящегося бекона, только в тысячу раз громче. Гигантская барабанная палочка отбивала могучий ритм. Медленно повернув голову, Этриан увидел опускающийся на землю переливающийся столб пыли высотой в сотни ярдов, из которого таращились тысячи дьявольских хохочущих физиономий. Но сильный не по сезону ветер развеял пыль, и они исчезли.

Каменный зверь скулил, Сааманан молилась, но Этриан не обращал на них внимания. Взобравшись на макушку чудовища, он уселся скрестив ноги, лицом на запад, и, позволив своей сущности покинуть брентную оболочку, поплыл в сторону серых гор.

Он остановился, увидев нечто, стоявшее на вершине длинной пыльной дюны лицом к каменному зверю. К этому существу присоединилось еще одно, потом еще. Их силуэты словно окружало марево.

Подплыв ближе, Этриан понял, что дело не только в колебаниях жаркого воздуха – их одежды шевелил ветер. Теперь их было шестеро – нет, семеро. Тот, что посередине, выглядел ниже ростом и толще. На всех были гротескные маски с глазами из драгоценных камней, сверкавших в лучах пустынного солнца.

Тервола, понял он. Игры закончились, они явились сами.

К военачальникам присоединились солдаты Империи Ужаса. Их были десятки и сотни, и все они смотрели на каменного зверя.

Невысокий что-то сказал, слегка шевельнув рукой, и спустился с дюны. Один тервола и горстка солдат двинулись вперед, остальные остались на месте, словно приготовившись к долгому ожиданию.

Этриан метнулся к своему телу.

6
1016 г. от О.И.И.
Пустыня

Шикай взобрался на вершину серой дюны. У него болели ноги, и он весь вспотел. Он устал, и терпение его было на исходе. «Что я тут делаю? – подумал он. – Мое место – в Четвертом Показательном».

Он остановился. Ветер подарил облегчение, хотя и с трудом проникал сквозь полевую одежду. Он взглянул на все еще опускающийся вдали столб пыли. Другая пыль, принесенная ветром, собиралась вокруг его сапог.

– Весьма зрелищно, господин.

– Спасибо, Панку. Я решил, что это может заставить задуматься наших тамошних друзей. – Он уставился на одинокую гору. К нему подошли другие тервола. – Мне только кажется? – спросил он. – Или это в самом деле высеченное из камня существо?

– Думаю, да, господин, – сказал тервола по имени Мэн Чао. – Похоже, оно очень древнее.

– Возможно. Но оно живое. Именно это и есть источник всех наших бед. Поставьте за дюной портал. Я возвращаюсь в крепость. Скоро вернусь.

– Как пожелаешь, господин.

С трудом спустившись с западного склона дюны, Шикай заковылял к ближайшему действующему portalу.

– Слишком я стар для всего этого, – проворчал он.

– Господин?

– Просто говорю сам с собой, Панку. Не обращай внимания.

Шикай в очередной раз задумался, зачем он нужен здесь, на передовой, не будучи полевым офицером. Ради новизны? Он никогда не служил в боевом легионе.

– Панку, тебе вовсе незачем за мной таскаться, – сказал он, останавливаясь. – Я вернусь. Почему бы тебе не подождать?

– Только если прикажешь, господин. Иначе я не могу.

– Ладно. Если тебе не мешает усталость и солнце...

Преданность Панку приятно грела Шикая, – похоже, он все же чего-то стоит. Мало кто из тервола вызывал теплые чувства у солдат.

– Не мешает, господин.

Шикай переместился в штаб-квартиру Семнадцатого легиона. Не стал ли он чересчур зависим от колдовства порталов? Имелись в нем свои ограничения, о чем он никогда не забывал. Его собраты узнали о них во время прошлой войны на собственном горьком опыте. Крупное войско не могло полагаться на одни лишь порталы – те были слишком медленными и не обладали большой вместительностью. Ограниченно было и время их жизни. Лишь немногие могли одновременно работать на небольшой территории – иначе они мешали друг другу. И тем не менее они превосходно справлялись со своей ролью поддержки для небольших тактических операций. Но чтобы перебросить или снабдить припасами легион, самым практичным средством оставались старые добрые сапоги и колеса повозок.

А еще порталы бывали небезопасны – иногда люди просто исчезали. Подобное часто случалось во время войны на западе. Чародей Вартлоккур научился воздействовать на телепорт-поток.

Шикай вздрогнул.

«Спокойно, – сказал он себе. – Это лишь усталость действует на нервы».

Нервы были не единственной его проблемой. Его тревожило то каменное существо. О нем ничего не было известно, и осторожность в любом случае не помешала бы.

– Что там, господин? – приветствовал его Тасифэн.

– Мы нашли средоточие силы врага. Гигантское изваяние в виде животного, похоже вырубленное из горы. Я послал Су Шэня взглянуть поближе. Баллисты готовы?

– Они уже ждут, господин. Я сам их проверял. Кандидаты хорошо поработали. Каждая стрела настроена на силу удара и дальность полета. Нужен лишь кто-то, кто навел бы их на цель.

– Я этим займусь. Сколько всего стрел?

– Двенадцать, господин. Шесть в желобах, шесть наготове.

– Думаю, хватит. Эта проклятая тварь будет выглядеть так, словно над ней поработала моль, еще до того, как мы закончим. Идем посмотрим.

На поле возле крепости ждала батарея баллист. На первый взгляд они выглядели как обычные осадные орудия с рамами, желобами и воротами стандартного имперского образца. Особенными были луки и тетивы, подготовленные в чудотворных арсеналах, скрытых в сердце Шинсана. Даже лорд Сыма не знал их местоположения.

Из того же арсенала происходили и стрелы. Делали их из темного твердого тяжелого материала с вкраплениями серебра, золота и тускло-серого металла и увенчивали кристаллами в форме острых наконечников, от которых исходило яркое свечение.

– Интересно, сколько такое стоит? – спросил Шикай, потрогав стрелу.

– Целое состояние, – предположил Тасифэн.

– Не сомневаюсь. Взведи одну. И поставь мне здесь портал, чтобы я мог быстро переместиться туда-сюда.

– Я уже организовал портал, господин. Вон там. Я думал, вы сами захотите их нацеливать.

Шикай нахмурился. Лорд Луныю прекрасно знал свое дело. Или – он сам был слишком предсказуем.

– Сперва – три стрелы с двухминутными интервалами. Если потребуется больше – я вернусь.

Он обвел взглядом расчеты баллист. Все они были кандидатами – обычным солдатам не позволялось управлять специализированным оборудованием. В неумелых руках оно могло оказаться слишком опасным.

– Эй вы – давайте стреляйте.

Свистнула тетива баллисты. Раздался чудовищный треск, и в воздух взмыла стрела, мелькнув подобно полоске ртути. Вместо того чтобы описать обычную, подчиняющуюся законам притяжения дугу, она поднималась все выше, пока не исчезла на фоне солнца.

– С двухминутными интервалами, – напомнил Шикай, входя в подготовленный портал. За ним последовал Панку.

Минуту спустя Шикай поднялся на вершину пыльной дюны далеко в пустыне и повернулся лицом на запад, ожидая, когда над горами появится серебристая искорка.

– Су Шэнь уже что-нибудь выяснил? – спросил он.

– Нет, господин. Он еще на полпути туда.

– Дайте ему сигнал, чтобы встал там, откуда мы можем его видеть, и ждал. Не хочу, чтобы он оказался слишком близко к мишени. Ага, вот и наша стрела.

Закрыв глаза, он напряг свое чувство тервола и коснулся летящей стрелы. Другая часть его разума нашла каменное существо, и он провел мысленную линию от стрелы к цели.

– Пора. Заслоните глаза.

Стрела устремилась к земле. Удар! На месте стрелы возникло множество светящихся шаров, словно сотня вспыхивающих друг за другом шаровых молний.

Шикай открыл глаза.

– Будь я проклят. – Он промахнулся на двести ярдов.

Ревущая горячая волна всосала песок на сотни футов от места удара. Образовался пруд пятидесяти футов в поперечнике, который бурлил и клокотал, словно перегретая вода.

– Можно погреть руки, – сказал Шикай.

Но от его самонадеянности не осталось и следа.

Он промахнулся. Это не могло быть случайностью. Он вновь повернулся лицом на запад, ожидая очередной серебристой молнии.

На этот раз он лучше сосредоточился, сохраняя контроль над стрелой до самого удара, – и почувствовал, как чья-то воля сопротивляется его собственной.

Он открыл глаза. Снова промах! Но на этот раз волна расплавленной земли ударила в бок каменного существа. Он почти попал в цель.

– Больше сила удара? – спросил он у других тервола.

– Нет, господин, – ответил один из самых старых, отправленный в ссылку лордом Го. – И дальность, и сила удара в полном порядке. Все дело в наводке. Что-то ей сопротивляется.

– Значит, мне не показалось?

– Нет, господин. Предлагаю навести следующую всем вместе.

– Однозначно, – кивнул Шикай. – Хочу увидеть, что случится при прямом попадании.

– Она уже летит, господин.

Шикай мысленно нашел стрелу и провел линию прицеливания. К нему присоединились собратья, создав из линий трубу, вырваться из которой стрела никак не могла.

Стрела устремилась к земле. Усилия чужой воли, пытавшейся отвести удар, оказались тщетны, и он попал в цель. Шикай открыл глаза.

Из ляжки каменного зверя вырвало куски расплавленного камня.

– Прямо в точку, – злорадно усмехнулся Шикай. – Прямо в точку. Теперь подождем.

Долго ждать им не пришлось.

– Там что, кто-то стоит на голове? – прищурившись, спросил он.

Глаза у него были уже не те, что прежде.

– Похоже, даже двое, господин.

– Любопытно. Можешь сказать, что они делают?

– Нет, господин.

Пустыню сотряс оглушительный яростный рев, казалось заполнивший всю вселенную. У Шикая застучали зубы. По пустыне промчались пылевые вихри, описывая в панике круги, словно перепуганные призраки.

– Приготовиться к обороне, – приказал он.

Что-то изменилось – все происходящее стало ощущаться совсем иначе.

– Там что-то происходит, господин, – сказал один тервола. – У передних лап этой твари. Шикай снова прищурился.

– Скажите Су Шэню, чтобы немедленно возвращался! – бросил он.

В пустыню, словно ниоткуда, хлынули солдаты – конники и пехотинцы, батальон за батальоном...

– В боевой строй, господа. Мэн Чао – подготовь порталы для экстренного отступления. Господа, я возвращаюсь в крепость. Отдам необходимые распоряжения и сразу же вернусь.

Он поспешно спустился с дюны, спотыкаясь и оскальзываясь. Панку следовал за ним по пятам. Шикай надеялся, что соратники не решат, будто он позорно бежит, и их боевой дух не пострадает.

Если в военной структуре Шинсана и имелся изъян, то он заключался в том, что тервола далеко не всегда отвечали тем моральным требованиям, которые предъявляли солдатам, и порой чересчур поддавались эмоциям на поле боя.

Тасифэн удивился столь быстрому его возвращению.

– Лорд Сыма? Что-то пошло не так?

– Не здесь. Возможно, там я принял неудачное решение, и мы пробудили нечто весьма древнее и весьма неприятное. Сколько у нас осталось стрел – девять? Выпустить первые шесть с интервалом в тридцать секунд. Порталы настроить так, чтобы передовая группа могла, если потребуется, быстро эвакуироваться. Сообщите всем командирам легионов, что Семнадцатый ведет боевые действия и что они должны быть готовы выступить в любую минуту. Свяжись с Северной армией. Скажи, что я могу воспользоваться своим правом запросить подкрепление.

– Господин, мы сосредотачиваем слишком много порталов на слишком малом пространстве.

– Я понимаю риск, лорд Лунью. И я также уверен, что мы поймали чудовище за хвост, но оно может не захотеть нас отпустить. – Шикай повернулся к обслуживавшим баллисты кандидатам. – Тридцатисекундный интервал. Выпускайте первую стрелу.

Посмотрев вслед устремившейся на восток серебристой искорке, он шагнул в портал.

Положение в его отсутствие ухудшилось. Каменное существо окружало море воинов, и река из солдат уже текла к дюне. Люди Су Шэня поднимали облака пыли, пытаясь добраться до товарищей.

Над одинокой горой роились подобно тучам комаров летающие существа.

– Что это? – спросил Шикай.

– Всадники на драконах, лорд Сыма. Маленьких, вероятно, специально выведенных. Отсюда точно сказать невозможно, но всадники, похоже, не люди. Оуянь пытается разглядеть поближе, но что-то ему все время мешает.

Шикай подошел к тервола, который сидел, скрестив ноги, перед вкопанной глубоко в песок большой серебряной чашей, раз за разом произнося одни и те же заклинания. В налитой в чашу воде появлялись туманные картины, а потом возникала некая помеха, и они расплывались.

– Стрела летит, господин, – сказал Панку.

Повернувшись, Шикай мысленно поймал стрелу и провел линию, соединявшую ее с гнавшейся за Су Шэнем волной солдат. Стрела попала точно в цель, превратив в пар батальоны. Брызги расплавленного камня выкашивали отряды.

– Стрела, господин.

Шикай швырнул эту стрелу и следующую за ней в быстро увеличивавшуюся орду вокруг каменного существа. В гуще солдат появились огромные дымящиеся прорехи.

И вновь пустыню сотряс рев.

– Похоже, кто-то очень разозлился, господин, – заметил Панку.

Шикай взглянул на ординарца, но лицо того оставалось бесстрастным.

– Мне тоже так кажется.

– Летуны, господин.

К дюне устремились тучи летающих существ.

– Приготовиться! – приказал Шикай. – Они могут быть опасны.

– Стрела, господин.

Шикай провел линию между стрелой и парившим в середине роя летуном. Когда погасла вспышка, он увидел несколько охваченных пламенем клубков, падавших на землю. Двое разделились пополам – всадники свалились с животных.

Остальные продолжали приближаться. Они метались туда-сюда, и их нелегко было сосчитать, хотя Шикай решил, что их по крайней мере полсотни. Над каменным существом собирались новые.

Он навел на цель очередную стрелу, сбив как минимум шестерых. Последняя стрела уничтожила еще четырех.

Перестав лавировать, они разделились на пары и тройки, устремившись к дюне.

– Маскировочное заклинание! – крикнул Шикай. – Визуальное смещение!

Дюну накрыла чернота. Казалось, будто все вокруг исчезли. Первые летуны пронеслись столь низко, что подняли тучу пыли. Всадники ударили светящимися копьями.

– Есть жертвы? – спросил Шикай.

– Нет, господин.

– Если кто-то будет ранен, немедленно отправляйте его через портал. Мы не можем оставить здесь никого, кого они могут использовать против нас. То же самое и с любыми пленниками – в портал. У кого-нибудь есть доступ к воздушному демону? Мэн Чао? Чего ты ждешь? Давай его сюда.

В дюну ударили мощные разряды, но тервола отразили большую их часть, и те полетели назад, какое бы колдовство ими ни управляло. Лишь немногие возымели действие.

– Су Шэнь вряд ли доберется, господин.

Шикай и сам это видел – он уже думал, как ему поступить. В крепости у него осталось три стрелы, и ему хотелось использовать их против каменного существа. Пожертвовать Су Шэнем? Нет.

– Панку, идем со мной. Я скоро вернусь, господа.

Вернулся он не столь быстро, как предполагал, – пришлось задержаться, чтобы взглянуть на большую карту и отдать новые распоряжения Тасифэну.

– Мы потеряли контроль над положением, – сказал он. – На их стороне слишком много сил, а на нашей слишком мало. Будем отвлекать их, пока сможем. Вот здесь. – Он показал точку на карте. – Наиболее вероятное место, где они будут прорываться на запад. Немедленно выдвигай туда бригаду. Пусть идут налегке – там чудовищная жара. Будем использовать порталы на полную.

– У нас их недостаточно, господин.

– Забери у других патрулей. Скажи, чтобы шли к тому ущелью и окапывались. Приказ всем легионам – немедленно направляться сюда и обеспечить подкрепление. Бери на себя любые инициативы, какие сочтешь нужным. Как только здесь будет достаточно людей, отправь еще одну бригаду. Мне нужно возвращаться – Су Шэню грозит опасность. Последние три стрелы выпустить с интервалом в минуту.

– Как прикажешь, господин.

Шикай рысью устремился к portalу.

– Панку, – задыхаясь, проговорил он, – похоже, я уже немолод.

– Если позволишь, господин: почему бы тебе не остаться в центре паутины, поручив остальное офицерам?

– Вполне разумные слова. Сам не знаю почему. Просто хочу быть на поле боя. Может, потому, что никогда раньше там не бывал.

Пройдя через портал, они поднялись на дюну.

Су Шэню приходилось несладко. Он был уже близко, но всадники намеревались окружить его, отрезав путь к бегству. Шикай взглянул на небо. Наездники на драконах кувыркались в воздухе, пытаясь победить демона Мэн Чао, который успел основательно проредить их ряды.

– Кто-то весьма неумело ими управляет, господин, – заметил повелитель демонов.

– Они вроде тех людей, что мы встретили в горах?

– Мертвецов? Да, господин. Однако наездники – не люди. Мы отправили экземпляр для исследования.

– Хорошо. Потери?

– Пока только двое, господин.

– Превосходно.

– Стрела, господин, – сказал Панку.

– Спасибо. – Шикай снова взглянул на уходящего от погони Су Шэня.

Чтобы спасти его, приходилось потратить по крайней мере одну стрелу. Шикай мысленно поймал оружие, вообразил линию его полета, и стрела устремилась вниз, уничтожив преследователей.

– Начинай эвакуировать солдат, – приказал Шикай. – У нас мало времени.

– Боюсь, его не хватит, чтобы все мы успели выбраться, господин.

Шикай представил себе размеры приближающейся орды.

– Выстроимся вокруг портала. Сперва отправляй солдат.

Мэн Чао задрожал:

– Как прикажешь, господин.

– Стрела, господин.

– Спасибо, Панку.

Шикай продолжал изучать противника. Пока что Су Шэню ничто не угрожало. Сбросить оружие на окружавшую каменное изваяние толпу? Или на тех двоих у него на голове...

Он прицелился, соединяя стрелу с каменной головой, но линия тут же ушла в сторону.

– Мне нужна помощь, господа. Целимся в голову идола.

Медленно и постепенно конец линии пополз к голове громадного зверя...

Стрела появилась слишком рано, и Шикай не сумел направить ее туда, куда хотел. Она попала в плечо зверя, выбив из него тонны расплавленного камня, пролившегося на толпившихся внизу солдат.

– Похоже, так ты нанес еще больше потерь, чем прямым попаданием, – заметил Мэн Чао. – Только взгляни, сколько их полегло.

Шикай не ответил, глядя, как по спине чудовища убегают две крошечные точки. Пытаться их настичь было уже слишком поздно.

– Мэн Чао, передай всем: как только ударит в цель следующая стрела, все, кто может, должны вызвать демонов и выпустить их на свободу.

– Тот, кто управляет солдатами врага, похоже, обезумел от гнева, – сказал Мэн Чао. – У него ничего толком не получается. Чем-то он напоминает злобного ребенка, ломающего собственные игрушки.

– Угу. Пусть злится дальше.

– Стрела, господин.

– Вижу. – Шикай взглянул на Су Шэня, который теперь мог добраться до места и без особой помощи. – Помогите мне, господа. Нужно попасть стрелой по морде этой твари.

Он представил себе жесткий железный лук, и к нему присоединились соратники, напрягая силу воли. На этот раз сопротивление было слабее – разум врага затуманила ярость.

Последняя стрела ударила в цель, и пустыня вновь содрогнулась от чудовищного злобного рева.

– Похоже, мы угодили в какой-то нерв, – заметил Панку.

– Похоже на то. Поднимайте демонов, господа. Сотник! Можешь быстрее загонять солдат в портал?

– Нет, господин.

– Ладно, в любом случае не расслабляйся.

Шикай повернулся, глядя на преодолевавшего последние сто ярдов Су Шэня. Его солдаты бежали легко и уверенно, как и подобает солдатам Шинсана, не бросая испуганных взглядов за плечо и избавившись лишь от того снаряжения, которое приказал бросить командир. Щиты и оружие оставались при них.

– Хорошие парни, – заметил Шикай.

– Это Семнадцатый, господин, – ответил Мэн Чао. – Бывший легион лорда Ву.

– Понятно, – улыбнулся под маской Шикай.

Мэн Чао говорил так, будто его замечание объясняло все, что требовалось знать об этом легионе.

Лорд Ву в свое время был великим тервола, но оказался в числе тех неудачников, которых соблазнили недавние политические события, и загадочным образом погиб в Лянтуне, когда там находилась Восточная армия.

Появился гротескно завывающий демон, четырнадцати футов ростом и с полудюжиной рук, и запрыгал вокруг, проклиная того, кто его вызвал. Получив приказ, он развернулся, оценил силы врага и сменил облик. На глазах у Шикая он превратился в медного носорога эпических пропорций и галопом помчался навстречу противнику.

– Кто-то, похоже, не воспринимает задание всерьез, – недовольно вздохнул Шикай.

Сверкающий носорог протопал мимо Су Шэня. И, взревев от всей души, атаковал ближайших всадников, с грохотом описывая круги и раздавая налево и направо удары рогом. Одной его массы хватило бы, чтобы задавить противника.

– Ведет себя как клоун, но толк от него есть, – с неохотой признал Шикай, хотя и считал, что уважающему себя тервола не подобает держать в подручных демона с подобным темпераментом.

Демон снова сменил облик, превратившись в осьминога, сжимавшего в шести щупальцах отобранные у врагов мечи. На фоне солнца появился наездник верхом на драконе, который метнул в демона копье-молнию. Демону это не понравилось, и он исчез, заскулив словно раненый щенок.

В драку вступила еще дюжина чудовищ из потустороннего мира, быстро остановив всадников. Су Шэнь и его люди, тяжело дыша, взобрались на дюну.

– Сотник, отправь их в первую очередь. Они выбились из сил.

– Да, господин.

Шикай наблюдал за эвакуацией, казавшейся ему чересчур медленной. Дьявольски медленной.

Всадники продолжали приближаться, несмотря на серьезные потери. Окружив дюну, на которой расположился Шикай, они остановились в уважительном отдалении.

– Что, взяли? – рассмеялся лорд Сыма. – Нам теперь не уйти, да? Все, что вам требуется, – привести пехоту и покончить с нами, да?

Велев тервола сосредоточиться на ближайших пеших солдатах, он уставился на каменное существо. Неужели оно было настолько глупо? Если оно будет действовать так и дальше, все его войско погибнет до того, как сумеет вырваться из пустыни. Большая часть павших уже не годилась для оживления.

Шикая это радовало.

Он нисколько не сомневался, что повелитель мертвых намеревался пройти маршем по всему миру. А как только его войска вышли бы за пределы пустыни, численность их мгновенно бы выросла. Этим объяснялось, почему каменный зверь столь расточительно разбрасывался солдатами – он предполагал, что сложностей с пополнением не возникнет.

Вражеская пехота явилась в таких количествах, что тут же задавила собой демонов, постоянно атакуемых сверху.

Шикай оглянулся. Эвакуация шла успешно – по человеку за десять секунд. Шесть за минуту, шестьдесят за десять минут. Через портал прошли уже три четверти войска. Остальные выстроились вокруг портала. Тактический маневр удался.

«Пусть мне еще немного повезет, – подумал он. – Пусть порталы поработают еще несколько минут. Пусть эта каменная тварь и дальше глупо тратит своих солдат».

Ему нисколько не нравилось, что небольшая разведывательная вылазка превратилась в отступление с боем, угрожавшее втянуть всю Восточную армию в неожиданную войну. Большую войну в критическую минуту в истории Шинсана. Он предполагал, что по всей пустыне разбросано пятьдесят тысяч солдат врага, которые, похоже, перестали выходить из укрытия.

Шикаю действительно повезло – пехота противника последовала примеру конницы, решив окружить его, прежде чем перейти в атаку. И он успел шагнуть в портал за мгновение до ее начала. После него осталось эвакуироваться лишь одному человеку – верному Панку. Враг не обнаружил на дюнах никого – тервола забрали сверкающую молниями дыру с собой.

– Чего они ждут, господин? – спросил Тасифэн.

Прошло четыре дня, но враг не продвинулся на запад. В докладах разведки говорилось о царящем в рядах противника чудовищном замешательстве.

– Не знаю. Возможно, наш трюк сработал и мы их напугали. Может, они вообще никуда не пойдут.

– Ты так думаешь, господин?

– Не совсем. Но мечтать не вредно, если не слишком в это веришь. Так или иначе, поблагодарим судьбу за подаренное время.

Шикай не ожидал, что ему хватит времени, чтобы перебросить солдат в горы, и что они успеют там окопаться. Сам он точно не стал бы давать противнику подобного преимущества.

Он получил, что хотел, и даже больше. Две полевые бригады Семнадцатого легиона уже были на месте и ждали распоряжений. Части остальной Восточной армии собирались в крепости. Будь у него в распоряжении еще неделя, через порталы можно было бы доставить столько людей и чудотворных орудий, что их хватило бы для уничтожения втрое большей орды зомби, чем он видел возле одинокой горы.

Шикай почти не оставил тервола в своей армии. Войска шли по земле под командованием младших офицеров, а некоторые подразделения при необходимости перебрасывались через порталы. Он забирал тервола и чудотворные орудия также из Северной армии, в полной мере используя предоставленные лордом Го полномочия и не обращая внимания на предсказуемый гнев ее командующего.

Северная армия тоже была на марше, но не могла выделить сюда войска. Шикай приказал трем ее легионам занять оборонительную позицию вдоль западного берега Тусгуса, широкой реки примерно на полпути между бывшей штаб-квартирой Семнадцатого легиона в Ляонтуне и крепостью на краю пустыни.

Телепорт-порталы на территориях Восточной армии работали на полную мощность. Слишком многие мили отделяли крепость от ближайших главных сил легионеров.

– Су Шэнь, – позвал Шикай. – Доложи, как идет эвакуация.

Тервола поспешил к нему. После своего спасения он готов был служить Шикаю в любое время дня и ночи.

– Наконец-то нас начинают слушать, лорд Сыма. Похоже, нашим делам они верят куда больше, чем словам.

Речь шла о местных племенах, которым Шикай приказал эвакуироваться за его третью линию обороны, реку Тусгус. Не имея пока иных приказов, он намеревался заставить врага заплатить за каждую милю его продвижения, не дав ему никаких шансов укрепить ряды за счет местного населения.

Командиры его легионов считали, что он слишком остро реагирует. Он в свою очередь возражал, что лишь острая реакция спасла их тогда в пустыне.

– Лорд Чан, ты нашел лорда Го?

Шикаю отчаянно хотелось поговорить с начальником. Он подумывал о том, чтобы попросить разрешения взять себе дополнительных тервола на случай потери крепости. Хотя наедине даже Панку упрекал его за одно лишь предположение подобного.

Чан Шэн командовал Двадцать третьим легионом, располагавшимся к югу от Семнадцати. Его тоже в числе десятков других тервола сослали в Восточную армию, хотя прежде он являлся членом Совета тервола. Он ненавидел лорда Го, ненавидел свое падение с вершин власти и ненавидел службу под началом сына свинопаса. Счастливым его точно нельзя было назвать.

Но прежде всего он был солдатом Империи Ужаса, и его армия вела войну.

– Нет, господин. Лорд Го залег на дно, и никто не знает, где он. Думаю, он не хочет, чтобы его нашли.

– Что ж, ладно. Иди поспи. – (Чан Шэн искал лорда Го тридцать с лишним часов.) – Он наверняка знает, что мы его разыскиваем, и у него несомненно есть повод скрываться. Буду считать это молчаливым одобрением моей просьбы поступать в соответствии с нашими нуждами.

– Господин, мне кажется, это значит, что ситуация в Матаянге вот-вот взорвется.

– Вероятно. Увы.

Вошел Мэн Чао, хотя он должен был сидеть в горах, и отдал честь лорду Луню.

– Враг приближается, господин.

– Буду через несколько минут. Сколько их?

– Тридцать тысяч с лишним, господин. Только пехота.

Тасифэн взглянул на лорда Сыма, но Шикай молчал. Он поручил операцию в горах Тасифэну и Семнадцатому легиону, взяв на себя более важную задачу по руководству перемещениями армии. Не мог же он каждый раз бегать и проверять готовность каждой сотни! Он кивнул Тасифэну.

– Всем ясны правила? – спросил лорд Луню. – Раненых немедленно отправлять через портал. Убитых со стороны врага – отправлять, если портал доступен; иначе – расчленять. У нас есть от десяти до пятнадцати минут, чтобы обезвредить тело, прежде чем его снова можно будет оживить.

– Всех проинструктировали, господин.

– Хорошо. Напомни им, чтобы не поворачивались спиной к упавшему врагу. Тот снова может подняться.

Шикай улыбнулся под маской. Похоже, не только он исполнял роль наседки.

– Как прикажешь, господин. – Мэн Чао вышел.

– Отправишься через портал, господин? – спросил Шикай Тасифэн.

– Может, чуть позже. Всего на минуту, понять их силу и тактику. У меня и здесь дел хватит.

Тасифэн слегка поклонился:

– Пойду проверю баллисты.

– Осторожнее со стрелами. – Шикаю удалось собрать всего сорок девять. Тасифэн объяснял, что большая часть чудотворного арсенала передана Южной армии.

– Конечно, господин.

– И следи за летунами. Воздух – наше слабое место.

– Да, господин. – Тасифэн снова поклонился и вышел, не желая больше беспокоить Шикая.

«Я весь на нервах, словно старая дева, – подумал Шикай. – Пусть будет что будет. Они хорошие люди, и у них позади тысячелетия опыта. Боевого опыта. У них лучшие солдаты. Если они не остановят это войско мертвецов, значит его невозможно остановить».

Почему он так нервничал?

Из-за драконьих наездников? Вскрытие не сообщило ничего полезного. Они были девяти футов ростом, невероятно крепкие и отчасти неуязвимые к Силе. Скорее всего, при жизни они отличались умом, хитростью и смертоносностью и обладали собственной Силой. В библиотеках Шинсана тоже не отыскалось никаких сведений о существовании подобных созданий в историческую эпоху.

Шикай не сумел выяснить, из-за чего возникла пустыня и кто построил города, руины которых остались в лесах рядом с ней. В самых древних легендах нашлось лишь мимолетное упоминание о великом каменном божестве-хранителе востока, обращенном лицом к бескрайнему морю. Осторожное расследование подтвердило, что континент заканчивается недалеко к востоку от одинокой горы. Дальше не было ничего, кроме острова и океана.

Описание этого острова лишь подстегнуло любопытство Шикая. В докладах Ко Фэна о заговоре Праккии упоминался некий остров на востоке, давший убежище лабораториям заговорщиков и штаб-квартире главы всей операции. Остров, о котором читал Шикай, вполне соответствовал данному описанию. Не были ли эти армии живых мертвецов еще одной уловкой Праккии? Но как такое возможно? Вся Высшая Девятка, кроме Ко Фэна, погибла во время сражения при Пальмизано или раньше. И Запад, и Шинсан приложили все усилия, чтобы искоренить после войны все нижестоящие девятки.

Лорд Сыма подумал, что неплохо было бы высадить на тот остров войско и посмотреть, что там осталось. Заговорщики Праккии подчинили себе ряд весьма интересных чародейских сил, но лорд Ко не сумел ничего спасти. Большая их часть находилась под эгидой некоего Магдена Нората, эскалонского перебежчика, который хорошо хранил свои тайны.

Шикай быстро обошел крепость. Приготовления шли полным ходом, хотя и слишком медленно, чтобы успокоить нервы. Он глубоко вздохнул.

– Панку, идем, посмотрим, что происходит в горах.

7

1016 г. от О.И.И.

Интриги

Мгла уже собиралась ложиться спать, когда взволнованная служанка объявила, что госпожу хочет видеть король.

– Он здесь? – удивилась она.

– Мы попросили его подождать в библиотеке, госпожа, – словно извиняясь, ответила служанка.

Монарху никак нельзя было предложить прийти позже, в более удобное для визита время. Удивительно было уже то, что он просто заглянул сюда с улицы, хотя данный король и отличался весьма простонародными обычаями.

– Что ему нужно?

– Он не говорил, госпожа.

Мгла почувствовала, как в душе у нее все сжалось. Похоже, хорошего ждать не приходилось.

– Скажи, что я сейчас спущусь. Пусть ему нальют бренди.

– Конечно, госпожа. Мне разбудить Марту?

– Я сама оденусь.

Она не спешила, успокаивая себя напевными строками солдатского ритуала, которым пользовались воины ее родины. Из спальни она вышла лишь тогда, когда убедилась, что полностью держит себя в руках.

– Что-то ты поздно, – заметила она, входя в библиотеку, и тут же раздраженно моргнула – приветливый тон ее голоса показался фальшивым даже ей самой.

Король окинул ее равнодушным взглядом. Ее красота несколько его не впечатлила. В его присутствии ей всегда становилось не по себе – казалось, будто у нее большая волосатая родинка на носу или багровый шрам поперек щеки. Ни его, ни Майкла Требилькока, ни Вартлоккура несколько не интересовала ее внешность. Казалось странным и пугающим, что

вокруг столько безразличных к ее обаянию мужчин. Это выбивало из-под ног привычную почву, повергая в неуверенность и растерянность...

– Я был рядом, в моем доме, и хотел с тобой увидеться. Решил зайти сейчас, чтобы потом далеко не ходить.

– У тебя усталый вид.

– Был тяжелый день. Прости мне мои манеры, – возможно, им следовало бы быть иными. К встрече она все-таки оказалась не готова и слегка растерялась.

– В чем, собственно, дело? – выпалила она и тут же испугалась собственной резкости.

– Мне любопытно, что замышляете вы с Аралом.

«Проклятье», – подумала она, с трудом скрыв дрожь.

– Замышляем? Ты о чем?

– Скажем так: я заметил некие фрагменты, которые складываются в единое целое. Я всегда стараюсь поступать разумно и потому решил дать тебе возможность объясниться, прежде чем всерьез разозлюсь.

– В смысле? – Ей снова стало не по себе, по коже побежали мурашки.

Внезапно она поняла, почему Вартлоккур в городе. Если Браги считал, что кто-то должен прикрывать ему спину, значит он точно был уверен, что...

– Вот эти фрагменты: принцесса-изгнанница Шинсана, лишившаяся остужающего ее пыл влияния хорошего человека, который погиб у Пальмизано. Некий молодой торговец, достаточно богатый и влиятельный и, возможно, ослепленный ее прелестями. И тервола из штаба Западной армии лорда Суна, которые тайно поддерживают ссыльную принцессу.

У Мглы перехватило дыхание. Откуда он мог знать? Проклятый Требилюкок! У него в самом деле имелся кто-то в штаб-квартире лорда Суна, хотя она надеялась, что ее подозрения ошибочны.

– И эти фрагменты сложились воедино как раз тогда, когда мои шпионы сообщили, что Шинсану угрожает внезапный кризис на матаянгской границе.

Боги! Неужели он обо всем знал? Неужели у Требилюкока завелся шпион даже здесь, в доме?

– Удачный отвлекающий маневр, – продолжал король. – Тебя бы все это не удивило, будь ты на моем месте?

Речь его выглядела нарочито официальной – словно у чиновника из магистрата, подумала она. Голос его был напряжен, взгляд нервно блуждал, но Мгла была слишком занята своими мыслями, чтобы использовать его волнение себе на пользу. Уйдя в себя, она тщательно выбирала ответ, который не повредил бы ее честолюбивым планам.

– Ты прав, – наконец сказала она. – Со мной связывались люди из Шинсана, из традиционалистской группировки, противостоящей склонному к переменам лорду Го. Их беспокоит растущая нестабильность в империи. Я последняя из живых потомков ее основателя, Туан Хуа. Моя личность сформировалась во времена Двойного правления Принцев-Чудотворцев. Те люди считают, что я могла бы восстановить прежнюю стабильность и ценности, будь у меня такая возможность. Пока это лишь разговоры, из которых вряд ли что-то выйдет.

– Почему бы и нет?

– Со мной связывались по этому поводу и раньше. У этих группировок недостаточно власти или влияния. И что бы они ни говорили, на самом деле им нужна номинальная фигура, законный претендент, который сможет взять на себя их грехи после того, как они придут к власти. По сути, козел отпущения.

Слушал ли он ее? Соглашался ли с ней? Лицо его оставалось бесстрастным, словно у игрока.

– И ты на это не согласна?

– Нет. Ты прекрасно меня знаешь.

Король сцепил пальцы у себя под носом, и на мгновение показалось, будто он молится.

– Какую роль в этом играет Арал?

– Он торговец. Условия для торговли намного бы улучшились, если бы Шинсаном правил кто-то дружественный Кавелину. Он пытается собрать деньги в поддержку переворота. Мне не хватило духу разбить его надежды.

Король разглядывал корешки ее книг. Мгла надеялась, что слова ее выглядят достаточно правдоподобно. Она бесчисленное множество раз репетировала подобный разговор, зная, что он неизбежен, но рассчитывала, что он случится позже. Весь ее план рассыпался в прах – она не могла вспомнить заранее заготовленные фразы. Оставалось лишь рассказать большую часть правды и надеяться, что этого окажется достаточно.

Он глубоко вздохнул, похоже решив промолчать о своих намерениях. Мгла не сомневалась, что он затронет тему отправки секретаря с посольством к лорду Суну. В случае весьма вероятного успеха она лишилась бы всяческой надежды на поддержку со стороны торгового сообщества Кавелина. И у нее оставался только один реальный вариант – саботировать все усилия Пратаксиса. Эту черту она пока не пересекла и теперь понимала, что и не осмелится в дальнейшем. Наверняка король уже понял, что к чему, и теперь, в случае чего, вину возложат на нее.

Король играл в старую игру – дать злодею столько веревки, сколько тому нужно.

– Звучит неплохо, – наконец сказал он. – Кавелину пошло бы только на пользу. Если, конечно, удастся преодолеть исторически свойственную Шинсану косность. Иначе – какая, к дьяволу, разница, кто у власти?

Что? Он не собирался устраивать скандал? И готов был с ней согласиться? Несмотря на Пратаксиса? Она медлила, собирая в наступившей тишине все свое самообладание, но он, похоже, этого не замечал.

– О чем ты? – спросила она.

– О том, что я не возражаю против подобного плана. Но меня не особо радует, что ты вовлекаешь в него моих людей, не обсудив все предварительно со мной. И сейчас ты тоже в числе моих людей. Ты смотрительница Майсака, первой линии обороны против Шинсана. Сейчас имеет место то, что Дерель назвал бы потенциальным конфликтом интересов. И мне не хотелось бы лишнего беспокойства по поводу моей власти над ущельем Савернейк.

Сердце Мглы затрепетало. Откуда он мог столько знать? И знал ли? Или стрелял вслепую, используя в качестве орудия известную навязчивую идею об угрозе с востока?

– Понимаю. Тебе нужны гарантии. На что ты намекаешь?

Король едва заметно улыбнулся.

Она совершила тактическую ошибку – он действительно расставил сети, в которые она угодила. Проклятье! Ну почему он оказался настолько коварным?

– Не сейчас и не здесь, – сказал он. – Нам обоим нужно время подумать. И мне нужны свидетели. Вартлоккур и Нерожденный вполне подойдут.

– Ты что, никому не доверяешь? – притворно удивилась она.

– Теперь – никому. Да и зачем? Твои планы – лишь одна моя проблема. Я не намерен делать резких шагов, пока все не будет под контролем.

Она искренне рассмеялась, чувствуя, как к ней возвращается прежняя уверенность в себе. Он ответил улыбкой.

– Тебе следовало бы родиться на Востоке, – сказала она. – Из тебя получился бы выдающийся тервола.

– Возможно. Моя мать была ведьмой.

Об этом, она, естественно, уже слышала, но слова все равно застigli ее врасплох. Неужели он пытался что-то пронюхать магическим путем? Возможно, с помощью Вартлоккура? Она собралась спросить, но ее прервала служанка.

– Госпожа, там какой-то господин ищет его величество.

Мгла взглянула на Браги. Тот пожал плечами.

– Впусти его, – сказала она.

Ворвался адъютант короля.

– Сир, я повсюду тебя ищу. Ты нужен во дворце.

Вид у него был мрачный.

– Что случилось, Даль?

– Дело не терпит отлагательства, сир. Пожалуйста. – Молодой офицер бросил на Мглу столь мелодраматический взгляд, что она едва не рассмеялась.

– Поговорим позже, – отрезал король и вышел.

Она поняла, что какое-то время ей придется вести себя крайне осторожно – слишком деликатным стало положение, чтобы рисковать. Естественно, во всем была виновата она сама, заглядывая слишком далеко вперед, вместо того чтобы разобраться со всеми мелочами, неожиданно всплывшими на поверхность.

– Изыди, самоуверенность, – пробормотала она.

Время было позднее. Король и Вартлоккур сидели на ступенях в темном пустынном внутреннем дворе. Оба пребывали словно в полусне, якобы выйдя понаблюдать за зрелищным метеорным дождем.

– Вон летит крупный, – сказал чародей. – Там, за стеной.

– Как-то раз я видел один, который раскололся на два десятка кусков. Вот это точно было нечто. Вон еще один. – Он немного помолчал. – Я видел Мглу. Она вела себя чересчур уклончиво, и у меня возникло еще больше подозрений.

– То есть?

– Она участвует в некоем заговоре с целью вернуть себе трон. И вовлечена в него намного глубже, чем готова признаться.

– И?

– Проклятье, тебе что, нечего сказать?

– Что ты хочешь услышать?

– Дай хоть какой-то намек. Я прав? Она в самом деле во что-то ввязалась?

– Ты сам знаешь ответ, дьявол тебя побери. Зачем спрашивать? Естественно, да. Тот, кто добился трона, никогда не отдаст его без боя. Поставь себя на ее место. После смерти Вальтера здесь у нее почти ничего не осталось. Конечно, есть еще дети, но она не из тех, кто питает особые материнские чувства. Когда-то в Шинсане она владела по-настоящему многим, и теперь хочет вернуть потерянное.

– Значит, она все-таки уязвима. Посредством детей.

– Как и все мы. – Чародей помрачнел. – Они заложники судьбы.

– Она в самом деле могла бы вернуться?

– Не знаю. Мне неизвестно, что сейчас происходит в Шинсане. И я не хочу этого знать. Просто не желаю касаться политики и не хочу, чтобы она касалась меня.

– Но такого не будет.

– Да. Не будет. Никогда.

Какое-то время они смотрели на падающие звезды.

– Знаешь, – наконец сказал Вартлоккур, – на самом деле все равно, победит она или нет. Шинсан есть Шинсан.

– Ты не думаешь, что она может что-то изменить?

– Она не смогла бы, даже если бы захотела. Ей не позволят. Все их внимание приковано к тебе, ко мне и Кавелину. Когда-нибудь они явятся снова.

– Взгляни-ка! Почти как комета.

– Угу, – задумчиво кивнул чародей. – Это случится не сразу – позади у них несколько неудачных лет, к тому же они видят угрозу со стороны Матаянги. Они еще не до конца утихомирили территории, захваченные во время войны, и сейчас мечутся словно одноногая шлюха в день прибытия флота.

Усмехнувшись, Браги искоса взглянул на чародея. Вартлоккур обычно не выражался подобным образом.

– Если они дадут мне десять лет или хотя бы год, я буду только благодарен. Приму это как должное и буду очень рад, поскольку вряд ли нам удастся снова заставить их отступить. Думаю, если главной у них станет Мгла, это слегка отодвинет час расплаты и смягчит удар, когда тот наконец обрушится.

– Тебе решать. Только не забывай про О Шина.

– О Шина? – Речь шла о принце, который сверг Мглу и изгнал ее из империи лишь затем, чтобы после свергли его самого.

– Он не хотел идти на запад и постоянно был против. Именно потому его больше нет с нами.

– Знаю. Но тех, кто его сбросил, теперь тоже нет. Ого!.. Видел, какая громадина? Ладно. Подумаю еще несколько дней, выясню, что к чему, а потом соберу Гьердрума, тебя и еще нескольких, и мы решим, стоит ли ей помогать. И если да – сколь видимой будет наша помощь.

– Как я уже сказал – решать тебе, но если ты так поступишь, то наверняка пожалеешь. У тебя хватает хлопот и дома, которые куда больше заслуживают внимания. И будь осторожен с тем, кого включать в число этих самых «нас». У меня нет никакого желания снова связываться с Империей Ужаса. Если, конечно, они не нападут на меня первыми.

– Прости, что делаю поспешные выводы. Я подумал, что таким образом ты смог бы завести связи, которые помогли бы выяснить судьбу Этриана.

Чародей замер и медленно повернулся, уставившись на короля. Подумав, он кивнул.

– Возможно, – ответил он.

В библиотеке Мглы собрались трое. Двое склонились над серебряной пророческой чашей. И в чаше была не обычная вода – Мгла могла себе позволить намного более дорогую и надежную ртуть, обладать которой жаждал каждый провидец.

Арал Дантис беспокойно переминался с ноги на ногу, словно девственник перед соитием. Мгла наблюдала за ним столь же пристально, как и за чашей. Она совершила ошибку, рассказав ему о подозрениях короля. Он дрожал, словно осиновый лист, и если что-то пойдет не так, вполне мог сломаться... Ей не хотелось об этом думать. Возможно, в этом случае потребовались бы крайние меры.

Чам Мундвиллер дымил трубкой. Третий расположился в кресле у стены, прикрыв глаза. Ни его поза, ни выражение лица не выдавали никаких чувств – он был терпелив, словно змея.

Цветом кожи и чертами лица он походил на Мглу, но носил западную одежду, в которой, похоже, чувствовал себя не вполне уютно. Хотя он и выглядел более смуглым, чем Дантис или Мундвиллер, лицо его было мертвенно-бледным – он привык носить маску.

Мгла судорожно вздохнула, и веки человека с востока дрогнули.

– Арал! – позвала она. – Иди сюда.

Дантис уставился в чашу, где вокруг стола сидели четыре маленькие человеческие фигуры. Они уже долго о чем-то спорили, стуча по столу и передавая друг другу документы. Ничего, похоже, не изменилось.

– Что? – спросил он.

– Все идет по-нашему, – улыбнулась она, и в голосе ее прозвучали мелодичные, возбужденные нотки.

– Как ты можешь понять, если не слышно, о чем они говорят?

– Тихо. Молчи и смотри.

Они продолжили наблюдать за спорящими фигурами. Внезапно Мгла вскочила из-за стола и, радостно завопив, заключила Дантиса в объятия.

– Теперь все официально. Король добился своего. Нам больше незачем прятаться и скрываться.

Она поцеловала его, на что тут же живо отозвалось его мужское достоинство. Мгла отошла на шаг и, наклонив голову, сказала, с трудом сдерживая кривую усмешку:

– Тоже неплохо, Арал.

Покраснев, он что-то забормотал в ответ. Мундвиллер выпустил голубое облачко дыма и понимающе улыбнулся. Арал еще сильнее залился румянцем.

Его спас третий. Встав, он с тем же бесстрастным выражением лица заглянул в чашу, коротко кивнул и вернулся в кресло, сказав лишь:

– Хорошо.

Дантис вздрогнул. Мгла слегка улыбнулась. Люди всегда нервничали, впервые услышав лорда Цянь Гао Э. После давнего ранения горла голос его превратился в призрак, сухую оболочку, раздражавшую словно соль в открытой ране.

– Что тебя беспокоит, лорд Цянь? – спросила Мгла.

Тот сплел худые пальцы под узким подбородком.

– Из его поступка следует, что он принимает неизбежное. Твой король прекрасно осознает, что делает. И наши тайны уже не столь надежно защищены, как следовало бы.

Он обвел всех взглядом обсидиановых глаз.

«Я теряю самообладание, – подумала Мгла. – Если не возьму себя в руки, скоро стану в этой игре лишь зрителем».

– С нашей стороны никаких утечек не было, – заявил Арал, спокойно встретив взгляд змеиных глаз.

Как человек Цянь Гао Э его не пугал – беспокоило лишь то, что этот человек собой символизировал. Арал Дантис, сын поставщика снаряжения для караванов, уже сталкивался с тервола во время Великих Восточных войн – и все еще был жив.

– Ты уверен?

– Полностью. Погоди... я знаю, через кого могла случиться утечка. Через моего друга Майкла Требилькока, скорее случайно, чем преднамеренно. У нас есть несколько общих курьеров.

– Контрабандистов?

Арал едва заметно кивнул:

– Иногда они рассказывают, чем, по их мнению, занимается Майкл. Вероятно, и ему – насчет меня тоже. В последнее время они намекали, что, возможно, у него появился шпион в штаб-квартире лорда Суна. Похоже, так и есть. Судя по действиям короля, этот шпион вполне может о нас знать.

«Будь ты проклят, Арал, – подумала Мгла. – Зачем было об этом говорить?»

– Понятно. – Гао Э повернулся к ней, и его рептильные глаза сузились. – Принцесса?

– У тебя есть мысли, кто бы это мог быть?

– Думаю, да.

– Слабое звено? Сейчас это важно?

– Требилюкок получил рычаг воздействия. И этим рычагом может воспользоваться любой.

– Верно, – кивнула она. – Поговори с ним. Выясни, что это за рычаг и насколько велик компромисс. Дальше поступай по своему разумению.

– Как пожелаешь, принцесса.

Побледнев, Дантис вздрогнул и уставился на книжные полки. Чам Мундвиллер молчал, попыхивая трубкой. Лицо его все так же напоминало каменную маску.

Мгла яростно взглянула на Арала, пытаясь мысленно внушить ему: «Это не игрушки, Арал. Речь идет об империи».

– Где этот Требилюкк? – спросил Гао Э. – Его слова многое могли бы прояснить.

– Никто не знает, – ответил Арал. – Недавно он куда-то пропал. Однажды ночью кто-то напал на генерала Лиакопулоса и тяжело его ранил. На следующий день Майкл исчез. Неизвестно, есть ли тут связь.

«В ту самую ночь, когда у меня побывал король, – подумала Мгла. – В ту ночь, когда его куда-то утащил Хаас, ведя себя так, будто я главная злодейка».

– Я его искала, – сказала она. – Предпочитаю не спускать с него глаз. Он опасный человек. И я не могу найти его следов.

Она хмуро взглянула на Арала, который не в силах был скрыть охватившую его тревогу. Как он сумел добиться успеха в своей профессии, не имея ни малейших способностей к интригам?

– Думаешь, его нет в живых? – спросил Арал. – Он что-то обнаружил, и это оказалось ему не по зубам?

Заговорщик из него был никакой. Беспокойство за друга полностью выбило его из колеи.

– Не знаю, Арал. Лорд Цянь, не трогай Требилюкка. Король и Вартлоккур слишком его любят.

– Как пожелаешь, – кивнул Гао Э, вставая. – Пожалуй, пойду. У меня и без того хватает дел. И мне нужно передать новости нашим друзьям.

– Всенепременно, – ответила Мгла, стараясь не показывать, как она рада его уходу.

Гао Э направился в угол помещения и исчез, не доходя до книжных полок. В воздухе на мгновение возник мерцающий столб.

– От одного его вида жуть берет, – проговорил Арал. – Мне он совсем не понравился.

– Пусть он тебя не пугает, – ответила Мгла. – Я давно его знаю, и он один из немногих тервола, которым я доверяю.

– Своих ты, конечно, знаешь лучше, – кивнул Арал. – Впрочем, мы с тобой для него не равноценны. Вероятно, меня он считает полезным дрессированным псом.

Мгла быстро отвернулась, надеясь, что он не заметил, как удивленно поднялись ее брови. Именно так лорд Цянь воспринимал любого западного коллаборациониста.

– Мастер Мундвиллер, ты ни слова не сказал с тех пор, как сюда пришел.

Мундвиллер взглянул в серебряную чашу. Крошечные человечки все так же беззвучно спорили.

– В таком случае, пожалуй, распрощаюсь, – кашлянув, ответил он. – Мне тут, похоже, нечего делать. – Глаза его блеснули.

Арал собрался что-то сказать, но передумал. У Мглы тоже не нашлось слов.

Мундвиллер остановился на пороге библиотеки.

– На прощание советую вам кое о чем подумать. Мои друзья и я будем чувствовать себя спокойнее, зная, что вы работаете на короля.

– Что он имел в виду? – спросил Арал, когда дверь закрылась.

Улыбнувшись, Мгла провела языком по безупречным зубам.

– Не знаю. И не уверена, что меня это как-то волнует.

Но, естественно, ее это волновало. Где-то в глубине души вновь возникло знакомое неприятное ощущение. Сегодня ей удалось увернуться от молота судьбы. Мундвиллер позволил втянуть себя в их дела лишь затем, чтобы иметь возможность извещать короля о том, как продвигается ее план. Вздрогнув, она пристально посмотрела на Арала.

Тот отступил на шаг, затем попятился вокруг стола. Лицо его внезапно покрылось каплями пота, словно у человека, бегущего от ночного кошмара.

Но сбежать ему не удалось.

Мгла зловеще улыбнулась. Она знала, что от этого кошмара он никогда не очнется. И не захочет. Уж она-то позаботится.

Вартлоккур взглянул на короля, вошедшего в небольшую комнату, где он обычно проводил личные совещания. Браги, похоже, был вполне доволен собой.

– Мгла будет здесь через несколько минут, – сказал он.

Та появилась десять минут спустя в сопровождении Даля Хааса. За ней по пятам, словно преданный щенок, шел Арал Дантис. Чародей наблюдал за ними из-под полуприкрытых век. Что-то изменилось – оба как будто робели в присутствии друг друга. Он посмотрел на короля, который порой вел себя так же – в отношении той, которая годилась ему в дочери. «Похоже, и впрямь что-то случилось», – подумал он.

– Садитесь, – предложил король. – Приступим. Я весь день проторчал в замке, так что у меня нет особого настроения спорить. Мы приняли решение, и вы уже знаете, каково оно. Теперь мы воплотим его в реальность, Мгла. Но сперва мне хотелось бы знать, кто был тот тервола и что он делал в Кавелине без моего разрешения.

Даже Вартлоккура его слова застigli врасплох, вызвав легкое недовольство. Этот молодой человек начинал столь многообещающе – а теперь у него повсюду шныряли шпионы, словно у худшего тирана.

Дантис же был просто потрясен. Он издал нечто среднее между отрывкой и мышинным писком, выпучив глаза. Мгла тоже растерялась, что Вартлоккуру доводилось видеть нечасто. Это его слегка позабавило – ему нравилось видеть коллег припертыми к стенке.

– У меня тоже есть свои источники, – сказал король. – Этот тервола для меня крайне важен. Считай это жестом доброй воли.

Мгла наконец пришла в себя, после чего рассказала обо всем без утайки и, как отметил Вартлоккур, даже нечто такое, что оказалось неожиданностью для Дантиса.

Король взглянул на чародея, спрашивая его мнения. Вартлоккур, не обнаруживший откровенной лжи, кивнул.

– Что ж, неплохо, – сказал Браги, – если предположить, что Го не в курсе этих планов. Каков ваш порядок действий?

– Пока не вполне ясно. Мы вступим в игру, когда лорд Цянь решит, что атака со стороны Матаянги достигла кульминации. Мы захватим ключевые точки империи и не станем беспокоить Южную армию, пока матаяннская атака не пойдет на убыль. Лишь после этого заменим лорда Го.

– Да – если он вам позволит. Что, если он договорится с Матаянгой? Если он не станет атаковать?

– План несовершенен. Я могу и проиграть.

– Ты же не стала бы провоцировать войну?

– Нет! Не в большей степени, чем лорд Го. Шинсан не выдержит новых войн.

Король снова взглянул на Вартлоккура, и тот вновь дал понять, что, по его мнению, она говорит правду.

– Ладно, Мгла, – кивнул король. – Чем я могу помочь со своей стороны?

– Ты уже помогаешь. Обеспечиваешь нам безопасный плацдарм. Разве что еще одолжишь нам несколько штурмовых отрядов для удара.

Вартлоккур смотрел на Дантиса, догадываясь по мимолетным гримасам, каким предполагалось его участие в заговоре до того, как подключился король. Ему полагалось собрать средства для финансирования наемников, задачу которых теперь предстояло исполнить коро-

левским солдатам. «Парень – дурак, – подумал чародей. – Но эта женщина способна сделать дураками куда более умных мужчин».

– Сэр Гьердрум, – сказал король, – собери войска, о которых она просит. И так, чтобы никто об этом не знал.

Вартлоккур повернулся к молодому рыцарю. Бедняга Гьердрум – он был решительно против данного предприятия. Никакие аргументы короля не могли его поколебать. И тем не менее он не стал возражать, ибо такова была королевская воля.

«Пожалуй, он прав, – подумал Вартлоккур. – Если поразмыслить, мы все соглашаемся, поскольку так легче, нежели спорить. Вполне возможно, Браги не меньший глупец, ибо он не в силах отделить личные чувства от политики. Если он в ближайшее время этого не поймет, Кавелин ждут тяжелые времена».

Непанта расхаживала по своим покоям, словно зверь в клетке. Ее мучило смутное и вместе с тем неумолимое осознание того, что мир вокруг нее изменился и она внезапно стала чужой для своего времени. Ничто больше не казалось реальным.

Она знала, в чем причина. Слишком многих друзей и любимых ей довелось потерять. И ничто ее больше не удерживало в этом мире, кроме мужа, за которого, как она считала, вышла замуж лишь ради выгоды. Ей нужен был защитник, и она приняла защиту от мужчины, который ее желал. Все романтические отношения жили только в воображении Вартлоккура.

И теперь она словно парила в пустоте, без каких-либо точек соприкосновения с реальностью. Порой Непанта сомневалась, в здравом ли она уме.

Жизнь ее походила на длинное ожерелье, унизанное разочарованиями и несчастьями. Бывали и хорошие времена, но ей приходилось напрягать память, чтобы их вспомнить, в отличие от всех бед, мысли о которых не оставляли ее ни на минуту.

Остановившись, она взглянула в окно, за которым виднелось темно-серое небо. Снова плохая погода? Казалось, будто солнце исчезло с тех пор, как они прибыли сюда. Неужели мрак следует за ней по пятам, словно грустный пес?

– Может, это все из-за беременности, – пробормотала она. – Больше так нельзя, иначе я не вынесу даже собственного общества. – Ее губ коснулась слабая насмешливая улыбка. – Все-таки у меня были друзья.

Внутри нее толкнулся ребенок, и она положила руки на живот, пытаясь понять, что это – ручка или ножка.

– Будем считать, что ты мальчик. Говорят, мальчики более активны. – Ребенок снова толкнулся, на этот раз сильнее, и она судорожно вздохнула. – Варт?

Но Вартлоккура рядом не было – вероятно, снова отправился к королю. Что они замыслили? Она до сих пор не знала, зачем Браги потребовался Варт. Он что-то говорил на эту тему, но все время ходил вокруг да около. Возможно, Варт и сам не знал ответа.

Она почти не покидала покои, но все равно ощущала пронизывающие замок Криф беспокойные течения. Прислуга обменивалась сплетнями и строила догадки. Имелась проблема с престолонаследием – Браги избрали королем, но его семья не получила прав наследовать трон Кавелина. И в случае его смерти началась бы борьба за корону, к которой готовились несколько группировок.

Плюс ко всему – конфликт на востоке и вспыхивающая время от времени гражданская война в соседнем Хаммад-аль-Накире существенно влияли на положение дел в Кавелине. И естественно, традиционные трения на этнической почве внутри самого Кавелина, которые не сумели смягчить три просвещенных монарха.

Глядя в окно, она думала о своем далеком доме в горах. В Фангдредде она была не более счастлива, чем здесь. Каждый день был свидетелем ее молитвы о том, чтобы их наконец позвал

к себе внешний мир. Теперь они освободились от бывшего заточения, но ей снова хотелось укрыться за стенами горной цитадели.

– Похоже, я схожу с ума. Даже когда мои молитвы оказываются услышаны, мне это не приносит радости. – Ребенок снова пошевелился. – Что ты там делаешь? Прыгаешь через веревочку?

Она попыталась расслабиться. Порой сон приносил облегчение, но заснуть не удавалось. Болела спина, ноги и ступни. Несмотря на все попытки успокоиться, ее не оставляли тревожные мысли. Не желал лежать спокойно и младенец в ее животе.

Но тревожный сон все-таки пришел, а вместе с ним видения, столь же беспокойные, как и мысли наяву.

Подобные сновидения уже вошли в привычку. Ей снились Этриан, пустыня и огромная пугающая тень. Она слышала слабый, далекий голос звавшего на помощь сына. Тень забавлялась с ним, набрасываясь на него и терзая. Она протягивала к Этриану руки, но тот ее не замечал.

В последнее время ей часто снился Этриан, в основном когда сон ее был не слишком глубок. Сновидения различались, но в них сын всегда был жив, пытаясь избежать некоего похожего на тень зла.

Варт утверждал, что виной тому лишь беременность, и ее сны не связаны с реальным миром. Но ей уже доводилось пройти через нечто подобное несколько лет назад, и тогда она не была беременна.

Она считала, что подобные повторяющиеся сны отражают реальность. В снах содержалась великая магия, хотя ей не хватало знаний, чтобы их истолковать. Ее собственные магические способности значительно уменьшились после гибели братьев. Чтобы призвать Силу, требовалось полное сосредоточение всей семьи...

Варт тоже в этом не слишком разбирался, но наверняка знал достаточно, чтобы понять: ее сны что-то значат... или нет? Вдруг он прав и это лишь отражение ее страхов и тревог?

Непанта постепенно просыпалась, не пытаясь поймать ускользающие видения и пробуя мыслить логично, но у нее ничего не получалось. Лишь на мгновение показалось, будто она увидела полуоткрытую дверь, за которой неожиданно промелькнуло нечто похожее на правду.

Послышался тихий шорох и мягкие шаги. Она узнала походку служанки.

– Я не сплю, Марго.

– Госпожа... я не хотела прерывать твой сон. Твой муж просил меня узнать, спишь ли ты.

– Скажи ему, пусть придет.

Вартлоккур присел на край кровати Непанты и взял ее за руки.

– Как ты себя чувствуешь?

– Неплохо. Что происходит в мире?

– Как обычно. Люди рождаются и умирают, а в промежутке, как правило, крайне глупо себя ведут. Я уже четыреста лет за ними наблюдаю, но они нисколько не изменились, повторяя все те же глупости.

Непанта разочарованно вздохнула. Когда он так говорил, обсуждать сны не имело смысла.

– Опять ты в таком настроении?

– В каком?

– Все суeta и томление духа...

– Ха! Порой это единственная разумная философия.

Он вновь впал в меланхолию, и она поняла, что если так пойдет и дальше, они не смогут жить вместе. Но пока его еще можно было спасти, если не дать ему полностью уйти в себя.

– Что тебя тревожит?

Пусть выговорится, пусть даже разозлится. Лишь бы порвались цепи, в которые он себя заковал.

– Это все Браги. Он становится другим. Несколько лет назад он все видел и понимал. Ничто не ускользало от его внимания, и никто не мог его одурачить.

– О чем ты?

– Теперь он изменился. В Кавелине затеваются интриги, готовы вспыхнуть заговоры. А он ничего не замечает – играет в захваты или строит козни против Шинсана. В то время как реальная опасность растет словно раковая опухоль за его спиной.

Победа! Все-таки он разозлился.

– А тебе-то какая разница? Кавелин – не твоя родина. И ты переживешь все его проблемы.

– Не знаю... может, ты и права. С тех пор как пал Ильказар, меня ничто не связывает ни с каким конкретным местом. Но, возможно, мне по душе то, что хотели совершить здесь старый король, королева Фиана и Браги. Возможно, мне по душе то, к чему привела бы их мечта в случае успеха. Возможно, я злюсь потому, что Браги отвлекся от реальных проблем. Возможно, мне не нравится то, что с ним происходит.

– Или ты его недооцениваешь, Варт. Браги хитер. Никогда не знаешь, что у него на уме. Может, он как раз держит руку на пульсе событий, которые тебя так беспокоят. Не забывай, что у него есть Майкл Требилюк. Говорят, Майкл вездесущ и невидим и никакая интрига не проскользнет мимо него. По словам моих служанок, знать до смерти его боится.

– Угу. У Браги и впрямь хороший помощник. Но вдруг он начнет вести себя столь странно, что с его поступками перестанут соглашаться? Впрочем, не важно – мне все равно никак на это не повлиять, так что какой смысл переживать? Как прошел день?

Настроение его изменилось. Хорошим его нельзя было назвать, но вряд ли она могла рассчитывать на лучшее.

– Мне опять снился сон. Этриан звал на помощь. – (Вартлоккур нахмурился, став мрачнее тучи, и ей даже показалось, что сейчас поперек его лба сверкнет молния.) – Вряд ли все дело в беременности и желании несбыточного, Варт, – продолжила она, осторожно подбирая слова. – Что-то на меня воздействует. Я не говорю, что это именно Этриан – скорее всего, нет. Но, думаю, тебе стоит отнестись всерьез и попытаться докопаться до сути. Возможно, это важно, хотя ни ты, ни я пока не понимаем, в каком именно смысле.

– Ладно, попробую. – Голос его звучал холодно и безразлично. – Если что-нибудь выясню – сообщу. – Он встал. – Мне нужно идти. Я ненадолго.

«Беги, – подумала она, глядя ему вслед. – Убирайся. Почему тебя настолько огорчает, когда я завожу разговор про Этриана?»

Прошло несколько дней. Вартлоккур встретил короля в коридоре, среди пляшущих теней, отбрасываемых масляными светильниками.

– Что-нибудь слышно про Майкла? – спросил чародей.

– Арал нашел некий след. Его друг видел Майкла в Дельхагене через несколько дней после нападения на Лиакопулоса.

– Странно.

– В наши дни все странно. Сколько еще осталось Непанте?

– Две-три недели.

– Нервничает?

– Очень. – Чародей слабо улыбнулся.

Он уже начинал беспокоиться, чувствуя, что застрял здесь, хотя обещал Непанте забрать ее домой до родов.

– Не тревожься. С Этрианом у нее не возникло никаких хлопот.

– Будь так любезен, не упоминай это имя. В последнее время она на нем просто помешалась. Решила, будто он жив, и думает, что мы должны его найти.

– В самом деле жив?

– Не знаю.

– Пару недель назад ты говорил...

– Я знаю, что говорил. Сейчас не время об этом думать. Скоро должен родиться малыш.

К своему удивлению, Варлоккур обнаружил, что чуть ли не рычит. Неужели ему настолько угрожал бы выживший мальчик?

– Попробую узнать, – может, что-то выяснилось.

– Ничего не выяснится. – Чародей посмотрел вслед королю, который словно нес на плечах тяжесть всего мира. – Друг мой, придется тебе научиться по крайней мере какое-то время не совать нос в чужие дела.

Развернувшись, он зашагал в свои покои.

8

1016 г. от О.И.И.

Предводитель мертвецов

– Она летит прямо к нам! – крикнул Этриан. – Уходим!

Сааманан сбежала по шее каменного зверя. Этриан помчался за ней.

На фоне голубого неба мелькнула серебристая искра. Зверь сумел слегка отклонить ее полет, но она все же ударила его в бок, и он яростно взревел в ответ.

– Что это? – спросила Сааманан, приподнявшись на спине зверя.

– Не знаю. – Этриан взглянул на разрушения, которые причинил взрыв среди солдат. – Но хорошего от них точно мало. Давай спустимся отсюда, пока в нас не попали.

Слегка подтолкнув женщину, он окинул взглядом пустыню. Тервола стояли на вершине дюны. Похоже, приближение армии мертвецов несколько их не пугало.

Этриан и Сааманан почти спустились, когда прилетела еще одна стрела, ударив перед носом зверя и выплеснув свою энергию в пруд Сааманан. К небу поднялись огромные клубы пара, от передних лап зверя отвалились куски камня. Во все стороны полетели обломки каменных плит. Выход из пещер обрушился.

Сааманан зарыдала, глядя, как гибнет ее творение.

– Твой Великий не в лучшей форме, – заметил Этриан. – Нас попросту рвут в клочья. Возможно, я ошибся, положившись на его защиту. Он лишь впустую расходует солдат.

– У него их более чем достаточно.

– В самом деле? Думаешь, тервола выпустят нас из пустыни? Это всего лишь разведывательная группа. Что будет, если они по-настоящему разозлятся? Теперь они уже поняли, что к чему, и знают, как поступать. Если твой Великий продолжит в том же духе, к концу недели мы все будем мертвы. Включая его самого.

Сааманан наклонила голову.

– Те серебристые штуки... похоже, они закончились.

Она была права – обстрел прекратился. Этриан оценил повреждения, нанесенные последней стрелой.

– Придется немало потрудиться, чтобы здесь все расчистить.

Он направился туда, откуда видно было дюну. Собственно, там ничего не происходило. Солдаты каменного зверя продолжали стоять вокруг.

– И что теперь? – спросил Этриан.

– Они ушли. Он не может понять, в чем дело. Просто спустились с дюны и исчезли.

– Телепорт-портал, – с отвращением сплюнул Этриан. – Клянусь, я бы справился куда лучше этого так называемого бога, если бы...

– Не говори так!

– Буду говорить так, как считаю нужным. Раз он ни на что не способен – значит не способен. Нужно убираться отсюда. Если так пойдет и дальше, мне конец.

Каменный зверь прорычал, что он пока не в состоянии развернуться в полную силу. Этриан огрызнулся в ответ, мол, божество не сумело воспользоваться даже тем, что у него имелось. Спор продолжался все четыре дня, которые им потребовались, чтобы расчистить выход из пещер. Этриан настаивал, чтобы зверь стал его рабом, но тот отказывался.

Сааманан, обычно занимавшая сторону божества, лишь задумчиво молчала, возясь со своим прудом словно ребенок, пытающийся найти все осколки разбитой фарфоровой куклы.

– Они ждут в горах, – сказал Этриан женщине. – Легион, готовый к бою. Полагаю, твой Великий растратит там остатки живой силы.

– Вряд ли он легко сдастся, Этриан.

Он удивленно взглянул на нее – впервые она назвала его по имени.

– Как и они, подружка. Как и они. Собственно, они лишь единственный раз потерпели поражение – от моего деда, моих дядей, моей тети и человека, который убил моего отца. И за это они пытались отомстить, захватив меня в плен.

– Я тебе верю, – прошептала Сааманан, словно надеясь, что каменный зверь ее не слышит. – Я их боюсь. Но как убедить его, чтобы он услышал нас? Теперь все уже не так, как раньше, – он больше не позволяет мне в чем-либо участвовать. Во время войн с Нахамен в основном сражалась я.

– Возможно, он винит в поражении тебя.

– Но я...

– Не важно, кто виноват, – в своей вине он все равно бы не признался. Он ведь бог, а боги считаются всемогущими и непогрешимыми.

– И что нам делать?

– Следовать за войском. Быть готовыми помочь. Мы в любом случае разделим его судьбу, хочется нам этого или нет. Тервола не знают пощады.

Сааманан кивнула:

– Подожди здесь.

Она спустилась между лапами каменного зверя, проталкиваясь через толпу, изливающуюся из пещер. Этриан смотрел, как выходящие оттуда солдаты выстраиваются в колонны и направляются в сторону гор. Казалось, их орде не будет конца.

Возможно, зверю не требовалась никакая утонченная стратегия, и он готов был до бесконечности идти на странные жертвы.

Когда солнце уже клонилось к закату, Сааманан вернулась, ведя за собой двух маленьких драконов.

– Они потеряли всадников. Великому нет от них никакой пользы.

При мысли о полете у Этриана внутри все сжалось.

– Я не умею...

– Ничего страшного. Так же, как если бы ты ехал верхом на лошади, – просто говори им, что делать. Когда они были живы, не уступали нам в уме и сообразительности.

– Но теперь-то они не живые. – Он имел в виду, что их оживил каменный зверь и сейчас они полностью подчинялись его воле.

Внезапно он улыбнулся. Бояться действительно было нечего – божество не причинит Этриану вреда, пока не получит всего, что он мог ему дать.

– Просто делай как я, – сказала Сааманан. – Лети!

Ее дракон взмыл в воздух. Крылья его звенели, подобно медным гонгам. Она описала круг в сотне футов над головой Этриана.

Он глубоко вздохнул:

– Лети, дьявол ты этакий.

Спина дракона ударила ему под зад. Он покачнулся, но удержался. Земля умчалась вниз. Этриан зажмурился, чувствуя, как колотится сердце.

Когда он снова открыл глаза, дракон кружил позади дракона Сааманан в нескольких ярдах над головой каменного зверя, откуда открывался вдесьтеро более широкий вид на пустыню.

– Вряд ли я создан для полета! – крикнул он.

Женщина взглянула через плечо и что-то сказала своему дракону, который перестал описывать круги и устремился на запад.

– Следуй за ней, – прохрипел Этриан.

Вскоре он приноровился к полету, хотя уже понял, что удовольствия ему это никогда не доставит – слишком уж долго пришлось бы падать. Сааманан, однако, казалось, была прирожденной летуньей. Пока он с трудом тащился следом, она то взмывала ввысь, то пикировала вниз, наслаждаясь воздушной акробатикой. От одного взгляда на ее «мастерство» у него подкатывал комок к горлу.

Наконец она заскользила совсем рядом – насколько позволял размах крыльев чудовищ.

– Мы почти на месте.

Впереди высились горы, внизу проносились бесплодные склоны холмов. Она указала вперед рукой, и Этриан увидел углубление, отмеченное фигурными линиями, которые складывались в оборонительные сооружения.

Сааманан камнем устремилась к земле, остановившись всего в нескольких ярдах над безжизненным горным склоном. Ее дракон накренился и скользнул в каньон, расширявшийся в нечто, бывшее в древние времена широкой поляной. Этриан последовал за ней на большей высоте, спустившись лишь там, где ему не могли помешать горы.

На бывшей поляне рядами выстроились воскрешенные из мертвых солдаты – точно в том же порядке, как и до этого под землей. Он сбился со счета, глядя на уходящие вдаль в пустыню колонны.

– Сколько тут солдат? – спросил он, когда ноги коснулись земли, и тут же сел, чувствуя, как натянуты нервы.

– Сто пятьдесят тысяч. Все, кем он в состоянии управлять, и еще какое-то количество на замену.

– В каком смысле – все, кем он в состоянии управлять?

– Стольких он может оживить. Сразу за пределами горы – около ста тысяч. Здесь... ну, пожалуй...

– Гм... – Тут требовалось больше подробностей. – Лучше объясни. Если у него есть еще какие-то недостатки, кроме глупости...

– Чем дальше от горы, тем меньшим количеством тел он может управлять. На расстоянии в пять миль он может справиться со ста тысячами. Их не отличить от живых солдат, не считая того, что они раз за разом поднимаются на ноги. Здесь он не может управлять больше чем

пятидесятью тысячами, да и теми с трудом. Вот почему они просто стоят. У него еще тридцать тысяч дальше, в ущелье.

– А если дойти до края пустыни?

– Десять-пятнадцать тысяч. На расстоянии в тысячу миль он не сможет оживить больше четырех-пяти.

Этриан окинул взглядом ряды войска.

– Как он собирается куда-то дойти? Идеи у него, конечно, великие, вот только эту империю можно будет объехать за день. Она никогда не выйдет за пределы пустыни.

– Именно для этого и нужны мы.

– То есть?

– Потом.

Больше она не отвечала на вопросы, утверждая, что для них еще не пришло время. Сперва зверь должен был отомстить за причиненный ущерб солдатам в ущелье.

Этриан нашел тенистое место и какое-то время спустя решил, что ему все ясно.

Зверь хотел, чтобы он полностью ему подчинился, надеясь обманом заманить его в рабство, а потом передать способность повелевать мертвыми. Имея возможность свободно перемещаться, он создал бы новую империю.

Этриан поделился мыслями с Сааманан, и та лишь кивнула в ответ.

Улыбаясь, он вернулся в тень. Положение его оказалось куда устойчивее, чем он предполагал. Довольный собой, он задремал.

Сон был неглубок – Этриан сохранял контроль над своим сознанием, понимая, что момент сейчас слишком удачный, чтобы потратить его впустую. Мягко и осторожно, преодолевая сопротивление упрямой оболочки, он высвободился из тела и воспарил над армией мертвецов, не боясь упасть. Его радовала обретенная свобода. В небе не было места страданиям.

Заметив некую тьму, льнущую к горам в том месте, где расположился легион, он напряг свои чувства, ощутив мощь каменного зверя, который гнал орды на земляные укрепления Шинсана.

Усилием воли Этриан переместился на запад, и его нисколько не обрадовало то, что он там увидел. Зверь бросил на обороняющихся тридцать тысяч солдат, в рядах которых прокладывали широкие просеки серебряные стрелы. Мертвых солдат, которым удавалось пробиться достаточно близко, тут же сокрушали. Тьмой, которую увидел Этриан, оказался дым костров, на которых сжигали захваченных мертвецов.

Армия зверя не могла причинить серьезного вреда в ответ. Немногочисленных раненых со стороны Шинсана отправили через порталы, прежде чем зверь успел захватить их в плен.

Недовольный Этриан поплыл дальше на запад, быстро преодолевая большие расстояния и восхищаясь разумом, управлявшим легионами.

Тервола опережали его на три или четыре шага. Он понимал, что никакой надежды вырваться из пустыни у него нет. Каменный зверь растратил бы все свои силы в ущелье, послав лишь жалкий ручеек против вражеской крепости, и на этом бы все закончилось. Год спустя тервола смеялись бы над великой войной в пустыне, удивляясь глупости побежденного врага.

Он вернулся в свое тело.

– Хорошо спал? – спросила Сааманан.

– Нет. – Этриан рассказал ей обо всем, что видел, и о том, сколь мало осталось сил у зверя. – Он что, будет и дальше продолжать в том же духе? Там всего пять тысяч солдат, но им на помощь идут вдесятеро больше. И за ними стоит могущество Шинсана. Сааманан, он упрям и глуп, но ты должна заставить его понять, что он делает.

– Вряд ли он станет меня слушать. Слишком уж он зол. Может, когда успокоится...

– Так успокой его. Сделай что-нибудь. Он нас погубит.

Сааманан беспомощно, с какой-то детской непосредственностью взглянула на него, а затем резко кивнула и села на дракона. Ящер взмыл в воздух и устремился на восток.

Этриан взглянул на солнце – до заката оставался еще час. Следовало отдохнуть. Возможно, у Сааманан все получится. Он вернулся в тень скалы.

Сумерки уже ступали, когда Сааманан его разбудила.

– Уже вернулась?

– Ты нужен ему.

– Он готов поговорить?

Она кивнула:

– Сегодня он многое увидел... Он очень спокоен, очень рассудителен и очень встревожен.

Контратака его потрясла.

– Контратака?

– Противник позволил ему растратить большую часть сил, а потом окружил оставшихся. Ему не удалось спасти ни одного солдата, а они не потеряли и пяти сотен. Он выучил урок.

– Значит, теперь он готов слушать? – улыбнулся Этриан. – Что ж, полетели.

И они полетели. Сааманан не жалела сил своего дракона, в лицо Этриана хлестал ветер. За полчаса они добрались до каменного зверя.

Юноша сразу же почувствовал перемену, случившуюся с чудовищем. От ярости и высокомерия не осталось и следа, словно у ребенка, который решил показать, на что он способен, но ударил в грязь лицом.

– Сааманан сказала, что ты готов поговорить! – крикнул Этриан, стоя среди каменных обломков. Отец научил его смелости, однажды заметив, что боги не просто так наделили людей безрассудством.

Зверь был удручен, но не сломлен. Он ответил на слова Этриана едва заметной усмешкой.

– Мне известны пределы твоих возможностей, – снова крикнул Этриан. – Мне известны твои слабые места. Мне известно, что тебе нужно. И у тебя никого больше не осталось.

Зверя это развеселило еще больше.

– Теперь у меня есть силы, чтобы найти кого-нибудь еще.

Этриан взглянул на Сааманан. Она кивнула:

– Но у него нет времени.

– Ты знаешь, какая сила теперь тебе противостоит? – спросил Этриан.

– Если ты про наших противников – то да. Я их недооценил. Мир изменился. Человеческое могущество возросло, а могущество богов пришло в упадок. Избавитель, я предлагаю союз. Мы трое – против всего мира. Ты освободишь нас и поведешь наши войска. Сааманан будет владеть нашим оружием Силы. Я передам свою мощь тебе.

Этриан повернулся к женщине:

– Не уверен, что вполне его понимаю.

– Это тройственное соглашение. Ты избавляешь нас, он дает тебе войска, а мне – могущество, чтобы сражаться с тервола. Мы вместе построим империю.

– А он что будет с этого иметь?

– Чтобы это понять, нужно быть богом.

– И все же попробуй объяснить. Иначе я могу оценивать его лишь с точки зрения человека.

– Он хочет быть богом нашей империи. Он хочет, чтобы мы создали новое Навами. А затем мы сможем перенести его в столицу как божество-покровителя.

– И только?

– Только? Это все, Этриан. Он теперь пробудился и не сможет выжить без поклонников. Ты смотришь на запад и думаешь о мести. Он смотрит и видит возможность выжить. Сегодняшнее поражение показало ему, сколь хрупки наши шансы.

– Сколько еще пройдет времени, прежде чем он умрет, или что там с ними происходит?
– Возможно, столетия. Боги не умирают быстро. Но решать нужно сейчас. Мы должны сокрушить тех людей – иначе мы обречены. Ты был прав – они никогда не признают поражения.

Юноша взглянул на небо, чувствуя, как в нем тлеет застарелая ненависть.

– Если мы заключим договор, как нам гарантировать его исполнение? Как заставить бога сдержать слово?

– Мое время ограничено, Избавитель, – огрызнулся зверь. – Я не могу здесь долго оставаться. Если я тебя подведу – можешь бросить меня умирать.

– Твое слово чего-то стоит до тех пор, пока кто-то тебе поклоняется.

– Как минимум. Но у нас нет никаких причин и дальше не держаться вместе. Спроси Сааманан – разве я плохо к ней относился? Даже когда для меня это не имело никакого значения?

– Он предан тем, кто предан ему, – кивнула Сааманан. – Если бы не он, меня бы здесь не было.

– Ладно. Мы на верном пути. Что ж, проверим. Божок, дай мне первому то, что ты обещал.

Зверь молчал. Этриан чувствовал его недовольство и неуверенность.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Сааманан.

– То, что сказал. Если он даст мне власть над мертвыми – я поверю. И дам ему то, что он просит.

Он внимательно посмотрел на женщину, но не заметил на ее лице победоносной усмешки.

– Ложись, – велел ему зверь. – Когда проснешься, испытаешь себя против наших врагов. О моих нуждах позаботимся позже.

– Что-то изменилось, – сказал Этриан, обращаясь к Сааманан.

– Я же тебе говорила. Не думай, будто ему это нравится. Но под налетом высокомерия и злобы скрывается разумно мыслящее существо.

– Будешь стоять на страже?

– Конечно.

Юноша лег, но не мог заснуть, преследуемый видениями подвигов, которые он мог бы совершить, овладев подобным могуществом.

Внезапно очнувшись, он не мог сообразить, где находится и что произошло. Над ним стояла женщина в белом. Он вскочил, ища взглядом крабов.

– Все в порядке. Все хорошо. Все закончилось. Этриан.

– Закончилось? Что?.. Я ничего не чувствую. Сработало?

– Отлично сработало.

Казалось, будто прошло лишь несколько секунд.

– Как долго я был без сознания?

– Всю ночь и весь день. Сейчас опять ночь.

– Так долго? В самом деле? Нужно что-то предпринимать. Тервола...

– Они все еще там. Великий говорит, они беспокоятся. И готовы прийти посмотреть, чем мы тут занимаемся.

Этриана переполняло множество мыслей о том, что предстояло сделать.

– Где наши драконы? – С неба тут же упали два крылатых создания. – Это я их призвал?

– Нет. Их призвал Великий. Но с этой минуты ими буду управлять я. Ты сосредоточишься на солдатах.

Этриан нахмурился – зверь был вовсе не так уж глуп.

– Ладно. – Он взобрался на чешуйчатую спину, и мгновение спустя они с Сааманан уже были в воздухе.

Пока они мчались на запад, он прикидывал, что и как будет делать. Никаких изменений он пока не чувствовал.

Ощутил он их лишь тогда, когда спланировал к ожидавшему его войску – пустоте, состоявшей из десятков тысяч пустот, ждавших, когда их заполнят. В мозгу его промелькнули образы гор, словно увиденных бесчисленными парами мертвых глаз. На мгновение он растерялся, а потом начал смотреть глазами всех солдат одновременно, чувствуя, будто некая нить связывает его с каменным зверем, передавая силу. Силу, которую он мог использовать, как хотел.

Драконы опустились на землю. Этриан взглянул на свое молчаливое войско, и все как один повернулись к нему.

- Будь я проклят, – проговорил он. – Мне и делать почти ничего не придется?
- Ты должен решить, кто, что и когда должен делать. Остальные ничего не осознают.
- Просто приказать всей этой массе пойти в атаку – и они пойдут?
- Да. Нужно лишь сообщить им, как и куда.

Отключив все чувства, он покинул свое тело и нетерпеливо взмыл над горами, изучил расположение противника, а затем вернулся обратно.

- Я готов, – объявил он, слыша удивленные нотки в собственном голосе.
- Что делать мне?
- Пока жди. Дай мне найти нужных солдат.

Посреди ночи, когда замерло все живое, армия мертвецов перешла в атаку. Они двигались молча, не единым строем, как прежде, но рассредоточившись по склонам, так что от прилетевших стрел пострадали бы лишь немногие.

Первые десять тысяч, вооруженные луками или арбалетами, не пытались сблизиться с солдатами Империи Ужаса – они держались поодаль, но их выстрелы попадали в цель.

- Неплохо, – заметил Этриан. – Сааманан, поднимай дракона. Отвлекай тервола.

Несколько мгновений спустя она уже мчалась к ущелью со светящимся копьём в руках.

«Теперь копейщики и пикинеры», – подумал Этриан, и в атаку двинулись еще десять тысяч солдат.

Горы мерцали от яростного обмена ударами между Сааманан и тервола. Небо рассекали огненные копья. Этриан вскочил на дракона и поднялся в воздух, глядя на сражение с высоты.

Копейщики наступали в идеальном порядке, рассредоточившись далеко друг от друга. Миновав стрелков, они вступили в стычки с войсками, которые враг послал против лучников. В схватке один на один они показывали себя не лучшим образом, но куда результативнее, чем во время массовой атаки под управлением каменного зверя. Под непосредственным контролем Этриана они оказывались гибче и быстрее. Оттеснив обороняющихся, копейщики добрались до земляных укреплений Шинсана. Лучники продолжали осыпать противника стрелами.

Этриан бросил в бой десять тысяч мечников, тоже рассредоточив их вокруг, а следом за ними – волна за волной – хлынули солдаты из «спящей» орды.

Вернее, половины орды – каменный зверь угробил шестьдесят тысяч солдат, прежде чем передать управление ему.

Этриан с трудом мог поверить, что все эти воины движутся лишь потому, что такова его воля. Ему достаточно было представить некое движение, и нужный солдат его повторял. Всего лишь сотня мертвецов штурмовала холм, на котором выпускающая стрелы машина сдерживала его основной натиск. Они карабкались наверх, падали, лежали минут десять-пятнадцать, а потом снова поднимались в атаку. Все это напоминало сон, ставший явью.

Он вынудил Семнадцатый легион вступить в бой в полном составе. Сааманан не давала отвлекаться тервола. Лишь несколько демонов бродило по склонам, за которые шел бой, но толку от них было немного.

У Этриана еще хватало сил и на другие маневры. Десять тысяч не знавших устали солдат двинулись на юг, обошли легион, разделились на небольшие группы и направились дальше на запад. Покинув пустыню, им предстояло заняться «набором новобранцев». «Идеально, – подумал Этриан. – Просто идеально».

Накренив дракона, он опустился ниже, пролетев в сотне футов над сражением.

– Даже жутко становится, – подумал он вслух.

Битва выглядела бесшумной – казалось, там, внизу, сражаются машины. Слышались лишь шаги солдат и лязг оружия. Мертвецы не издавали ни звука – солдаты Шинсана были обучены сражаться молча. Мало кто вскрикивал, даже получив смертельную рану. Тишину нарушал лишь бой сигнальных барабанов.

Свистнула выпущенная из баллисты стрела, пробив дыру в крыле его дракона.

– Ого! – скорее удивленно, чем испуганно сказал Этриан. – Еще немного, и мне бы конец.

Противник, возможно, и не осыпал магическими стрелами его рассредоточенных повсюду солдат, но сразу же взял бы его на прицел, поняв, что именно он управляет атакующими. Если он погибнет, падет и мертвое войско. Возможно, не останется никого, кого смог бы вновь оживить каменный зверь.

Он жалел, что не может управлять всадниками на драконах. Сейчас было самое время бросить их в бой. Приказать им спикировать с неба, изрыгая пламя, и стереть тервола с лица земли, прежде чем те успеют защититься.

Вспомнив о своих стрелках, он приказал им занять позицию повыше и сосредоточиться на командирах противника. Для прикрытия атаки они больше не требовались.

Он терял солдат, но положение выглядело далеко не худшим образом. Из строя уже вышли несколько сотен солдат врага, и оборона рассыпалась. Несколько важных позиций прекратили сопротивление. А его собственные павшие вновь поднимались в бой.

Каждый из них стоил десятка живых солдат. Они могли вставать снова и снова... Этриана охватило ощущение всемогущества – на какое-то мгновение он понял, каково чувствовать себя богом.

Он попытался воскресить мертвецов противника, чтобы сбить легионеров с толку, заставив их драться со своими, но ничего не вышло. Да, они были мертвы, но не собирались ему подчиниться. Их отправляли через порталы еще до того, как они успевали остыть.

На долю секунды он забыл, что сражается с Империей Ужаса. С их стороны фронта не наблюдалось ни малейшего замешательства. Они не утратили из виду цель своей миссии и не впали в панику. Как всегда, они оставались лучшими. Вполне могло закончиться тем, что он укрепит свои ряды телом лишь одного человека – последнего, кто будет охранять последний портал, через который отправят последний труп.

Этриан мысленно заглянул в крепость Семнадцатого легиона, пытаясь найти мертвецов там. Он ощущал присутствие трупов, но ни одного не мог коснуться. Сперва ему пришлось бы ввести в крепость собственных воинов – противник сейчас слишком хорошо владел ситуацией.

Его это несколько не разочаровало – его стратегия работала, и он знал, что ущелье будет принадлежать ему. Он рассмеялся, глядя, как раз за разом восстают из мертвых его солдаты – многие уже хотя бы раз упали, но мало кто серьезно пострадал.

Сааманан услышала его разнесшийся в ночи смех и издала в ответ радостный крик, полный предвкушения победы. Услышали ее и тервола. Вызывающе застучали боевые барабаны Семнадцатого легиона.

Барабаны. Адские барабаны. Этриан знал по рассказам отца об их нескончаемом, ужасающем грохоте, но никогда прежде не слышал его сам. По спине пробежал холодок безотчетного страха. Его охватили сомнения.

То были барабаны Империи Ужаса, которые обещали: «Мы, Семнадцатый легион, не одиноки. Мы, Семнадцатый легион, не знаем страха. За нами придет сотня других. Найдите же свою погибель, враги империи».

Хотя кровь Этриана кипела от радости победы, он ничего не мог поделаться с грохотом этих барабанов.

Он побеждал. Он предполагал, что еще немного, и горы будут принадлежать ему. А затем он отправится дальше и снова встретится с Шинсаном, за этой крепостью у границы бесплодных земель...

Но были еще другие легионы и другие армии. Возможно, сотня легионов была преувеличением, но сегодняшняя победа в любом случае не главная – так, небольшое приключение по дороге. Великие битвы ему еще предстояли.

Он слышал рассказы дяди Вальтера о сражениях в Эскалоне, когда Мгла и О Шин принесли войну в прежде могущественное королевство. По сравнению с ними сегодняшнее было лишь жалкой стычкой. Для столь эпических битв ему потребовалось бы все могущество каменного божка, и даже больше.

В ту ночь лунный серп взошел всего за час до рассвета. Его слабое серебристое сияние осветило последние сражения. Одна сторона уже проиграла этот мрачный бой, но это не делало его менее жестоким.

Империя Ужаса не отступила ни на шаг. Прежде чем пал последний ее защитник, Этриан навсегда лишился своего двадцатитысячного солдата.

И все равно он был рад. У него осталось еще семьдесят тысяч, и он стучался в двери земель, где мог бы набрать для своих целей новых.

Вызывающе ударили последние барабаны. Он отдал мысленный приказ мертвым батальонам, и мертвецы издали боевой клич.

– Избавитель! – проскрежетали они все как один, подобно дьявольскому хору. – Избавитель!

Он улыбнулся, глядя, как они уничтожают остатки прославленного Семнадцатого легиона Шинсана.

9

1016 г. от О.И.И.
Крепость на пограничье

Лорд Лунью передал сообщение через Мэн Чао.

– Лорд Сыма, они снова наступают. И теперь ими управляет другой разум.

– Вот как? – Шикая обдало холодом. – Почему ты так решил?

– Их действенность. Их тактика. Возможно, тебе стоило бы взглянуть самому, господин.

Шикай задумчиво посмотрел на тервола. Чао был взволнован и напряжен, его бросало в нервную дрожь.

– Ладно. Панку, мы отправляемся в горы.

Он взглянул на большую карту. Все складывалось вполне удачно. Восточная армия сосредотачивалась в единое целое, и если бы мертвецы прорвались через ущелье, путь им бы все равно перекрыли.

Пригодилось бы еще несколько лишних дней. Даже несколько лишних минут.

Шикай последовал за Мэн Чао через портал.

– Похоже, у нас неприятности, – сказал он, тут же ощутив влияние нового разума.

– Да, господин, – согласился Тасифэн. – Мы не сумеем их сдержать.

– Я на это и не рассчитывал. То была лишь тактика проволочек – как можно дольше их отвлекать. – Он взглянул на небо, где кружила на небольшом драконе женщина в белом. – Насколько она хороша?

– Одна из лучших, господин. Столь же могущественна, как и принцесса Мгла. Она не дала нам никаких шансов поддержать своих, и им не удалось захватить погибших солдат врага.

Шикай заметил еще одного дракона:

– А это кто?

– Не знаем, господин. Возможно, тот новый, который ими управляет.

На спине каменного существа в пустыне тогда тоже стояли двое.

– Не хочу впустую тратить стрелы, лорд Лунью. Если сумеешь хорошо прицелиться – стреляй.

– Как прикажешь, господин.

– Я возвращаюсь в крепость. Охраняйте как следует порталы.

– Мы их как раз сейчас перемещаем. Отступим через них, когда не останется иного выхода.

– Хорошо. – Шикай направился к ближайшему portalу, сказав Панку: – Этот новый разум опасен. Чувствую, теперь все изменится.

– Я тоже так чувствую, господин.

– Похоже, нам следует ожидать осады.

Семнадцатый легион оставался на позиции дольше, чем ожидал Шикай. Миновали сутки, пока не ушел последний солдат.

– Скольких мы потеряли? – спросил лорд Сыма.

– Меньше сотни, господин, – ответил Тасифэн. – В смысле насовсем. Полагаю, ты именно это имел в виду? Шестьсот погибших мы перебросили назад.

– Хорошо. Отлично. Как только установим новые порталы, снова переправьте ваших раненых, в Лянтун – чтобы нам о них больше не думать. Если только враг не прорвет как нашу оборону, так и оборону Северной армии.

Тасифэн уже не считал, что его командир преувеличивает незначительную угрозу. Он попытался приободрить себя:

– По нашим оценкам, полностью уничтожены еще двадцать тысяч мертвых тел, господин.

– Есть мысли, сколько у них осталось?

– Не точно, господин. По крайней мере, пятьдесят тысяч. И еще летуны.

– И еще летуны. Возможно, мы в конце концов пожалеем, что у нас нет своих летунов. Чан Шэн! Удалось завербовать драконов?

– Ни одного, господин. Они ничего не объясняют, но их старейшины заявляют, будто им знакомо это древнее зло. И они больше не желают иметь с ним дела.

– И все?

– Больше они ничего не говорят.

– Любопытно, – заметил Шикай. – Это на них не похоже. Они никогда ничего не боялись.

– А теперь боятся, господин. Такое ощущение, что они готовы бросить пещеры, где выращивают потомство.

– Вот как? И куда они отправятся?

– Не могу сказать, господин.

Шикай подошел к карте.

– Господа, я разместил разведывательные группы вдоль этой дуги. Скоро мы узнаем, каковы их намерения.

Тасифэн показал на красную стрелку, которая пересекала зону столкновения, упираясь в восточное побережье.

– Что это, господин?

– Насчет этого не беспокойся. Просто задание, которое я дал Су Шэню.

Собрал ли Су Шэн уже свои корабли? Судя по последним докладам, он был на побережье, готовясь переправиться на остров, где Шикаю не терпелось разместить портал. Ему хотелось знать, в самом ли деле это бывшая штаб-квартира Праккии и не осталось ли там после них чего-нибудь интересного.

К Шикаю подбежал тервола по имени Йен Тэ, из южных легионов – бледный, без маски.

– Господин, – задыхаясь, проговорил он. – Господин, я только что слышал... Матаянга... Они атаковали. Силами в два миллиона солдат.

– Два миллиона? – пробормотал Шикай, не в силах представить подобную орду. Никто не смог бы содержать войско такой величины.

Видимо, Матаянга рассчитывала, что тяжелые потери быстро сократят их численность до той величины, которой можно реально управлять. Он взглянул на карту.

– Два миллиона? Господа, мы предоставлены самим себе. Нам никто не поможет.

В зале наступила тишина. Никто до этого не верил, что положение на юге настолько ухудшится и что матаянгцы осмелятся атаковать. В течение многих веков на подобную глупость не решалось ни одно государство. Но – два миллиона солдат? Непостижимо. Матаянгцы рисковали всем – понесенные потери обескровили бы их на многие поколения. А потери станут неминуемы после перехода Южной армии в наступление.

– Они пытаются захлестнуть нас первой волной, – заметил Шикай. – И у них вполне это может получиться. Но это не наша проблема. Наша проблема сейчас там. Лорд Лунью, возьми на себя командование разведывательными патрулями. Мне нужно точно знать, когда они намерены пойти в атаку.

– Как прикажешь, господин.

Противник вновь поставил Шикая в тупик. Он не стал следовать разумной стратегии, сразу же штурмовав крепость. Он пришел из пустыни, но особо не спешил, дав Шикаю четыре дня на подготовку. Шикай собрал основную часть Восточной армии, а остальные должны были прибыть в течение нескольких дней. Собственно, в его распоряжении столько солдат, что большинству приходилось оставаться в укрепленных лагерях за крепостью. Восточная армия сражалась бы подобно дьяволам, и у Северной армии имелось достаточно времени, чтобы готовить позиции вдоль реки Тусгус на случай неудачи на ее берегах.

Воспользовавшись передышкой, Шикай побывал на острове на востоке, где они с Су Шэнем прошли по давно заброшенным залам. Ничего ценного там не осталось, хотя вполне хватало доказательств того, что это действительно остров из воспоминаний лорда Ко Фэна.

– Кто-то забрал отсюда все подчистую, – сказал Шикай.

– Похоже на то, господин.

– Любопытно. Весьма любопытно.

– Господин?

– Ко Фэн говорил, что они бежали в спешке, рассчитывая вернуться позже. Но позже из всех заговорщиков в живых остался только он и так туда и не вернулся. Куда же в таком случае все подевалось? Можешь предположить, кто все забрал?

– Возможно, сам лорд Ко, господин. После того, как его отправили в ссылку.

– Сомневаюсь. Я бы попробовал заглянуть в прошлое, не будь тут нашего каменного друга.

Человек со зрением Су Шэня мог разглядеть каменное изваяние со стен крепости, но Шикай не видел ничего, кроме ржавых гор.

К ним, тяжело дыша, подбежал Панку.

– Господин, – выдохнул он, – командиры легионов хотят тебя видеть.

– Хорошо. Су Шэнь, оставайся здесь. Я дам тебе сотню солдат. Возможно, мне понадобится, чтобы ты отсюда попал в ту каменную тварь.

– Как прикажешь, господин, – растерянно проговорил Су Шэнь.

– Само собой, – усмехнулся Шикай. – Панку, пойдем узнаем, что им нужно.

Несколько минут спустя он вошел в зал. С большой карты на него смотрела яркая дуга из символов, обозначающих противника.

– Что-то их стало многовато, гм?

– Пятьдесят тысяч, господин, – ответил Тасифэн.

– Все еще не собираются атаковать?

– Нет, господин.

– Странно.

– Господин, мы хотели бы обсудить с тобой ряд вопросов, – сказал Чан Шэн.

Шикай повернулся к стоявшим плечом к плечу командирам легионов. Их подчиненные прекратили работу.

– Да?

– Гм... – запинаясь, начал Тасифэн. – Мы получили донесение от пятой когорты Двадцать седьмого легиона. – Он подошел к карте и показал на позицию в четырехстах милях к югу. – Вскоре после рассвета они столкнулись здесь с силами противника. – Точка находилась далеко за границей пустыни. – Тысяча мертвых солдат при поддержке нескольких сотен местных жителей, как живых, так и мертвых.

– Набирают пополнение?

– Похоже на то. Главный сотник Пай Можо немедленно вступил в бой и уничтожил всех, кроме небольшой горстки. Все, кому удалось сбежать, – живые из местных.

Шикай терпеливо выслушал доклад Тасифэна о потерях в живой силе и снаряжении, а затем сказал:

– Выдающееся достижение – учитывая, что он был в меньшинстве и не имел в распоряжении чародейских средств. Объявляю ему мою личную благодарность и представляю к повышению. Аплодирую проявленной в твоих рядах инициативе, лорд Юань.

Командир Двадцать седьмого легиона слегка поклонился.

– Можо – один из лучших моих сотников, господин.

Шикай расправил плечи, напустив на себя грозный вид – так он обычно внушал страх солдатам Четвертого Показательного.

– Так что вы, собственно, хотели со мной обсудить?

Тасифэн переглянулся с коллегами, но те молчали.

– Возможно, несколько преждевременно об этом говорить, господин, но мы считаем, что тебя следует поставить в известность.

– Поставить в известность? Что ж, я слушаю тебя, лорд Лунью.

– Вполне возможно, что скоро лорда Го свергнут. Мы, командиры легионов и наши старшие заместители, намерены поддержать его преемника. Как и наши собратья из Северной армии.

– Понятно. – Внутри у Шикая все сжалось. Все-таки политика до него добралась – его считали чем-то обязанным лорду Го. – Какое это сейчас имеет отношение к делу? – сказал он, ничем не показывая смятения. – Мы – воюющая армия. Взгляните на карту – мы почти окружены. Положение Южной армии еще хуже. Империи грозит серьезная опасность. Какого дьявола вы вообще завели этот разговор? Молчать! Мне полностью безразлично, кто сидит на имперском троне. Я тервола! Я офицер имперской армии. Моя единственная задача – защищать, сохранять и расширять империю, а ваша задача – помогать мне исполнять мою. Ни вы, ни я не вправе короновать императоров или лишать их короны. Не важно, кто сидит на троне в четырех тысячах миль отсюда, дьявол его побери. Впрочем, в свободное время можете играть во что хотите. Сажайте на трон королей, если вам так нравится. Но когда вы на службе – вы должны воевать. И учтите, господа: когда лорд Сыма Шикай ведет войну, он делает это каждую секунду. Возвращайтесь на посты.

Шикай решил, что этого вполне достаточно. Он дал выход чувствам, заставив подчиненных дрожать перед его гневом.

– Прекрасно сказано, лорд Сыма, – заметил лорд Чан. – Мы слышим голос прежних эпох, который говорит все, что нам нужно знать.

За спиной Шикая послышался шорох извлекаемого из ножен меча Панку. Шикай яростно посмотрел на лорда Чана, но Шэн не отвел взгляда. «Мне стоило сообразить, что они не прогнутся, – подумал Шикай. – Они не новобранцы. Они – ветераны интриг».

– Предлагаю последовать распоряжениям лорда Сыма, – продолжал Шэн. – Избавителя в любом случае не волнуют наши возвышенные порывы.

Командиры легионов направились к выходу. Их подчиненные продолжили работу. Шикай позволил себе на мгновение расслабиться, затем спросил:

– Лорд Чан?

Шэн повернулся к нему.

– Да, господин?

– Ты сказал «Избавитель». Что ты имел в виду?

– Можо, сотник лорда Юаня, взял живых пленных. Они называли предводителя мертвецов Избавителем и утверждали, будто он явился из краев, где обитали боги во времена до пустыни. Они верят, что он возродит потерянный рай.

– Насколько широко разошлась эта идея среди туземцев?

– Не особо, господин. Большинство спасаются бегством вдоль реки Тусгус в свойственном дикарям страхе перед мертвыми.

– Хорошо. Я буду у себя. Панку, – прошептал он, – убери свой смешной ножик, которым и жабу не убьешь.

Шикай не стал проверять, исполнен ли его приказ, – он хорошо знал Панку.

Он заснул, но несколько часов спустя что-то его разбудило. На мгновение показалось, будто виной тому тревога из-за его командиров, но все вопросы с ними он уладил. Они высказались, и было принято решение. Он командовал Восточной армией. Его власть исходила от империи, а не от ее правителя. Они готовы были следовать за ним, пока он оставался верен ее идеалам.

Если не политические проблемы – то что? Некое предвидение? Не сокрушают ли мертвецы очередное препятствие по пути на запад? Он уставился в потолок, высвобождая свои чувства тервола, но ничего не ощутил.

Ворвался Панку, даже не извинившись за дерзость.

– Летуны, господин. – Он схватил маску Шикая и встал рядом с его доспехами.

– Атакуют?

– Да, господин.

Несколько минут спустя Шикай уже стоял на балконе, выходившем на тренировочный плац. В ночи виднелось множество драконов – он насчитал по крайней мере пятьсот в свете убывающей луны. Они спускали на землю всадников. Верхом на каждом сидело по двое – как обычно, череполицый и еще один сзади. Большинство череполицых остались на драконах, вновь поднимая их в воздух и швыряя в крепость силовые разряды. Ни во что конкретно они не целились.

Мертвые воины сперва носились туда-сюда без определенной цели, а столкнувшись с солдатами гарнизона, вступили в бой.

Наступил хаос. Шикай заметил несколько пожаров.

Драконы устремились в пустыню, чтобы забрать очередную волну атакующих.

– Идем в зал карт, – сказал Шикай. – Организуем оттуда оборону.

Он взглянул на восточную стену. Солдаты удерживали позиции. «Что ж, неплохо, – подумал он. – Пусть Избавитель решит, что полностью смешал наши ряды, и тут мы перейдем в наступление».

Чтобы добраться до здания, где находился зал карт, нужно было пересечь внутренний двор. Именно там их настигли всадники, появившиеся из темноты в полной тишине. Шикай не мог в точности понять, сколько их – по крайней мере, один череполицый и шестеро воинов-коротышек. Они метнулись вперед, словно узнав его, и он уничтожил двоих небольшим заклинанием. Панку снес голову еще одному. Затем перед лицом Шикая сверкнули клинки, и впервые за долгую жизнь он поднял меч в свою защиту.

Он тысячу раз проделывал упражнения с мечом, как того требовало обучение, и неплохо себя показал. Но – всегда было интересно, как он себя поведет при встрече со смертоносным противником. Шикай сильно сомневался, что способен убить человека.

Вбитые в него умения одержали верх – он не думал, а действовал. Его клинок превратился в паука, плетущего защитную сеть. Кинжал в левой руке устремлялся вперед подобно змеиному языку, нанося смертельные удары под опасными углами. Несколько секунд, необходимых, чтобы уравнять шансы, его спину прикрывал Панку.

А потом перед Шикаем не осталось никого, кроме череполицевого. Вокруг лежали разбросанные трупы. Хватит ли ему силы духа, чтобы порубить их на куски? Оставлять их просто так было нельзя...

Наездник дракона держал меч, достойный его размеров – длиной не меньше шести футов. Меч свистел в воздухе, раз за разом описывая огромную дугу, и Шикай едва не падал, отражая удары и чувствуя, как сжимается от страха желудок.

Послышался оглушительный лязг, и череполицей, пошатнувшись, рухнул на колени. Шикай пронзил кинжалом его глаз, затем нанес жестокий рубящий удар мечом. Еще один удар обрушил на врага Панку.

Но проклятая тварь все пыталась подняться!

Они рубили ее мечами, пока та наконец не испустила мерзкий дух.

Тяжело дыша, Шикай и Панку взглянули друг на друга.

– Живучий оказался, – улыбнулся Панку.

– Что верно, то верно. Давай изрубим их. Мы и так уже потеряли слишком много времени.

Шикай видел немало расчлененных трупов, но одно дело видеть, а другое – рубить их самому. К горлу подкатил комок, и он задумался, чувствовали ли подобное его солдаты. Мир считал их батальонами безжалостных мучителей и убийц... Но они были людьми. Просто людьми, идеально обученными и идеально владеющими собой. У них имелась своя гордость...

«Нужно быть таким же сильным, как тот сотник Можо, – подумал он. – Я – их командир. Я должен быть самым жестким и самым лучшим».

– Все, господин, – сказал Панку.

– Тогда идем.

– Мрачная работа, да?

– Воистину. Оказалось куда тяжелее, чем я предполагал.

– Похоже, нам предстоит кошмарная кампания, господин.

– Мы еще не видели подобного, Панку.

Едва они вошли в зал карт, дверь в другом его конце разлетелась в щепки, словно осенние листья на ветру, и ворвались около десятка мертвых солдат во главе с тремя череполицейными.

Тасифэн встретил их мощным силовым зарядом, разбросав воинов-коротышек, словно мастиф – тряпичных кукол. Однако на череполицейных это никак не подействовало. Прочие тервола обрушили на них убийственные заклинания. Над падающими телами поднялись ядовитые испарения, и на какое-то время стало тяжело дышать.

Шикай подошел к Чан Шэну, стоявшему у карты крепости и окрестностей.

– Они атакуют здесь и здесь, – сказал Шэн. – Там, где стыкуются лагерь и крепость. – Окружавшие лагерь частоколы и траншеи мало что значили по сравнению с оборонительными сооружениями самой крепости. – Пока сложно понять их намерения. Для них логично было бы окружить и уничтожить лагерь, но они сосредоточивают драконов и колдовство именно на нас.

– Пытаются нас тут удержать?

Подошел тервола, которого Шикай помнил по вылазке в пустыню.

– Да, Оуянь?

– Донесение от лорда Шимины, господин. Противник пошел на штурм и прорвался в трех местах. Лорд Шимин считает, что они хотят вынудить нас перейти к рукопашной схватке.

– Это твоя главная задача, лорд Чан. Северный лагерь. Рукопашная. Мы не можем этого допустить.

Им грозило неминуемое поражение. Если противник прорвет ряды Шикая и вынудит его солдат сражаться по отдельности, мало кто успеет отправить через портал погибших солдат легиона. Или – уничтожить павших врагов, которые будут раз за разом вступать в схватку и их будет становиться все больше, а не меньше.

– Лорд Чан?

– Мне это не нравится, господин. Но предлагаю сперва подождать. Солдаты не прогнутся.

Шэн был прав – под натиском врага оборона стала лишь жестче. Шикай поднялся на наблюдательную вышку и посмотрел на северный лагерь. Там горели огромные вонючие костры, в которые солдаты швыряли все новые тела.

Драконы продолжали высаживать в крепость воинов, с которыми теперь сражался гарнизон. Многим так и не удалось улететь, а наездники погибали под ударами меча, едва их ноги касались земли.

Шикай был доволен.

– Господин, – показал Панку. Прищурившись, Шикай увидел кружащих высоко над головой двух драконов. – Та, что в белом, – их чародейка. Лорд Лунью говорит, что второй командует мертвыми.

Между вытянутыми ладонями женщины возникло ярко светящееся голубое яйцо, а затем, кувыряясь, устремилось к земле. Когда оно врезалось в крышу казармы, размер его составлял около ярда.

Крыша вспыхнула, хотя и была сложена из глиняной черепицы.

Сверху упали новые яйца, и вскоре уже пылал десяток пожаров. Насколько хватит их колдовской силы?

Впрочем, это не имело значения. Женщина могла швырять их бесконечно.

Часть яиц упала на северный лагерь, причинив намного больший ущерб.

Тервола должны были ее остановить. Шикай бросился в зал карт, где царила полная разруха. В одном углу еще продолжалось сражение – двое череполицы обменивались мелкими колдовскими ударами с подчиненными Тасифэна.

– Что случилось? – спросил Шикай. – Впрочем, не важно. Сам вижу. Позовите кого-нибудь, пусть приберутся тут, пока трупы вновь не оживут.

– Господин, – сказал Тасифэн, – мы не сумели надлежащим образом избавиться от некоторых наших мертвецов, и теперь они бродят по крепости. Солдаты не могут отличить своих от врагов.

– Но ты ведь можешь?

– Да, господин.

– Как и все мы. – Шикай отдал несколько коротких приказов. – Уходим отсюда. Все равно от нас здесь никакой пользы. Все внимание должно быть приковано к той ведьме. Выпустите по ней залп стрел. Похоже, атака на юге – лишь отвлекающий маневр.

Прошло два часа, полностью поставивших Шикая в тупик. Ведьму удалось прогнать, но стало только хуже. Из пустыни к северному лагерю поплыл поток голубых шаров, пробив оборону в десятке мест. Возникла угроза рукопашной, которой все так опасались.

По крайней мере, летунов и череполицы отогнали от крепости.

Шикай собрал офицеров.

– Судя по всему, мы теряем северный лагерь, – сказал он. – Они воскрешают слишком много своих, а у нас нет защиты от колдовства той женщины. Подумаем, каковы могут быть их дальнейшие намерения.

Шикай был уверен, что враг сосредоточил силы на единственном лагере, решив, что оборона его внезапно рухнет, дав возможность возместить потери. После чего можно будет бросить не знающих устали мертвецов на южный лагерь, а затем на крепость.

– Устроим им сюрприз, – объявил Шикай. – Сообщите лорду Шимину, что он должен продержаться до рассвета.

В кровавом предрассветном тумане войска из южного лагеря пробились сквозь стену врага и атаковали войско противника. Тервола гоняли ведьму из одного укрытия в другое. Мертвецы упрямо сражались, и лишь к полудню удалось освободить северный лагерь. Шикай приказал войскам немедленно отступать к реке Тусгус.

– На этот раз мы застигли их врасплох, – сказал он, – но вряд ли нам это удастся снова. Крепость может продержаться и сама. – Он окинул взглядом веревки и сети, натянутые там, где могли приземлиться летуны.

– А если они пустятся в погоню, господин? – спросил Тасифэн.

– Было бы неплохо, если бы они именно так и поступили. Тогда я бросил бы против них Северную армию, зажав их между молотом и наковальней.

Избавитель разочаровал Шикая. В течение трех дней он атаковал крепость, добиваясь лишь временных успехов. Упрямый Шикай раз за разом одерживал верх. На плацах день и ночь горели погребальные костры.

На третий день лорд Шимин прислал сообщение, что ему пришлось вступить в бой с ордой туземцев – молодых и старых, женщин и детей, с оружием и без, мертвых и живых, которые высыпали из леса, крича: «Избавитель!» Легионеры уничтожали их сотнями, но, сражаясь, не могли продолжать отступление.

Шикай уставился на тысячи оборванцев, окруживших крепость.

– Не может же этот Избавитель быть повсюду одновременно! – Враг стоял неподвижными рядами, и тела его воинов медленно разлагались. Похоже, сила перестала им передаваться, и войско Избавителя постепенно сгнивало – к запаху горящей плоти добавилась вонь разложения. Еще немного, и Избавителю потребовалась бы полностью новая армия – вряд ли он заставит ходить скелеты. – Лорд Лунью, возьми бригаду и организуй вылазку. Не думаю, что они станут особо сопротивляться.

Тасифэн успел расправиться с тысячами безразличных ко всему мертвецов, когда в воздухе возникла некая напряженность и павшие внезапно ожили, после чего ему пришлось отступить. Шимин сообщил, что атаковавшая его орда неожиданно лишилась боевого духа.

– Господа, – сказал Шикай тервола, – если этот Избавитель совершит еще одну ошибку, мы его уничтожим. – Никто не стал спрашивать, что имелось в виду, и он продолжил: – Во-первых, он может сам подставить себя под удар. Во-вторых, он может позволить нам добраться до ведьмы. В-третьих, ему может не хватить терпения, и он перестанет набирать себе дикарей. Или позволит нам ему помешать. – И снова никакого ответа не последовало. – Есть желающие стать героем?

Пришло еще одно сообщение от Шимины. Те, кто его атаковали, сбежали в лес, и он снова двинулся к реке Тусгус.

– Устроить еще одну вылазку, господин? – спросил Тасифэн.

– Нет. Теперь он приведет тех несчастных сюда, чтобы нас прикончить. Мы сегодня преподали ему урок, и он знает, что ему нас не обойти.

Ночью начался штурм, и возглавляли его мертвые женщины и дети. Казалось, ему не будет конца. Из леса выходили все новые туземцы, некоторые проделали путь в тысячу миль. Шикай мысленно обругал их за то, что не додумались остаться под защитой империи. И поздравил себя за то, что оказался достаточно прозорлив, переселив подальше большую их часть.

Шикай уничтожал их десятками тысяч, но они все шли и шли. Порталы продолжали отправлять убитых и раненых в Лянтун. Часть крепости обрушилась. Дворы, подвалы и

казармы заполнились расчлененными телами, ожидавшими сожжения. Вонь была столь же невыносима, как и нескончаемая атака.

– Лорд Лунью, что же за чудовище этот Избавитель? Каким нужно быть безумцем, чтобы истребить население на территории в полмиллиона квадратных миль ради того, чтобы захватить одну крепость? Он что, демон, сорвавшийся с хозяйского поводка?

– Он всего лишь мальчишка, господин. Лет семнадцати или восемнадцати, во многих отношениях вполне обычный, но слишком уж ненавидит империю.

– Ненавидит?

– Живые пленники говорят, будто он поклялся нас уничтожить.

– Думаешь, сумеет?

– Нет, господин.

– Однако начал он весьма впечатляюще, не находишь? Как долго мы продержимся?

– Два дня точно. У него заканчиваются новобранцы.

– Предоставляю дальнейшее тебе. Продолжай тянуть время. Мы уже достаточно его выиграли для Северной армии. Теперь, боюсь, мы выигрываем его для Ляонтуна.

Вздохнув, Тасифэн уставился в пол.

– Как прикажешь, господин. Господин... возможно, тебе стоило бы теперь связаться с лордом Го.

– Лордом Го? Я думал, его отстранили от власти.

– Не знаю. – Тасифэн пожал плечами. – Может, и так. Мы с ним не общались.

Шикай в последний раз окинул взглядом крепость, пребывавшую в ужасающем состоянии. Ведьма то и дело швырялась голубыми яйцами. Он подозревал, что слова Тасифэна о двух днях выглядят чересчур оптимистично.

Они с Панку спустились в глубокий подвал, к порталам. Как обычно, через них переправляли раненых.

– По крайней мере, им удастся спастись, – заметил Шикай. – Это последнее место, куда сумеет добраться Избавитель. Никому не придется бессмысленно держать оборону до последнего.

– Надеюсь, господин, – ответил Панку. – Было бы жаль их потерять. Семнадцатый – хороший легион.

10

1016 г. от О.И.И. Пожар на востоке

Непанта сидела у окна, глядя в никуда. Приближающиеся роды лишь усугубляли ее желание уединиться и уйти в себя. Она много плакала, беспричинно огрызалась на других. Глядя на свой огромный живот, она ненавидела себя за собственное уродство и за то, что приносит очередное дитя в этот безжалостный мир. Бывали минуты, когда она проклинала растущего внутри нее маленького паразита. Большую часть времени она либо жалела себя, либо предавалась навязчивым мыслям о потерянном сыне.

У нее почти не осталось силы воли. Она делала все, что говорил ей муж или о чем просили служанки. Даже попытка заговорить с кем-то была для нее немалым достижением.

В подобной апатии она пребывала уже давно – после смерти первого мужа и потери сына. Она всегда легко поддавалась переменам настроения, то впадая в подобное состояние, то выходя из него. После смерти Насмешника приступы меланхолии с каждым годом становились все дольше, как бы она ни пыталась делать вид, будто с ней все в порядке. Теперь она просто держалась поодаль, стараясь не осложнять жизнь второму мужу.

Вартлоккур прилагал множество бесплодных усилий, чтобы ее расшевелить. Непанта знала о его попытках, но не ощущала ничего, кроме жалости к нему, считая, что она не стоит потраченного на нее времени и сил.

Самых могущественных снадобий и чар хватало лишь ненадолго. Вартлоккур наконец понял, что ее способно исцелить лишь одно средство – время, и предоставил ей возможность сколько угодно блуждать в недрах собственного воображения.

Она обернулась, ощутив его за спиной.

– У тебя усталый вид, милый.

– Я всю ночь не спал. Майкл Требилюк угодил в переплет, и мне пришлось послать Радеахара, чтобы его вытащить. Теперь он дома, живой и здоровый.

– Майкл? Тот, который теперь вместо Вальтера? – В последнее время она о многом забывала.

– Да.

Непанта снова посмотрела в окно. Она потеряла шестерых братьев, мужа и сына. Если точнее, пятерых – Люксос был жив и теперь обитал в Крачнодьянских горах, словно свихнувшийся старый отшельник. «Такой же свихнувшийся, как и я, – подумала она. – С тем же успехом нас обоих могло уже не быть в живых».

Мир отобрал у нее все – кроме Вартлоккура и неродившегося ребенка.

Она не могла признаться себе в том, насколько они для нее важны, – не осмеливалась. Иначе судьба покарала бы ее, забрав и их.

– Варт?

– Да, милая?

– Я в самом деле иногда ощущаю Этриана, но до сих пор не понимаю, что это может означать. Ты не мог бы точно выяснить?

– Я пытался, милая, – вздохнул Вартлоккур. – Но ничего не обнаружил. Прости, я был бы рад, если бы было иначе, но – увы. Это просто твоя душа пытается откатить назад пески времени.

Скорее всего, он был прав – он крайне редко ошибался. Но... все равно оставались сомнения. Никто не видел Этриана мертвым...

– Это не только мое воображение, Варт. Он где-то там, я знаю.

– Тогда почему я не могу его найти? Хотя бы обрывок доказательства того, что он жив? И почему я нахожу столько подтверждений обратного? Перестань себя мучить, прошу тебя. Это вредно для здоровья.

В словах его звучала искренняя забота, и Непанта ее почувствовала, но тут же отпрянула.

– Это вовсе не ложная надежда! – Она срывалась на крик, дав волю чувствам. – Он жив, я знаю! Почему ты мне лжешь?

– Я не лгу, – мягко ответил он, словно обращаясь к обиженному ребенку. – Ты сама себе лжешь. Не нужно, прошу тебя. Это вредно для здоровья.

– Вредно для здоровья! Вредно для здоровья! Хватит! – Она вскочила с кресла. – Все потому, что он сын Насмешника, да? И ты хочешь, чтобы я о нем поскорее забыла?

Она сама понимала, насколько безумно звучат ее доводы, но не могла остановиться. Ей хотелось причинить боль другому, чтобы выплеснуть часть своей.

Лицо Вартлоккура исказила мучительная гримаса, но он заставил себя успокоиться.

– Это неправда, и ты это знаешь. Он мой внук. Единственный. И я тоже его любил. Я бы сделал ради него что угодно. Но теперь его больше нет, Непанта. Пора это принять. Прошу тебя. Тырываешь мне душу. – Он заключил ее в объятия.

Она заколотила кулаками по его груди, продолжая кричать:

– Лжешь! Он жив! Я знаю, он жив! Ему грозит опасность, а ты не хочешь ему помочь!

– Милая, это может повредить младенцу.

Рыдая, она еще несколько раз ударила его и наконец обмякла.

– Прости. Не знаю... Ой!

– Что? Что случилось?

– Кажется, у меня воды отошли. Должно быть еще рано... Ой! Да, я чувствую... – В голове у нее вдруг прояснилось. Только не здесь! Не сейчас! Пожалуйста... Все остальное тут же перестало ее интересовать. – Позови доктора Вахтеля, если он все еще королевский врач. Помоги мне лечь.

Голос ее изменился, став деловым и ровным. Вартлоккур помог ей дойти до кровати и попытался уложить.

– Нет. Сперва раздень меня. Это дорогое платье, нельзя его испортить. Потом найди Мэри и Марго. Скажи, пусть всё приготовят.

– Может, сперва позвать врача?

– Прямо сейчас он мне не нужен. Этриана я родила двенадцать часов, и Элана говорила, что роды были легкими. У нас еще есть время. Просто предупреди его.

– Слишком рано.

– Может быть. Может, я неправильно посчитала. Теперь уже ничего не поделаешь. – Она начала раздеваться, видя, насколько он нервничает. – Я сама. Позови служанок и скажи Вахтелю, а потом возвращайся и немного поспи.

– Поспать? Как я смогу спать?

– И все-таки лучше поспи. Иначе от тебя не будет никакого толку – ты слишком устал, чтобы трезво мыслить.

Непанта удивлялась самой себе, – похоже, ей удавалось менять настроение словно перчатки. От прежнего уныния не осталось и следа, стоило ей оказаться в положении, требовавшем полного самообладания.

– Ладно. Уверена, что с тобой ничего не случится, если я уйду?

Она мягко дотронулась до его щеки.

– Конечно, дурачок. Ты стар как мир. Ты разрушитель империй и создатель чудовищ вроде Радеахара. И ты нервничаешь словно восемнадцатилетний парнишка, ожидающий рождения первенца. За это я тебя и люблю. За заботу.

– Я за тебя беспокоюсь.

– Перестань. Такое случалось с миллионами женщин. Просто сделай то, о чем я прошу. Погоди... помоги мне лечь.

Он взглянул на ее раздувшийся живот, на вдвое распухшие груди. Непанта поморщилась, зная, что привлекательности ей это не добавляет.

– Ты прекрасна, – сказал он.

На глазах ее выступили слезы.

– Накрой меня простыней и иди. Пожалуйста.

– Что такое?

– Просто иди, хорошо?

Он вышел.

Едва дверь за ним закрылась, Непанта разрыдалась, не в силах понять, от чего она плачет – от радости или разочарования.

Чародей шагал через дворец – быстро и словно бы рывками, как марионетка под управлением пьяного кукольника. Его провожали озадаченные взгляды, но он их не замечал, устремившись к апартаментам королевского врача.

О немалом уважении к доктору Вахтелю свидетельствовал тот факт, что с его личными покоями могли сравниться только покои королевы. Сам король Браги занимал лишь две небольшие комнаты. У доктора их было пять.

Вахтель и чародей были старыми противниками в философских диспутах. Доктор принял его с едва скрываемым злорадством, но удержался от ехидных реплик, мол, Вартлоккур наконец обратился к нему за помощью. Он лишь задал несколько вопросов по делу, а затем повторил совет Непанты:

– Иди и поспи. Еще не скоро. Буду иногда заглядывать, пока не начнутся схватки.

Чародей недовольно ворчал и задавал дурацкие вопросы, а доктор его успокаивал. В конце концов, так до конца и не поборов тревогу, Вартлоккур вернулся к себе. Войдя к Непанте, он держал ее за руки, пока его не прогнали служанки, а потом попытался заснуть, но без особого успеха.

Вартлоккур расхаживал по комнате, не обращая внимания на окружающих. Войдя в гостиную чародея, король с полминуты наблюдал за ним.

– У тебя классическая походка, – усмехнулся он. – Поспал?

– Немного. Может, мне следует сейчас быть там? – спросил он, словно вдруг осознав, где находится и что происходит.

– Она хочет тебя видеть?

– Не знаю. Вахтель не хочет.

– Вполне его понимаю. Я сам несколько раз становился помехой при родах. Отцы, может, и поднимают дух матерям, но для врачей и акушеров они настоящий кошмар, – по крайней мере, пока у них не будет достаточно детей, чтобы знать, когда стоит помолчать.

– Я мог бы помочь. У меня есть опыт...

– Думаю, лучшая помощь, которая нужна Вахтелю, – поменьше лишних разговоров. Если ты ему понадобишься, он скажет.

– Мне прекрасно известно, какого он обо мне мнения.

– Как она?

– Говорят, все хорошо.

Словно по сигналу, из спальни вышел доктор, вытирая руки.

– Ну? – спросил Вартлоккур. – Уже?

– Спокойно. Нет, еще долго. Предполагаю, где-нибудь к полуночи.

– Предполагаешь? В каком смысле?

– В прямом. – Старый доктор нахмурился. – У меня нет твоих способностей предвидеть будущее. Все, что у меня есть, – мой прошлый опыт.

– Будущее? О небеса, я же забыл составить гороскоп для младенца! – Мгновение спустя он уже швырял на стол карты и книги, перья и чернильницы. – Лучше сразу на сегодня и на завтра, – пробормотал он. – Полночь. Проклятье.

– Теперь он оставит тебя в покое, – усмехнулся король, взглянув на доктора. – Увидимся позже. Дела.

В ночи над замком Криф, развеселив народ, появились большая розовая надпись: «У НАС ДЕВОЧКА».

Кто-то слышал, будто король сказал:

– Ты, конечно, теперь гордый папаша, чародей, но это уж перебор.

Улыбаясь, Вартлоккур принимал поздравления от доброжелателей. Он разбрасывал вокруг серебро, заполнял залы замка маленькими магическими удовольствиями. Повсюду носились херувимчики, распевая серебристыми голосами осанну. Радость чародея передалась другим. Он пожимал руки тем, кто прежде не осмелился бы к нему подойти. Из замка веселье выплеснулось в город. Выкатили бочки с вином, выбили пробки из бочонков с пивом. Казалось, будто рождение одного ребенка и радость одного отца положат конец целой эпохе, долгой и мрачной борьбе за выживание, на которую был обречен народ с тех пор, как закончилась война.

– Ешьте! Пейте! – настаивал Вартлоккур, подталкивая людей к стонавшим под тяжестью яств столам. – Приходите все!

– Дорогу королю!

Шум слегка утих. Протолкавшись сквозь толпу, король Браги протянул мясистую ладонь.

– Долго же мы этого ждали. Как Непанта?

– Отлично. Прекрасно все перенесла. Невероятно счастлива.

– Что ж, хорошо. Могу я теперь увидеть свою жену?

Вартлоккур отправил королеву Ингер, чтобы та держала Непанту за руку во время родов – единственный осмысленный жест, который пришел ему в голову.

– Если сумеешь ее найти.

Бурлящая толпа разделила их, а когда чародей снова заметил короля, тот стоял лицом к лицу с Далем Хаасом, пытаясь расслышать его слова во всеобщем шуме. По мере того как Хаас говорил, Браги все больше бледнел.

От радости Вартлоккура не осталось и следа. Теперь он и сам уже ощущал яростное бурление на востоке, где высвободился гигантский смерч магической энергии. Ему следовало почувствовать это раньше. Похоже, он старел, позволив одной ветви жизни отвлечь его от другой. Мрачней с каждым мгновением, он протолкался сквозь толпу, не обращая внимания на удивленные взгляды. Схватив короля за руку, он потянул его за собой, пока не вывел на восточную стену замка.

Над горами М'Ханд сверкали чудовищные вспышки, подсвечивая похожие на гнилые зубы вершины. Он никогда прежде не видел ничего подобного. Вспышки продолжались одна за другой, словно нескончаемые летние молнии на горизонте.

– Что это? – прошептал король.

Вартлоккур не ответил. Закрыв глаза, он позволил неведомой мощи коснуться его и застонал – даже на таком расстоянии показалось, будто на него обрушился бронированный кулак.

На небе не было ни облачка. Миллиарды звезд с холодным безразличием наблюдали за двумя крошечными созданиями на каменном барьере, чьи лица то и дело освещало зловещее сияние.

– Что это, дьявол его побери? – еле слышно спросил король. С востока не доносилось ни звука, но казалось, будто дрожат основания стен.

Не обращая внимания на спутника, Вартлоккур смотрел на ярко горящие сигнальные огни, передававшие сообщения из крепости Майсак и ущелья Савернейк. Он едва услышал вопрос короля.

– Сун атаковал Майсак?

– Началось. Матаянга напала на Шинсан. Лорд Го выжидал. Теперь даже боги не осмелились бы ступить на эти поля сражений.

Яростные вспышки продолжались.

– Интересно, – проговорил Браги, – Баксендаль и Пальмизано так же выглядели с такого расстояния?

– Возможно. Хотя лорд Го собрал больше сил, чем мы когда-либо видели во время Великих Восточных войн. Что может бросить против него Матаянга? Кроме численности? Они не особо сильны в чудотворстве.

К ним присоединялось все больше людей. От былой радости ничего не осталось. Вартлоккур даже не взглянул на них – ему не хотелось их видеть. Отчего-то они напоминали сторбившихся, молчаливых беженцев.

– Полагаю, когда-нибудь тервола доберутся и до нас, – сказал Браги.

– Шинсан – империя, не привыкшая к поражениям, – ответил Вартлоккур. – И мы снова их увидим. Если они переживут то, что происходит сейчас.

– Если?

– Стала бы Матаянга атаковать, если бы ее короли считали поражение неизбежным?

За стенами замка зазвучали трубы.

– Это Мгла, – сказал Вартлоккур. – Она узнала о случившемся раньше нас.

Принцесса вскоре присоединилась к ним.

– Началось. Первые донесения поступили прошлой ночью. Южная армия обнаружила приближающиеся войска Матаянги. Два миллиона солдат для одной лишь первой атаки. Они призвали всех старше пятнадцати лет.

– Людская волна, – кивнул Вартлоккур. – Им удастся прорваться?

– Они в двадцать раз превосходят числом Южную армию. Будут и другие такие же волны. Лорд Го пытается собрать резерв, но, возможно, ему не хватит времени.

– А когда в дело вступишь ты? – спросил король.

– Об этом пока слишком рано думать. – Мгла озадаченно нахмурилась. – Сперва нужно выяснить, что происходит. Если там все окажется чересчур плохо – тогда просто об этом забудем.

– Проклятье! Это еще почему? – спросил король.

– Ты забываешь, что ее не интересует уничтожение Империи Ужаса, – сказал Вартлоккур, внимательно глядя на друга, которого, похоже, в последнее время преследовала навязчивая идея. – Только власть над ней.

– Угу. Ладно. Давайте соберемся в зале военного совета. Похоже, у нас в ближайшее время будет немало дел.

– Лучше у меня, – заметила Мгла. – Я уже связалась со своими людьми.

Король взглянул на Вартлоккура. Чародей кивнул.

– В таком случае через два часа, – сказал король.

Вартлоккур снова посмотрел на охваченное огнем небо и похолодел. «Какие же мы глупцы, – подумал он, – что бросаем вызов человеку, одному лишь мановению руки которого повинуются подобная мощь».

– Не ставим ли мы не на ту лошадь? – прошептал король, когда Мгла уже не может их услышать.

– Мы? Это была твоя идея.

– Гм... ну, значит, так, – помрачнел Браги.

Лорд Цянь едва заметно шевельнул рукой, и Мгла подняла взгляд. В дверях стоял король, с трудом скрывавший охватившее его волнение. Прошли годы с тех пор, как он последний раз бывал на верхнем этаже ее дома, и многое успело измениться.

Он шагнул к ней.

– Ты не против, если я заменю твоих охранников на своих? Мы и так привлекаем достаточно внимания, даже без стоящих вокруг людей восточной внешности.

– Хорошо. – Она подозвала кандидата из числа гонцов и отдала ему несколько распоряжений, после чего, взяв короля за руку, показала ему на ряд сидений вдоль ближней боковой стены.

Все перегородки на третьем этаже убрали, а окна закрыли тяжелыми занавесями. Дальняя, полностью голая стена скрывалась в тени. Центр помещения занимал большой стол.

– Попроси своих людей сесть и не двигаться с места, – сказала она. – И пусть держатся подальше от южной стены. Если они провалятся в портал, всех нас погубят.

Словно ниоткуда возник человек, который доложил ответственному за лежавшую на столе карту. Мгла слушала его вполуха – доклад не содержал в себе ничего, кроме обычной рутины.

– Я бы отдал левую руку за подобную карту в моем зале военного совета, – пробормотал король.

Размеры карты составляли тридцать футов в длину и пятнадцать в ширину. Она изображала Шинсан и государства, платившие дань империи, – на ней был отмечен каждый значительный город, так же как и все главные географические характеристики местности. Яркие разноцветные линии отмечали местонахождение и перемещения многих имперских легионов.

Пришел еще один гонец. Выслушав его, человек за столом насыпал карту красным песком.

– Сядь, – сказала Мгла Браги. – Мои люди справляются лучше, чем я ожидала. Я получаю первоклассные сведения – вероятно, потому, что лорд Го предпочел затаиться.

«Не вероятно, а наверняка», – подумала она. Лорд Го залег на дно, ожидая развития событий. Встав, она взяла указку и постучала по карте.

– Где-то на этом пустом пространстве скрывается его резервное войско. Через несколько дней он обрушит удар на матаянгцев.

– Как дела у Южной армии?

Мгла предпочла оставить свое мнение при себе.

– Все видно на карте. Армия сохраняет целостность рядов. В подобном положении от нее нельзя требовать большего. Одну минуту.

Появился очередной гонец. Мгла подошла поближе, чтобы слышать хотя бы обрывки его доклада.

– Проклятье! – тихо проговорила она.

Человек за столом сдвинул маленькие пронумерованные черные фишки в горсть у восточного края карты, а другие переместил к берегу реки в двух сотнях миль за образовавшимся скоплением.

– Что все это значит? – спросил король.

– Мы точно не знаем, – ответила Мгла, не скрывая правды. – Связь затруднена. Восточную армию атакуют.

– Матаянга застигла их врасплох вместе с неким союзником?

– Это началось еще до событий на юге. Больше недели назад.

– Там что, идет вторая война?

– Происходит нечто ужасное... – Она с трудом взяла себя в руки. Возможно, Браги и был ее старым другом и боевым товарищем, но не частью семьи. Не следовало показывать свои страхи внешнему миру. – Прежде чем исчезнуть, лорд Го поставил нового командующего Восточной армией – лорда Сыма Шикая, старого крестьянина, тяжким трудом пробившегося наверх. Он прошел немалый путь. Очень способный и дьявольски упрямый.

– Угу.

Мгла вздохнула. Похоже, события на востоке Браги не интересовали.

– Когда ты намерена что-то предпринять?

– Не раньше, чем лорд Го выйдет из укрытия. Не хочу действовать вслепую.

– Если придется ждать, я лучше отдам распоряжения своим людям.

Король, застав, поднялся. Мгла посмотрела ему вслед. Он выглядел крайне усталым и крайне старым. На мгновение она ему даже посочувствовала – она тоже ощущала себя усталой и старой, и понимала, что лучше не будет, пока все не закончится. Опасность росла с каждой минутой, и с каждой минутой все сложнее было сохранять попытку переворота в тайне.

– Вэнчинь, – прошептала она, – прошу тебя, не теряй времени впустую.

Бесконечное ожидание напоминало пребывание у постели умирающего. Матаянгская атака все продолжалась, но положение не менялось. Напряжение нарастало с каждым часом.

– Похоже, у лорда Го каменные нервы, – заметила Мгла, обращаясь к лорду Цяню. – Вряд ли я сумела бы столько выдержать.

Лорд Цянь постучал по карте концом указки, очерчивая кровавое пятно матаянгского наступления. Рука его дрожала. Красный песок проник далеко вглубь Шинсана. Информаторы Мглы сообщали, что от изначальной Южной армии почти ничего не осталось. Часть сильно пострадавших легионов расформировали и выживших распределили в качестве замены погибшим. В рядах армии образовалась огромная дыра, через которую вливался поток матаянгцев.

– Мое терпение подходит к концу, – сказал лорд Цянь. – Возможно, из-за того, что ими командует лорд Го.

– Не стоит преждевременно строить догадки, – недовольно поморщилась Мгла.

Появился король и сразу же окинул взглядом карту.

– Прошло два дня, – сказал он. – Вряд ли перемещение курьеров не оставляет никаких следов. Сколько еще пройдет времени, прежде чем кто-то начнет соображать, что к чему?

– Знаю, знаю! – огрызнулась Мгла. – Скоро нам ничего не останется, кроме как предполагать, что им все известно. Будь он проклят! Я имею в виду лорда Го. Почему он ничего не предпринимает?

– Матаянгцы еще не добрались туда, куда ему нужно, – лаконично заметил Браги, снова взглянув на карту. – Но если он продолжит выжидать, тебе нечего будет захватывать.

– Сравни размер этой опухоли со всей территорией, – проворчала она. – Лорд Цянь – пора. Если он ничего не предпримет в ближайшие пятьдесят часов, я начну действовать сама.

– Наугад? – спросил король.

– Если придется. Дольше я не смогу рассчитывать на своих людей. К тому времени, если дезертирует один, побегут все. Потребуется десять лет, чтобы снова собрать все воедино, – устало добавила она.

Пока она говорила, рядом с ней присел Арал. Он попытался как-то утешить, взять за руку – на глазах лорда Цяня. Мгла тотчас же отстранилась.

Пришла пора положить конец всей этой чуши. Собственно, не следовало и начинать. Дура. Влюбленная дура. Когда-то из-за Вальтера она потеряла тервола, но повторять ошибку больше не собиралась.

Она сделала вид, будто не обращает внимания на страдальческий взгляд Арала.

Лорд Цянь, похоже, ничего не заметил, зато заметил Браги. Он понимающе кивнул, и она почувствовала, как краснеют ее щеки. Комментировать он, однако, ничего не стал, лишь сказал:

– Уже поздно. Пойду посплю.

Прежде чем уйти, он поговорил со своими военачальниками, раздражавшими Мглу. Их глаза напоминали ястребиные, и ей приходилось каждую секунду о них помнить. Проклятье, что поделаешь, если приходится зависеть от чужаков!

Раздражение росло с каждым часом. Ее люди тоже нервничали и даже слова сказать не могли, не огрызаясь друг на друга. Заговор готов был развалиться на части, но пружина сжималась все туже.

Медленно надвигалась ночь. Красное пятно матаянгского вторжения расплзлось по столу. Прибыли сбитые с толку гонцы с Дальнего Востока, чьи доклады лишь всё еще больше запутали.

– Лорд Цянь?

– Да, принцесса?

Она постучала указкой по карте:

– Мы осмелимся начать действовать, когда творится такое?

Лорд Цянь быстро окинул взглядом восток:

– Полагаю, об этом можно не думать. По крайней мере, пока. Наши люди позаботятся, чтобы те войска не вступали в бой. – От усталости его голос звучал более хрипло и глухо, чем обычно. Мгла вздрогнула. – Главная наша проблема – Западная армия. Я слышал, что у лорда Суна есть свой осведомитель здесь, во дворце. Сейчас уже все в этой грязной деревне знают, что что-то происходит. Даже самый глупый шпион об этом сообщил бы.

– Время. Непобедимый враг. Справимся ли мы с ним, мой старый друг? Или время нас прикончит?

– Не знаю, принцесса. Но у меня такое чувство, что наступила решающая минута. Там, на неотмеченных территориях, растет новая напряженность.

Мгла уставилась на неотмеченную часть карты. Да, лорд Цянь был прав. Она чувствовала, как нечто большое разминает мышцы, подобравшись, словно готовая атаковать змея. Что ж, ждать осталось недолго.

– Принцесса?

– Да, лорд?

– Час вот-вот пробьет. Но мы так и не решили, что делать с теми людьми после того, как они послужат своей цели.

Разговора на эту тему она надеялась избежать, хотя и понимала, что это вряд ли удастся.

– Не понимаю.

– Ты знаешь, кто они и что они совершили, принцесса. Жалкий король, чародей Вартлоккур, все те падальщики, что кружат вокруг них. – Он показал на нескольких людей короля. – Нужно решить, что делать, если у нас все получится.

– Они поступили с нами благородно, лорд Цянь, – вздохнула Мгла.

Она не могла сказать ему, что они – ее друзья. У принцессы Империи Ужаса не могло быть друзей. Друзей-чужеземцев.

– Ради собственных целей. Они надеются ослабить империю, отсрочить неизбежный день расплаты. Король... он уничтожил бы нас, если бы мог.

Этого она отрицать не могла и даже не стала пытаться.

– Кто знает, какое предательство они замышляют ко дню нашего триумфа?

На душе яростно скребли кошки. Она слишком долго пробыла на западе и заразилась его снисходительностью. Будь проклят этот злодей Вальтер! Если бы он не сумел проникнуть сквозь стену, окружавшую ее чувства...

– Ты здесь главный, лорд Цянь. Поступай, как считаешь нужным.

Она уставилась на карту, пытаясь не думать о только что совершенном. Отречение от моральных принципов являлось не меньшим грехом, чем любой другой. Чуть позже она встала и спустилась в кухню, надеясь, что ужин поможет расслабиться и смягчит отвращение к самой себе.

Кто-то из людей короля вытащил Мглу с кухни, бессвязно бормоча и показывая рукой. Ошеломленная, она позволила подвести себя к окну.

Восток снова охватило пламя. Лорд Го двинул войска. А она настолько устала и настолько ушла в себя, что даже не почувствовала, как все началось.

– Спасибо. – Она поспешила вверх.

Атмосфера в зале изменилась. От прежнего страха и скованности не осталось и следа. Теперь в нем царило напряженное оживление, которое всегда возникает перед битвой. Все двигались быстрее, более твердой походкой, и едва не подпрыгивали от нетерпения, забыв об усталости. Увидев ее, все замерли, но она лишь махнула, давая понять, что они могут продолжать работу.

– Уже поступают донесения, – сказал лорд Цянь. – Все указывает на то, что ситуация складывается в нашу пользу.

– Хорошо. – Мгла обратилась к человеку Браги. – Ты не мог бы позвать короля? – Она снова повернулась к остальным. – Что нам известно?

Какое-то время спустя, подняв взгляд, она обнаружила, что появился Вартлоккур и теперь наблюдал за происходящим в зале с высокого кресла у северной стены. Чародей выглядел вполне отдохнувшим и внимательно слушал, не пропуская ни единого слова.

Чуть позже прибыл король. Он поговорил со своими людьми, слушая, кивая, задавая вопросы, снова слушая и кивая. Дольше всего он задержался рядом с чародеем, затем подошел к Мгле и повел ее к восточному краю стола.

– Мгла, тебе что-нибудь еще известно о том, что тут происходит?

Она слегка расслабилась. На эту тему она могла говорить всю правду, не выбирая каждое слово.

– Мы пока не знаем. Было лишь одно странное сообщение сегодня утром – Северная и Восточная армии продолжают нас поддерживать, но сейчас они слишком заняты Избавителем, чтобы участвовать в сражениях напрямую.

– Избавителем?

Мгла удивленно подняла взгляд. На них неожиданно, словно внезапная гроза, надвинулся Вартлоккур.

– Это тамошний вражеский вождь. Его называют Избавителем. Похоже, некий выдающийся талант. Он уничтожил десятую часть Восточной армии. Северная и Восточная армии решили противостоять ему на реке Тусгус.

– Гм... – Браги посмотрел на карту, потом взглянул на Вартлоккура. – С чего это тебя вдруг заинтересовало?

– Этриан. Он где-то там.

– Так он жив?

Чародей утер выступивший на лбу пот. Мгла пристально наблюдала за ним. Между Вартлоккуром и королем возникла некая напряженность, которой она раньше не замечала.

– Точно не знаю, – ответил Вартлоккур. – Но интуиция подсказывает, что да.

– Возможно, мы сумеем вернуть его домой? Непанта была бы счастлива – сперва новорожденная дочь, а потом возвращение потерянного сына.

– Вряд ли. Это не тот сын, которого она потеряла. Если это действительно Этриан, сомневаюсь, что она захочет его возвращения.

– В таком случае ты слишком плохо ее знаешь.

Мгла ловила каждое слово.

Что такое?.. Она не сводила взгляда с чародея. Столь безрадостным она никогда его не видела.

– Что? – требовательно спросил король.

– Я никогда ей об этом не скажу – если мои подозрения верны. Забудь, что я упоминал его имя. Ей и без того хватило страданий.

Мгла нахмурилась. Слова Вартлоккура звучали совершенно бессмысленно.

– Но... – начал король.

– Ей ни к чему лишняя боль, – прервал его Вартлоккур. – Понимаешь? Я не хочу, чтобы она увидела чудовище, в которое превратился ее сын. Предупреждаю: если ты ей хоть что-то скажешь, на мою помощь можешь больше не рассчитывать.

– Спокойно. Я даже не понимаю, о чем ты говоришь. А ты, Мгла? На что ты намекаешь, Вартлоккур?

Мгла подошла к лорду Цяню и передала ему услышанное.

– Думаю, лучше послать кого-нибудь и выяснить, что там происходит, – сказала она. – Возможно, это важно.

Кивнув, лорд Цянь подозвал надежного гонца.

Мгла вернулась к чародею и королю, и тут в зал вошел Майкл Требилюкк.

Она так ничего и не узнала о подробностях исчезновения Требилюкка и его внезапного возвращения. Судя по всему, он побывал в пустынном королевстве Хаммад-аль-Накир и нашел доказательства связи нападения на генерала Лиакопулоса с тамошним режимом.

Король махнул ей, и она подошла ближе.

– Майкл говорит, что в Троесе случился мятеж, – сказал Браги. – Сун его подавил.

– Знаю.

– Еще он говорит, что Сун намерен бросить аргонское войско в контратаку против мата-янцев.

– Это надежные сведения, Майкл? – удивленно спросила она.

– Нет. Слухи от троенского командования. Но это определено в его духе.

– Верно, так что приму как факт. – Она отошла в сторону. Новость не сулила ничего хорошего: если Сун бросил в бой аргонцев, значит в его распоряжении останутся собственные войска, которые смогут отразить ее удар. – Лорд Цянь?

Мгла все ему объяснила, и он помрачнел.

Отойдя к стульям, она села и принялась разглядывать карту. Длинная красная рука, наносящая удар в подбрюшье империи, сжималась в кулак. Лорд Го намеревался его отсечь, изолировав громадную армию на вражеской территории. Вряд ли матаянцы долго выдержат.

– Сработает? – спросила она лорда Цяня, показывая на карту.

– Зависит от того, с насколько сильным врагом придется иметь дело лорду Го, – ответил он. – В любом случае это смелый удар. Он заслуживает уважения, даже если у него ничего не выйдет. Судя по донесениям, резерв был сильнее всей Южной армии.

– Чем это обернется для нас?

– Неизвестно, пока мы сами не вступим в бой. Он предпринял выдающиеся меры безопасности.

Мгла снова посмотрела на карту, покусывая ноготь и то и дело возвращаясь к загадочным военным действиям на востоке. Неужели там был ее племянник Этриан? И участвовал в войне? Как? Почему?.. Усилием воли она заставила себя переключить внимание на главные события.

Наступила решающая минута – или выступить, или отказаться. Атаковать, рискуя разбить все надежды на спасение империи от южных варваров? Остановиться на достигнутом и навсегда распрощаться с надеждой вернуть трон? Либо сейчас, либо никогда. Если лорд Го добьется своего, он станет неприкосновенным...

Решившись, она подняла взгляд.

– Король, – сказала она. – Где король?

– Он только что ушел, госпожа, – ответил кто-то.

– Позовите его. Он мне нужен. Немедленно.

Несколько минут спустя в зал, громко топая, вошел Браги. Мгла подвела его к карте и показала клещи, готовые вцепиться в матаянскую руку.

– Мы намерены выступить, когда эти клещи сойдутся на расстоянии в десять миль, полностью заняв внимание лорда Го. Лорд Цянь полагает, что это случится через четыре часа. Мы поднимаем людей. Мне потребуются три твои штурмовые группы. Мои люди захватят всю остальную территорию, в то время как твои нанесут удар по штаб-квартире лорда Го и арестуют его. – Она показала на своих людей. – С тобой пойдет большая часть тервола. Они всё для вас подготовят.

Король прищурился, и на его лице промелькнула гримаса, которую она не поняла, пока он не ответил:

– Ты здесь пока не главная, Мгла. Пока не осядет пыль, ты всего лишь смотрительница Майсака. – Он взглянул на Вартлоккура.

Чародей сидел, бесстрастно наблюдая за происходящим.

Мгла раздраженно топнула ногой. Проклятые обидчивые варвары! Следовало напомнить им, в чьих руках власть... И все же она заставила себя улыбнуться, словно извиняясь. Осталось всего несколько часов – а потом она уже не будет ни от кого зависеть.

– Незамедлительно начну собирать людей. – И король отошел к своим военачальникам.

Мгла вернулась к лорду Цяню. Оглянувшись, она обнаружила, что Вартлоккур пристально смотрит на нее. Лицо его ничего не выражало, но отчего-то ей показалось, будто он усмехается, и ее пробрала дрожь.

До этого она не обращала на него особого внимания. А между тем здесь, на западе, он представлял реальную угрозу. Без него Браги вряд ли пережил бы Великие Восточные войны. Без него никогда не пало бы правление Двух Принцев и не повлекло бы за собой все остальное... Однако он вовсе не производил впечатления смертельно опасного, и об этом часто забывали. Теперь же ей больше чем когда-либо требовалось об этом помнить. Вартлоккур ненавидел Империю Ужаса, и, возможно, для него как раз настал подходящий момент, чтобы, подобно безмолвному кинжалу, ускорить распад, начавшийся после смерти отца и дяди Мглы... Казалось невероятным, что с падения Принцев-Чудотворцев прошло меньше двадцати лет, за которые у империи сменилось больше повелителей и повелительниц, чем за все предшествовавшие столетия.

«Неужели империя умирает? – подумала она. – Неужели империя вступает в эпоху упадка?»

– Три с половиной часа, – сказал лорд Цянь. – Пока все говорит в нашу пользу.

– Спасибо. Каковы донесения от наших людей в Западной армии? У меня такое чувство, что Сун еще доставит нам хлопот.

Непанта лежала с младенцем у груди. Снаружи, подобно выводку игривых котят, прыгали по горным вершинам вспышки жуткого колдовского света.

– Мэгги, – тихо позвала она. – Мэгги?

– Да, госпожа? – задремавшая над вязанием служанка поднялась на ноги.

– Где Вартлоккур? Он ничего не присылал?

– Прошу прощения, госпожа, но от него никаких известий. Говорят, даже королева расстроена – она уже несколько дней ничего не слышала о короле.

Непанта медленно повернула голову, вновь взглянув на колдовской свет, и ее охватила глубокая тоска.

– Что это? Кто-нибудь знает?

– Говорят, это воюет Империя Ужаса, госпожа. Но не с нами. Не в этот раз. Сейчас тьма преследует дальнейшее королевство, о котором известно лишь по рассказам.

Непанта не ответила, словно не слыша служанку.

Она осталась одна, и ей было страшно. Общество служанки нисколько ее не успокаивало. Мэгги была не из тех, кого она знала, кому могла бы открыть душу, кто не стал бы смеяться над ее страхами... Варт обещал ей, что дитя родится не здесь... Хотя она зря на него наговаривала – ребенок должен был появиться на свет лишь через несколько недель.

Она взглянула на безволосую сморщенную красную головку. Словно почувствовав ее пристальный взгляд, малышка зашевелилась и снова начала сосать. Непанта улыбнулась, глядя, как движутся крошечные щечки.

Потом она поняла, что служанка продолжает говорить, – похоже, ее вопрос потребовал куда большего ответа, чем она готова была выслушать.

– Мэгги? Будь добра, узнай у королевы Ингер, может ли она прийти сюда?

Ей был нужен хоть кто-нибудь, но она никого не знала... Можно было позвать Мглу, но жена брата сейчас была чем-то плотно занята в обществе мужчин. Казалось, принцесса лишь притворялась женщиной, будучи еще одним мужчиной в облике выдающейся красавицы.

Не прошло и нескольких минут, как появилась королева Ингер.

– Спасибо, что пришла, – прошептала Непанта. – Я на самом деле на это не рассчитывала. У тебя хватает и других дел.

– Похоже, мне столь же отчаянно хочется с кем-то поговорить, как и тебе, милая. – Высокая, холодная и светловолосая, она показалась Непанте воистину царственной особой. – Я уже несколько дней не видела Браги.

– Варт не появлялся с тех пор, как родилось дитя. Знаю, у него дела, но он мог хотя бы зайти поздороваться.

– Что они замышляют? Есть предположения?

– Я даже не знаю, где Варт, не говоря уже о том, чем он занимается.

– Они в доме смотрительницы Мглы. Вместе с соратниками. Больше я ничего не знаю, и о том, чем они занимаются, можно только догадываться. Они никому ничего не говорят, даже не отвечают на мои записки.

– Могу поспорить, это как-то связано с тем самым... – Непанта с трудом поднялась с постели, подошла к окну и облокотилась о подоконник. Королева взглянула из-за ее плеча. – Это никогда не закончится, Ингер. Я бы предпочла... пойми, я вовсе не хочу тебя обидеть. Я бы предпочла, чтобы Браги никогда не появлялся в Кавелине. У нас были прекрасные дома в Итаскии. Мы не были ни важными персонами, ни богачами, и жизнь наша была нелегкой, но наши семьи были вместе, и по большей части мы были счастливы. Проклятый Гарун бин Юсиф... Надеюсь, он сейчас горит в аду. Если бы он не втянул во все это Браги и Насмешника...

– Ничего уже не изменишь. Думаю, так было предрешено судьбой. Если бы не Гарун, для твоего изгнания нашелся бы другой повод.

Непанта повернулась к ней, и глаза ее внезапно сузились.

– Верно. Герцог Грейфеллс ведь был твоим дядей?

Герцог Грейфеллс был смертельным врагом ее первого мужа и короля, когда Браги еще служил простым наемником.

– Это совсем другая ветвь моей семьи, милая. Наша сторона никогда не вмешивалась в политику. И мне очень жаль, что ею занялся Браги.

– Тебе не нравится быть королевой?

– Я обожаю быть королевой. Просто я ненавижу все проблемы, страдания, интриги и ответственность, которые к этому прилагаются.

Непанта снова уставилась вдаль. Колдовская буря окрасилась в лимонный оттенок желчи. Колдовство. Оно тоже преследовало ее по пятам. И оно забрало у нее Этриана, пожрав невинную душу.

– Браги когда-нибудь рассказывал, что случилось с Насмешником?

– Нет. Ему не хочется об этом вспоминать, но он не может забыть. Его преследуют видения, иногда он просыпается по ночам, рыдая или крича. Он не в силах убедить себя, что у него не было выбора. И его в самом деле не было.

– Знаю. Я не держу на него зла. Моя ненависть направлена на тех, кто заставил Насмешника покуситься на жизнь лучшего друга. Жаль, что никого из них не осталось в живых. Будь они живы, я бы мечтала о том, как пытаю их и убиваю.

– Он на все готов, лишь бы тебе было легче, Непанта. И до сих пор переживает.

– Мне ничего не нужно, Ингер. У меня есть Варт и ребенок. Вот только... я хотела бы точно знать, что с Этрианом. Жив он или мертв.

– Я думала, его убили после того, как у Насмешника ничего не вышло. Так все говорят.

– Все так думают. Но никто этого не видел. И у меня все время такое чувство, будто он где-то там и ему нужна помощь. – Она уставилась в безжалостное небо, и ее начала бить дрожь. Про сны она говорить не стала – Варт всегда над ними смеялся, и Ингер могла тоже лишь посмеяться. – Иногда... иногда мне кажется, что Браги и Варт все знают, но не хотят мне говорить.

– Браги никогда мне ничего не говорил.

- Мне просто хотелось бы знать. Если что-нибудь услышишь... скажи. Пожалуйста.
Ингер погладила ее по плечу:
– Конечно. Для чего еще нужны подруги?
«Не знаю, – подумала Непанта. – Мне всегда их не хватало, чтобы это выяснить».

11

1016 г. от О.И.И.

Каменный зверь говорит

Этриан и Сааманан стояли на вершине холма. Внизу катила воды широкая река Тусгус. Этриан столь крепко сжимал в руке кинжал, что у него побелели костяшки пальцев.

– Проклятье! – Он швырнул клинок на землю, и тот улетел в кусты, так что найти его снова не удалось.

– Что случилось?

– Мы побеждаем в сражениях, но проигрываем войну, – проворчал он. – Они нас изматывают. Как нам перебраться через реку? Их не меньше, чем нас. И у меня не осталось тех, кого можно было бы еще призвать.

– Бери живых. Ты же поступал так с некоторыми местными.

– Не могу.

– Почему?

– Они мне не позволят. На их доспехи наложено заклятие, которое мне мешает.

Земля содрогнулась, и в нескольких сотнях ярдов позади них поднялся огненный столб. Задымились деревья.

– Еще трехсот человек не стало, – пробормотал Этриан. – Почему они сбиваются в группы? Я не могу заставить их рассредоточиться, если только не думаю об этом каждую минуту.

– У них остались воспоминания, и им не нравится, кем они стали. Они жмутся друг к другу, потому что так им легче. Потянись за реку, найди обычных людей, не солдат.

– Я пробовал. Никого нет. Они опустошили все вокруг.

К югу от холма вспыхнуло сражение. Шум его сперва приближался, затем отдалился.

Врагу больше не требовались телепорты для переброски легионов. Он использовал их тактически, устраивая небольшие внезапные атаки. Этриану не хватало опыта, чтобы обнаружить спрятанные на этом берегу реки порталы.

– Мы не можем вечно тут торчать, – пожаловалась Сааманан. – Нужно прорываться и искать новобранцев.

С тех пор как Этриан обрел могущество каменного зверя, ненависть его росла в геометрической прогрессии. Он восхищался собой, но порой ему казалось, будто он на грани безумия.

«Возможно, каменный зверь меня победил, – подумал он. – Я сам становлюсь зверем, жаждущим разрушений, жаждущим людского страха, приходящим в ярость, стоит мне замешкаться».

Зверь вовсе ни от чего не отказался, не дав ему ничего, кроме власти над мертвыми. Сила его Слова оставалась при нем, и Этриан теперь страстно желал ее заполнить.

– Мы можем использовать летунов, чтобы высадить людей в лесу в тылу врага, – предложила Сааманан. – Выбирай солдат по одному, а потом возвращай их в подразделения...

– Они заметят разницу. К тому же мы не переместим быстро много людей. Нужно попробовать что-то новое. Есть у тебя что-нибудь в запасе?

– Ничего такого, чем я уже не пользовалась. В любом случае мне нельзя слишком высываться, иначе меня вычислят. Я не переживу еще одной битвы вроде той у крепости.

– В таком случае приведи Великого.

– Что?

– Приведи Великого. Пусть оторвется от груды камней.

Этриан взглянул через реку. Что могло бы сделать Слово с теми укреплениями?

На его лице заиграла зловещая улыбка безумца.

Тьма носит тысячу масок, зло принимает тысячу форм.

Он не считал, что как-то изменился. Внешне он выглядел точно так же, как и любой юноша его возраста, но в душе расплзалась темная гниль, раковая опухоль, выросшая из семени, посеянного Праккией и оплодотворенного каменным зверем.

Те, кто снова и снова шли на смерть, называли его Избавителем. И он уже был близок к тому, чтобы стать тем, кем его объявляли, – Избавителем Тьмы, Мессией Зла, Принцем Путилевой Руки.

«Нет, – пытался возражать он. – Я всего лишь Этриан и хочу отомстить за причиненное мне зло».

Сааманан ощущала его раковую опухоль и осознавала ее глубину. Будучи сама воплощением порочности, она понимала таившийся в нем потенциал, и это повергало ее в ужас. Она знала его родословную. Его дедом был чародей, который разрушил Ильказар, а мать владела Силой. Та же кровь текла и в жилах его отца. Он мог стать величайшим учеником из всех, кого знала тьма.

– Иди приведи Великого, – сказал он.

Она украдкой огляделась, словно зверь мог подглядывать за ними из кустов.

– Не проси меня снова возвращаться в рабство.

Этриан продолжал изучать дальний берег реки.

– Есть ли у нас выбор? Если мы ничего не сделаем, то погибнем.

– Выбери иной путь. Посылай мертвецов, пока их всех не уничтожат, а потом мы вместе уйдем куда-нибудь еще и начнем все сначала. Пусть Великий сгниет, пусть катится обратно в преисподнюю, где мы с Нахамен его нашли.

Ее страсть удивила их обоих. Она говорила именно то, что думала, взбунтовавшись подобно сестре.

– Так ты решила пойти против меня? – Слова Этриана были столь же холодны, как коридоры времени. – Я думал, это Великий меня предал.

– Этриан...

– Приведи его. Или нам придется сражаться друг с другом.

Сааманан взглянула за его плечо. Из леса выходили мертвые солдаты. Он несомненно говорил всерьез.

– Идиот! – Она метнулась вперед, и от ее толчка Этриан врезался в доисторический гранитный монолит. Он пнул ее...

Она произнесла заклинание.

Мир вокруг побелел. От жара кожа Этриана покрылась волдырями, а голова словно бы опустела. Связь с сотнями солдат оборвалась... Он яростно взревел, готовый покончить с собой, но их защитили каменный валун и заклинание Сааманан.

– Хотя у одного из нас хватило разума. Спасибо, – выругавшись, проговорил он и вдруг вскрикнул: – Я ослеп!

– Зрение к тебе вернется. Этриан, не позволяй ненависти овладеть тобой.

– Сааманан? – спросил он какое-то время спустя.

– Да?

– Все в порядке. Больше такого не случится. Извини. Но ты все же должна привести Великого.

– Ладно, – вздохнула она. – Когда земля остынет и мы сможем выйти из-под защиты заклинания.

Этриан в одиночестве стоял на холме. В небе позади него сиял серп луны. Этриан оперся на копье, глядя на костры на дальнем берегу. «Уже скоро, лорд Сыма, – подумал он. – Я сломя твою волю, упрямая свинья. Я вырежу сердце твоей империи и сделаю ее своей. Я найду убийцу отца...»

Но сперва нужно было воспользоваться помощью каменного зверя, не оказавшись в его власти. И что с Сааманан? Сегодня она вела себя крайне странно. Что там она говорила о необходимости избежать рабства?

Что-то не сходилось. Слишком много противоречий было в ее словах.

В воздухе за спиной зашуршали широкие крылья. Звук становился все громче, пока не заполнил собой ночь. Над водой пронесся рой стрел. Небо позади Этриана вспыхнуло, отбрасывая в сторону реки десяток его теней. «Это я, Шинсан, – подумал он, подняв руку. – Когтистая тень, тянущаяся к твоему сердцу».

Стрелы сбивали драконов и всадников, хотя они не походили на знакомые по сражениям в пустыне, не обладая даже десятой долей их мощности. Они выглядели самодельными, словно у противника закончились настоящие, и ему приходилось обходиться тем, что удавалось соорудить «на коленке».

– Тебя преследует то, чего ты боишься, – улыбнулся Этриан. – То, что повергает тебя в ужас, уже рядом. Время пришло.

Рядом ударился о землю дракон. Сааманан что-то вопросительно крикнула, но он не обернулся.

Мгновение спустя она оказалась рядом, и он ощутил громаду Великого.

– Я привела его, Этриан.

– И что он по этому поводу думает?

Он мог и не спрашивать – он чувствовал радость зверя, его нетерпение, его желание повергнуть в замешательство врага. Зверь ненавидел противника, поскольку тот отказывался подчиняться, сдаваться или даже бояться.

Каменный зверь хотел, чтобы его воспринимали всерьез. У повелителей же Империи Ужаса было о нем свое мнение, и они знали положение дел не хуже Этриана. Они воспринимали Избавителя и его божка как мелкую помеху, которую собирались устранить в ближайшие дни.

Перенесшись за реку, Этриан ощутил царившую там уверенность в себе. Они точно знали, что на этот раз победят. Они ждали его атаки, рассчитывая, что он погубит сам себя.

– Ты правильно поступил, позвав меня, Избавитель, – сказал каменный зверь. – Тебе не на что было больше надеяться. Вместе мы сокрушим их. Но хочу спросить – как ты собираешься пересечь реку?

Этриан об этом даже не задумывался. Мысли его были заняты тем, как раздавить врага, а не как до него добраться. У него не было лодок, его войска не построили ни плотов, ни понтонов. Отступающие легионы уничтожили все местные суда. Он обругал себя за глупость.

– Не слишком-то хороший из тебя генерал, да, Избавитель?

Его больно уколол сарказм каменного зверя. Что ж, как говорится, сам виноват.

– И что ты предлагаешь, Великий? – попытался с тем же сарказмом ответить он, глядя на восток, где вот-вот должно было взойти солнце.

– Сааманан, я наделю тебя Силой. Заморозь реку.

– Заморозить? – удивленно переспросил Этриан.

Зверь рассмеялся, и юноша вздрогнул, поняв, что с ним стоит быть осторожнее.

Сааманан совершила некий долгий, скрытый во тьме ритуал.

– Помогите мне, Великий, – сказала она какое-то время спустя.

Этриан ощутил нарастающий холод, который покалывал его обожженную кожу и катился вниз по склону холма. От мороза у деревьев трещали ветви. Закрыв глаза, он покинул собственное тело.

Река уже покрылась ледяной накипью. Холод полз к другому берегу. Там засуетились, едва он до них добрался. Костры стали выше, предупреждающе застучали барабаны.

Образовался иней, в воздухе сгустился туман, посыпались снежные хлопья. Солдаты Шинсана спокойно заняли позиции на укреплениях.

«Будь у меня такие солдаты...» – подумал Этриан. Они были лучшими, но это ничем не могло им помочь. Никакие умения и опыт не спасали от Слова каменного зверя. Этриан это знал – он помнил видения Сааманан о войне с Нахамен.

Он радостно представлял, как скоро окажется на западном берегу, став его полноправным хозяином. Вокруг него поднимется легион мертвецов, готовый двинуться вперед... Повинуясь некоему капризу, он устремился на запад, через дикие леса, ища место, где его могли попытаться остановить в очередной раз.

То был древний и очень интересный город, который наверняка бы ему понравился. Ему уже не терпелось его захватить. Он обожал города.

Из города изливался поток беженцев.

Здесь были те самые толпы, которые до этого от него сбежали. Он обратился к ним с беззвучным криком: «Я иду за вами! Бежать некуда!»

Гнев его постепенно проходил – он пребывал слишком далеко от тела, чтобы эмоции задержались в нем надолго. Этриан заглянул внутрь себя, и его встревожило увиденное. Он чересчур привязался к мысли о том, что он – Избавитель.

Он поспешил к реке и сражению, которому предстояло стать последним «ура» Шинсана.

Над Тусгусом забрезжил рассвет. Река покрылась достаточно толстым слоем льда, чтобы через нее можно было переправиться. Сааманан расширяла ледяную поверхность вверх и вниз по течению, расширяя поле для атаки.

Этриан пролетел среди врагов, все больше нервничая. Они нисколько не боялись. Их военачальники-чародеи не собирали панических совещаний. Они выстроились в три линии, готовясь зажечь погребальные костры и подготовив порталы к эвакуации убитых. Их командующий завтракал с командирами легионов, не обращая внимания на происходящее на реке.

«Бойтесь меня, дьявол вас побери!» – бушевал юноша. Но, естественно, его не слышали, что, впрочем, и к лучшему. Возможно, над его высокомерием лишь посмеялись бы.

«Ничего, поймете, – подумал он. – Когда заговорит каменный зверь, вы все поймете. И вам станет по-настоящему страшно».

Вернувшись в тело, он обнаружил Сааманан сидящей на земле с закрытыми глазами и сосредоточенным выражением на лице. На ее коленях лежала черная шкатулка размером десять на шесть на пять дюймов. «Это и есть бог?» – подумал Этриан. В ее видениях он выглядел намного больше.

Солнце уже поднялось над горизонтом, когда глаза ее открылись, и она сказала:

– Готово.

Этриан двинул войска к берегу реки. Им предстояло нанести удар, когда зверь произнесет Слово.

– Я не могу говорить, не имея рта, Избавитель, – прошептал зверь у него в голове. – Одолжи мне свой.

И снова Этриан обругал себя за то, что не подумал заранее о возможных ловушках.

– Воспользуйся Сааманан.

– Это невозможно. Она не более телесна, чем я.

– А если ты меня обманешь? – Он подозвал солдата.

– Я не могу использовать мертвецов, – возразил зверь.

– В таком случае мы зря теряем время. – Неужели бог считал его полным глупцом? – Сааманан, пусть река растает.

– Я запрещаю.

Женщина колебалась. Этриан тотчас же понял, что она выбрала древнего хозяина.

– Одолжи мне твои уста, Избавитель.

– Нет.

На него обрушилась ярость зверя, но он перенес ее куда легче, чем собственный гнев.

– Не деритесь, – умоляюще проговорила Сааманан. – Этриан, позови какое-нибудь животное из леса. Любое достаточно крупное подойдет.

Он потянулся мыслями в лес, сразу же нашел медведицу и привел ее, неуклюже волочившую ноги, на вершину холма. За ней бежали сбитые с толку медвежата.

– Отправь ее к реке, – рыкнул зверь, ярость которого несколько не уменьшилась.

Этриан повел медведицу к реке, последовав за ней сам. Сааманан принесла шкатулку. Юноша чувствовал, как Великий запускает щупальца в его душу, пытаясь ею овладеть. Предстоял решающий поединок – либо он преклонит колени, либо темный божок...

Зверь кипел от ярости. Этриан почувствовал, как он коснулся ошеломленной медведицы, ступившей на лед. Медвежата скользили позади, жалобно повизгивая, но она не обращала на них внимания.

Этриан улыбнулся. Что подумают на том берегу? Великое колдовство, заморозившее реку посреди лета, – и все ради того, чтобы перевести медведицу с детенышами?

Возможно, они не обратят на нее внимания, решив, что это всего лишь несчастное создание, случайно забредшее на лед...

Но обмануть их не удалось. Этриан ощутил со свистом обрушившийся с неба шквал стрел, почувствовал, как нарастает, а затем взрывается ярость зверя. Медведица раскрыла пасть и произнесла Слово.

Юноша пошатнулся, когда Великий внезапно атаковал и его, пытаясь застичь врасплох.

Слово покатилося по льду, обрушившись на могущество Шинсана.

Вселенная Этриана погрузилась во тьму.

Очнувшись, он увидел склонившуюся над ним Сааманан.

– Как ты? – спросила она.

– Вроде в порядке, – удивленно проговорил он. – Как долго я был без чувств? Где Великий?

– Двадцать минут. Я вернула его на холм. Он все еще без сознания. Он не ожидал от тебя ответного удара.

– Ты его бросила?

– Он ведь нам больше не нужен?

Этриан пристально посмотрел на нее:

– Тогда забери его обратно в пустыню.

– Ладно. – Она заговорщически улыбнулась. – Вряд ли ему это понравится.

– Не все ли равно? – Он взглянул на дальний берег реки, где было заметно какое-то движение. Покинув тело, он слетал туда и вернулся. Отвлечшись, каменный зверь выполнил лишь половину задачи. – Я зря теряю время, – пробормотал он.

На лед вступила армия мертвецов – жалкое сборище людей на негнущихся ногах, которые оскальзывались, падали и снова поднимались. Лед покрылся водяной пленкой – сила зверя покинула Сааманан.

«Сколько еще продержится лед? – подумал Этриан. – Быстрее! Быстрее!»

На том берегу трудились не покладая рук изнуренные легионеры. Шесть бесчувственных тел через каждый портал каждую минуту... Они бежали!

– Быстрее! – крикнул он.

Надо льдом раздался первый лязг оружия.

На его атаку ответили те противники, которые еще держались на ногах, вновь подбросив хвороста в костры и вернувшись на брустверы. А лед таял...

Сражение оказалось самым коротким и самым успешным из всех, в которых доводилось участвовать Этриану. Оно продолжалось всего час, дав ему восемь тысяч новобранцев. Легионы отступали в полном беспорядке.

Впрочем, его приобретения едва возмещали потери – слишком быстро ломался лед на реке. Некоторые его создания застряли на льдинах, и их унесло течением. Часть досталась рыбам, другие запутались в корнях росших вдоль берегов деревьев, третьих увлекало к далекому морю, где они уже были ему неподвластны.

Тервола отступали, отстреливаясь и спасая основную часть армии. Он попытался их преследовать, но с каждой очередной милей все больше терял власть над воинами.

Лишь когда пал последний редут, он полетел обратно к своему войску. Сааманан уже вернулась из пустыни.

– Он снова в своем храме. Даже отсюда я чувствую его ярость и страх.

– Ему не стоило пытаться меня обмануть. Смотри – мы победили. Теперь им нас не оставит. Крупных преград больше нет.

– А что потом, когда ты их уничтожишь? Будешь продолжать, пока не останутся одни мертвецы под твоим командованием?

Этриан посмотрел на нее, ощутив в ее взгляде отвращение и зарождающуюся ненависть.

– Оставь меня в покое, женщина. У меня только одна цель – уничтожить Шинсан. О том, что дальше, подумаем после.

– Я так и знала, что ты это скажешь.

– В смысле? Впрочем, не важно. Идем. У нас встреча в городе к западу отсюда. Если поспешим, у них не будет времени, чтобы подготовиться. И мы сможем нагнать беженцев.

Печально покачив головой, Сааманан повела его к драконам.

Два дня Этриан патрулировал дальние фланги своего воинства в поисках новобранцев, но усилия оказались тщетны – остались лишь старики, хромые и слабые. Он взял в свое войско и их – теперь он брал всех, кто был способен двигаться.

На третье утро после перехода через Тусгус Этриан вышел из леса и обнаружил, что его отделяет от Северной армии лишь небольшая равнина.

– Не могу поверить. Откуда у них столько силы духа? После того, что случилось на реке?

– Ты же сам говорил, что они лучшие из лучших, – рассмеялась Сааманан. – Ты говорил, они не знают страха. Ты говорил, что у них не будет времени подготовить город к обороне. Так чего же ты еще ожидал?

– Не знаю.

На этот раз враг атаковал первым, прорубая путь через ряды новобранцев – его лучших солдат, от которых становилось все меньше толку из-за продолжавшегося разложения. Солдаты противника пустились в погоню за легионом мертвецов. С собой они тащили установленные на повозках порталы. Сражение продолжалось, пока не создалось впечатление, будто от обеих армий скоро ничего не останется. И тогда легионы отступили.

Этриан рыдал от злости.

Враги забрали с собой убитых, лишив его основы для нового воинства. У него осталось меньше двадцати тысяч тел, способных лишь ковылять или ползти.

На рассвете он устроил им смотр. Перед ним предстали тощие вонючие жуткие создания в лохмотьях, с недостающими конечностями и вырванными кусками мяса, без ушей, носов или глаз, плоть которых кишела личинками.

– Как будто сама земля разверзлась, выпустив на поле боя древних мертвецов.

– И ты все еще хочешь продолжать? – спросила Сааманан.

– Я намерен их уничтожить. И найду способ, как это сделать.

– Они выиграли еще один день. И завтра снова будут готовы.

– Пусть так. – Он направился на запад, ведя за собой волочащую ноги пародию на войско. – Я знаю, судьба на моей стороне. Я слышу ее голос. Я – избранный. Я – помазанник. Я – Избавитель.

Сааманан ошеломленно уставилась на него. Похоже, им полностью овладело безумие.

– Я не хочу умирать, – прошептала она. – Ни за твой кошмар, ни за кошмар Великого.

На следующий день они подошли к городу, называвшемуся Ляонтун.

Ночью Этриан нанес туда бестелесный визит. Он видел охваченные паникой толпы, которые уходили на запад, оставляя город армии. И увиденное вдохновило его на новую атаку.

Для подготовки требовалось время, но время у него имелось. Он успел заглянуть в мозги легионеров, которые недолго служили ему, и теперь знал, что этот упрямый кабан лорд Сыма никакой помощи не получит. У Шинсана хватало и более серьезных хлопот на другой границе.

Он разглядывал городские стены, пребывая в веселом расположении духа.

12

1016 г. от О.И.И.

Тот самый день

– Не нравится мне это, Браги, – прошептал Вартлоккур. – Никогда не любил порталы. Он чувствовал себя так, словно сердце его сжимали змеи величиной с анаконду. Позаимствовав трюк у врага, он беззвучно читал солдатский ритуал.

– Что? – Король провел пальцем по лезвию меча. – Почему? Что не так?

– Они меня пугают, – ответил Вартлоккур. – В телепорт-потоке есть что-то живое... Я обнаружил это давно, еще будучи учеником. Нечто огромное и темное, оно только и норовит сцапать неосторожного путешественника...

Вартлоккур потрогал свой лоб – кожа была влажной и холодной. Может, он еще и побледнел?

Браги косо на него посмотрел.

– И как часто такое случается? Вряд ли часто, иначе Шинсан не пользовался бы ими постоянно.

– Редко, – признался Вартлоккур. – Один раз из десяти тысяч. И я не слышал, чтобы кто-то бесследно пропал за последние четыре или пять лет.

– Дьявольски неплохие шансы. Эй! Цянь говорит, есть сигнал. Готов?

Вартлоккур неохотно кивнул. Ему не хотелось лезть в телепорт, но деваться было некуда, и он взял себя в руки.

Браги прыгнул в ожидавший его портал. Чародей услышал эхо ругательства и металлический лязг, который внезапно оборвался. А затем он прошел через портал сам и оказался в гуще событий. Он произнес заклинание, чтобы временно ослепить защитников портала, и король взвыл.

– Проклятье, я же говорил тебе закрыть глаза! – взревел Вартлоккур.

– Двери! – закричал король. – Держи двери!

Они оказались в большом зале, судя по всему, на первом этаже общественного здания. Но у чародея не было времени, чтобы осмотреться.

– Передвиньте его! – крикнул он, ударяя плашмя мечом по задам вываливающихся из портала солдат. – Туда! Заблокировать заклятие!

В восточной штаб-квартире бесчинствовали яростные заклинания, уничтожая все на своем пути. Бесценные гобелены охватило пламя. Произведения искусства сморщивались и чернели или оседали и растекались, словно воск на солнце.

Появился лорд Цянь, возглавив заговорщиков-тервола. Через пятнадцать минут штаб-квартиру взяли под надежную охрану. Еще через пять лорд Цянь заключил мир с находившимся снаружи гарнизоном. Солдаты Шинсана избегали ввязываться в ссоры между представителями знати – им лишь требовалось заверение, что в штаб-квартиру не вторгнутся мата-янгицы.

– Здесь полностью безопасно, – сказал Вартлоккур. Лорд Цянь кивнул.

– Пока, – заметил король. – Посмотрим, как дела у других. Вартлоккур, пошли гонцов.

Чародей поймал помощника лорда Цяня и быстро настроил ряд порталов, после чего выбрал кучку солдат и отправил их на разведку. Они вернулись через несколько секунд.

– Барон Хардль захватил цель, – сообщил королю Вартлоккур. – Но у полковника Абаки проблемы. Он свалился прямо на колени лорду Го.

– Нужно туда добраться, прежде чем Го закроет порталы.

– Возможно, уже слишком поздно, – сказал лорд Цянь.

– Чем больше мы говорим, тем хуже наши шансы.

Король бросился к настроенному Вартлоккуром portalу. Чародей последовал за ним, чувствуя, как вновь извиваются и корчатся змеи, сжимая сердце.

Они вышли в огромную пещеру, в дальнем конце которой царил хаос. Абака сражался из последних сил, загнанный в угол. Вартлоккур сотворил жестокое заклятие распада, и десяток восточных солдат превратились в прах. А потом чародею пришлось взяться за меч, и времени ни на какие заклинания, кроме самых мелких, уже не осталось.

Зажатый в углу, он сражался со столь же опытным мечником, когда лорд Цянь объявил, что люди лорда Го решили сдаться. Опустив меч, Вартлоккур вздохнул и тряхнул головой. Его противник, всего лишь претендент, слабо улыбнулся.

– Все кончено, господин.

– Да. Иди сюда. Ты порублен не меньше меня.

Поддерживая друг друга, они заковыляли туда, где лорд Цянь и король собирали пленников. К королю, хромая, подошел барон Хардль, возглавлявший третью штурмовую группу.

– С божьей помощью нам все удалось, сир.

– Это уж точно. – Браги сиял от счастья.

– Нужно подготовимся к контратаке, – сказал Вартлоккур, охватившее его возбуждение сменялось усталостью. Заныли раны, и он понял, что скоро с трудом сможет двигаться. Настроение быстро портилось. – Лорд Цянь, обеспечь охрану порталов.

Кивнув, Цянь выделил солдат. Прежде чем те закончили, из нескольких порталов появились тервола. С одними заклинаниями схлестнулись другие, лязгнули мечи, полилась кровь. Вартлоккур не обращал внимания на схватку – с этим мог справиться и лорд Цянь. Сам же он сейчас куда больше полезен раненым.

– Они из Западной армии, – доложил человек лорда Цяня.

– Банда Суна? – нахмурившись, спросил король. – Лорд Цянь, разве им не должна была заняться Мгла?

Лорд Цянь пожал плечами.

– Даже самые лучшие планы не всегда сбываются. – Несколько минут спустя, когда контратака пошла на убыль, он добавил: – Похоже, плохо дело. Лорд Сун вновь захватил остальные две штаб-квартиры.

Вартлоккур поймал взгляд короля.

– Осторожнее, – прошептал он одними губами. Браги кивнул.

– Мы можем туда вернуться? – спросил Браги.

– Только пешком, – ответил лорд Цянь. – Через территорию Матаянги. Они закрыли порталы. – Он помедлил. – В любом случае уже слишком поздно. Переворот идет независимо от того, победим мы или проиграем. Не стоит больше терять время. Матаянга может перехватить инициативу.

– Проклятье! – выругался Браги.

Вартлоккур отвел его в сторону.

– Тут воняет какой-то ловушкой. Слишком уж все гладко. Лорд Сун знал о нас – как иначе он мог оказаться готовым к контратаке? Похоже, он не успел вовремя сообщить лорду Го, и ловушка не сработала.

– Мне тоже показалось, что тут дурно пахнет, – задумчиво кивнул король. – Думаешь, стоит ждать неприятностей?

– Думаю, лучше послать кого-нибудь и выяснить, что сейчас делает Мгла. Например, Хардль.

– А ты?

– Мне нужно заняться ранеными. Ты ведь хочешь, чтобы Абака выжил?

– Угу. Он лучший мой солдат.

– Предупреди людей. Собирай раненых возле порталов. Возможно, нам придется быстро исчезнуть.

Кивнув, Браги ушел.

Хардль отсутствовал недолго. Когда он вернулся, Вартлоккур присоединился к королю.

– Переворот удался везде, кроме тех мест, где вмешался лорд Сун, – доложил барон. – Лорд Го, похоже, погиб – никто не может его найти. Совет тервола воздерживается от принятия каких-либо решений, пока не стабилизируется военная ситуация. Лорд Сун ведет переговоры с Мглой. Мы победили.

– Лорд Цянь уже об этом знает? – спросил Вартлоккур.

– Вряд ли.

– Какова ситуация в Кавелине?

– Все в полном смятении.

– Не говори ничего лорду Цяню. Браги, больше мы здесь не нужны. Давай отсюда убираться. И не поворачивайся к нему спиной, пока не уйдешь.

– Не буду, – король поспешил к своим офицерам.

«Неужели я становлюсь параноиком? – подумал Вартлоккур. – Возможно. Но какой смысл рисковать с офицерами Империи Ужаса? Особенно с такими, как лорд Цянь?»

Король начал перебрасывать раненых через порталы в Кавелин. Люди лорда Цяня не обращали на него внимания – они пытались подчинить себе матаянгскую войну.

Отправляя в портал раненых на носилках, чародей услышал, как барон Хардль говорил королю:

– Ты чересчур доверчив, сир. Твоей подругой была смотрительница Майсака. Была. Теперь ты имеешь дело с повелительницей Шинсана.

– Он прав, Браги, – сказал Вартлоккур. – Ей придется войти в эту роль.

– Она все еще у себя дома, барон? – нахмурившись, проворчал король.

– Когда я уходил, она была там. Носилась словно однорукий кукольник, пытаюсь удержать все ниточки.

– В таком случае ее судьба все еще в наших руках, не так ли? Вартлоккур, мы возвращаемся. Барон, отправь людей домой.

Чародей последовал за королем. Шагнув в портал, он закрыл глаза, заскрежетал зубами и сделал еще шаг, но ничего не почувствовал. Никакой большой голодной тени вдали. Три раза подряд – и никакого намека на тварь, которой он так боялся. Может, она ушла навсегда?

Он вышел в зал, обстановка в котором радикально изменилась. Большой стол с картой исчез. Пол усеивали раненные, и половина из них не была кавелинцами. Внезапный контрудар лорда Суна едва не увенчался успехом.

Мгла спорила с несколькими тервола. Вартлоккур узнал только одного. Взглянув на него, чародей посмотрел на короля, который разговаривал с Далем Хаасом.

– Спускайся и собери людей. Пусть незаметно пробираются сюда по несколько зараз. Вартлоккур?

– Я собирался предложить то же самое. Они могут нам понадобиться. – Он пристально посмотрел на Мглу, которая только теперь их заметила. Похоже, их появление застигло ее врасплох. – Барон Хардль был прав. Принцесса Мгла – вовсе не лучшая подруга Кавелина.

– Это я уже понял. У нее такой вид, будто она увидела пару призраков. Что, если мы и впрямь уже должны были в них превратиться? – Он послал людей охранять порталы. – Есть некая ценность в том, что мы можем не упустить ее из виду, согласен?

Губы Вартлоккура изогнулись в едва заметной злобешей улыбке.

– Конечно. Если только не будем слишком тянуть, пока кто-нибудь другой не воспользуется возможностью и не объявит себя номером первым.

Закрыв глаза, он мысленно потянулся к хорошо знакомому ему существу.

«Иди ко мне, Радеахар. Иди ко мне, Нерожденный».

Существо пошевелилось, отвечая на зов, и устремилось к нему. Он открыл глаза и снова улыбнулся.

Мгла что-то сказала товарищам, а затем подошла к чародею и королю.

– Вижу, вы вернулись.

Она властным жестом протянула королю руку, словно ожидая поклона и поцелуя. Браги пожал ее ладонь.

– Не все, смотрительница. Много хороших людей погибло. Некоторые попали в плен. Сун подстроил ловушку, и она почти сработала.

– Мои люди тоже серьезно пострадали, как вы можете видеть.

Вартлоккур восхищался ее уверенностью в себе, которая подвела ее лишь на мгновение, когда она их заметила.

– Шутник, который вам ее подстроил, хотел бы с вами увидеться.

– Сун? Он здесь?

Чародей сразу же узнал тервола, но не стал ничего говорить. Браги с его перепадами настроения лучше было не знать, что человек, которого он считал злейшим врагом, находится с ним в одном помещении.

– Лорд Сун, – прозвучал резкий, холодный голос Мглы.

– Для меня он никакой не лорд, женщина. Всего лишь еще один человек в звериной маске. И не воспринимай себя слишком всерьез – ты на моей территории.

Вартлоккур наблюдал за Мглой из-под слегка опущенных век, не в силах скрыть улыбку. Увидев ее, она сбавила обороты, и властный тон сменился примирительным.

– Да, конечно. Приношу свои извинения. Слишком уж бурный был сегодня день.

Лорд Сун шагнул вперед, слегка наклонив голову.

– Прошу прощения, – обратился он к королю. – Я пока плохо говорю на вашем языке. Мне очень хотелось с тобой познакомиться после трех лет вражды. Я представлял себе кого-то поменьше ростом и поизворотливее.

– Я учился у одного изворотливого коротышки. Значит, все тем же и занимаешься? Собираешься захватывать все новые земли?

– Ее высочество вверила мне наши западные провинции.

– Как я понимаю, ты выкручивал ей руки. Так ты и остался все той же старой сволочью?

Подобравшись, лорд Сун взглянул на Мглу. Вартлоккур предупреждающе покачал головой. Вряд ли было разумно до такой степени раздражать тервола. «Где ты, Радеахар?» – подумал он, мысленно устремляясь вдаль.

«Я здесь».

Окно позади короля разлетелось вдребезги. В зале резко похолодало.

Явился Нерожденный.

Он напоминал эмбрион внутри хрустального шара, но ни один человеческий эмбрион не бывал столь огромен...

– Ты знаешь, сколько стоит хорошее стекло, Вартлоккур? – испуганно взвизгнула Мгла. – Где ты найдешь приличного стекольщика? Я думала, мы на одной стороне.

– Не я первый об этом забыл. – Он поманил рукой, и Нерожденный подлетел к нему, зависнув за левым плечом. Взгляд младенческих глаз Радеахара был полон злобы. – Естественно, у меня нет никаких доказательств, но в душе я уверен, что мы с королем не должны были вернуться из небольшого путешествия на восток.

– Я допрошу лорда Цяня. Возможно, он превысил данные ему полномочия.

– Возможно. Но я в этом сомневаюсь.

– Когда кто-то вмешивается в мои дела, я начинаю злиться, – сказал король. – Мгла, тебе и твоим друзьям придется на какое-то время стать моими гостями.

Нерожденный слегка покачнулся за плечом Вартлоккура. Мгла взглянула на Радеахара и поморщилась.

– Надолго? Я участвую в двух ожесточенных войнах.

– Двух? – удивился лорд Сун.

– Восточная армия разбита. Северная, возможно, не продержится. Лорд Сыма показал себя с выдающейся стороны, но даже у гения есть свои пределы. Восточный фронт вот-вот рухнет.

– Можно подумать, меня это хоть как-то волнует, – усмехнулся Браги. – Чем хуже тебе приходится, тем меньше бремя на моих плечах.

– Не столь воинственно, друг мой, – предостерег Вартлоккур.

– У того существа, что нам угрожает, далеко идущие планы, – сказала Мгла. – Нами оно не удовлетворится. Оно ненавидит весь мир.

– Продолжай.

– Это армии мертвецов. Они не питают любви к живым.

Вартлоккур побледнел, чувствуя, как пробуждаются змеи, сжимающие сердце. Нерожденный снова спокойно пошевелился. Проклятая резня на востоке не собиралась заканчиваться. Неужели сами боги решили его во все это втянуть?

– Все это несущественно, – сказал Браги. – Мне нужно знать, как добиться того, чтобы ты вела себя искренне.

Мгла взяла его за руку.

– Чтобы достичь своей цели, мне пришлось совершить несколько мерзких поступков, Браги. И самый мерзкий из них – попытка заманить тебя в ловушку. Ты не желаешь понять, что ты значишь для тервола. Им нужен твой скальп. Очень нужен. Я постаралась, чтобы ловушка была не слишком опасной, надеясь, что тебе, как обычно, повезет. И мы все получили что хотели. Так что давай останемся друзьями.

– Ладно. По крайней мере, пока.

Вартлоккур снова улыбнулся, увидев, как облегченно вздохнула Мгла. Столь податливым старина Браги бывал крайне редко.

– Что ж, лети, Радеахар, – вздохнул он и добавил: – Наконец-то я дома. Ты хоть понимаешь, Браги, что я не видел дочь с тех пор, как она родилась?

– А я не видел Ингер, – ответил король. – Идем отсюда.

Но прежде чем уйти, они напомнили своим людям, чтобы не спускали глаз с Мглы и ее сторонников.

—Еще немного, и всему бы пришел конец, – прошептала Мгла лорду Суну. – И почему вы не можете быть чуть гибче?

– Кто «мы», госпожа?

– Тервола. Никто из вас не извлек урока из судьбы О Шина. Вы вынудили его атаковать Рагнарсона из-за поражения под Баксендалем, и в итоге многие великие тервола лишились жизни. Погибли легионы, но равновесие восстановить не удалось. Позор и бесчестье. А теперь та же самая навязчивая идея едва не погубила меня...

– Ты забываешь, что я был по другую сторону, – усмехнулся лорд Сун.

– Именно из-за твоего образа мыслей все проблемы. Не забывай, я три года просидела в Майсаке, наблюдая за тобой. Во время сражений в Хаммад-аль-Накире ты вступал в сговор с обеими сторонами. Ты посылал шпионов в Кавелин. Ты угрожал и распространял слухи о войне лишь для того, чтобы досадить королю. Не знаю, как я вообще терпела подобное. Для нас все могло закончиться не лучшим образом.

– Со временем ты начнешь терпеть все необходимое для того, чтобы уничтожить этого человека и его банду.

– Возможно. – («Посмотрим, – подумала она. – Посмотрим».) – Давай-ка лучше пойдем отсюда, пока он готов нас отпустить. Лорд Цянь! Где лорд Цянь? Он еще не вернулся?

Вартлоккур встретил короля в коридорах замка Криф.

– Как Непанта? – спросил Браги.

– Прекрасно. Просто прекрасно.

Прекрасно – для женщины, которая постоянно рвалась в бой, позабыв о том, что ее окружало.

– Как малышка? Уже решили, как ее назвать?

– Все отлично. Нет, пока нет.

– Тебя что-то тревожит? У тебя рассеянный вид.

– Многое. Но главным образом Непанта.

– Все так же донимает тебя вопросами об Этриане?

– В основном.

Чародей двинулся дальше, оставив сбитого с толку короля.

Да, Непанта продолжала донимать его вопросами об Этриане, и ему все сложнее становилось скрывать свои подозрения о творящемся на Дальнем Востоке. Дело могло закончиться скандалом... Проклятье, Браги бы точно ей ничего не сказал. Будучи политиком, он мог пожертвовать дружбой с Непантой ради помощи, которую оказывал ему лишь чародей, имевший в своем распоряжении Нерожденного.

Или не мог?

Вздохнув, Мгла пробудилась от вялого полусна. Осторожно вытащив руку из-под Арала, она села и спустила ноги на пол. Дантис что-то проворчал и перевернулся на живот.

Мгла с любовью посмотрела на него. С ним было приятно, но теперь этому приходил конец. По-настоящему. Стоит ей вернуться в древний Хуан-Таинь, и она окажется под непре-

крашающимся присмотром. Пройдет немало времени, прежде чем она сможет сделать хоть что-то, не испросив одобрения у Совета тервола.

Она не питала иллюзий насчет власти, которую приобрела в результате переворота. Да, власть была немалая, но не могла сравниться с той, которой обладали ее отец и дядя во времена правления Двух Принцев. Она могла править, но не оскорбляя при этом других. Ей пришлось бы вести себя крайне осторожно, избавляясь от соперников. Прошло бы целое поколение, прежде чем она полностью сосредоточила бы власть в своих руках.

Если она вообще переживет первый год. Несомненно, против нее уже строят интриги.

Что стало с их империей? Заговоры, захваты власти – во времена ее отца ничего подобного не бывало. Он и его брат правили четыреста лет, но интриг за все это время случилось меньше, чем за два десятилетия после их смерти. Не значит ли это, что империя умирает? Гниет, даже продолжая расти?

Мгла встала с постели, села, не одеваясь, за письменный стол и написала длинное послание королю, в котором повторила извинения, сообщив, что в течение всего своего изгнания была ему хорошей подругой. В качестве жеста доброй воли она намеревалась оставить в Кавелине детей.

«До чего же ты коварная ведьма, – улыбнулась она про себя. – Кого ты собираешься одурачить? Он прекрасно знает тебя и знает Шинсан. Он поймет, что они в меньшей степени будут заложниками судьбы, если останутся здесь. И он поймет, что ты пытаешься укрыть их от превратностей шинсанской политики».

– Арал? Вставай. Пора.

Он сел, избегая ее взгляда, похожий на побитого щенка. Он хотел отправиться вместе с ней и так и не понял, почему это невозможно.

– Вставай, солдат. Одевайся. – Она начала одеваться сама, решив, что первым делом обзаведется новым гардеробом. Не может же она расхаживать по древним местам Хуан-Таиня в одежде смотрительницы Майсака! Ее путешествие на Запад и служение делу Запада во время Великих Восточных войн и без того доставит ей немало хлопот. – Мне нужно, чтобы ты отдал королю это письмо. Хорошо?

Арал что-то неразборчиво пробормотал. На мгновение смягчившись, она поцеловала его, и он попытался затащить ее в постель.

– Нет-нет. Постарайся понять, милый. – Она высвободилась из его объятий и уже у двери добавила: – До свидания, Арал.

Последние слова прозвучали печальнее, чем она хотела бы. Расставание ее не радовало.

Вартлоккур баюкал дочь на правой руке, левой коснувшись пальцев жены и глядя в окно на серебристые облака, плывущие подобно боевым галеонам на восток.

– Похоже, завтра будет дождь.

– Что-то не так? – спросила Непанта. – Ты слишком рассеян.

Он перевел взгляд на красное личико младенца.

– Уже подумала насчет имени?

– Да. Не знаю, понравится ли тебе. А ты?

– Нет. Слишком отвлекся.

– Отвлекся? Ты постоянно на что-то отвлекаешься. В последнее время ты словно в другом мире. Что случилось?

– Неприятности.

– Тут все время неприятности. В Воргреберге они плодятся, как в других городах тараканы.

– Это проблемы короля.

– У него всегда проблемы. Как насчет того, чтобы назвать ее в честь твоей матери?

– Моей матери? Смирена? – Подобная мысль не приходила ему в голову. – Смирена. Несчастливое имя. – Его мать сожгли на костре за колдовство. – Не знаю...

Неужели король ни о чем не подозревает? Не скажешь же мужчине, что в половине его проблем повинна его жена? Он мог нанести ответный удар. Например, рассказать Непанте об Этриане.

И что насчет Мглы? Вряд ли она могла пренебречь положением дел на востоке...

– Ну вот, опять ты за свое. Если не можешь поговорить с Браги, скажи Дерелю Пратак-сису. Браги смирится со всем, что от него услышит.

– Может быть.

Он, однако, думал рассказать обо всем Майклу Требилькоку. Они с Майклом вполне понимали друг друга. И Майкл бы мог кое-что сделать...

– Так как насчет имени? – Непанту клонило в сон.

Ей хотелось узнать ответ, прежде чем она окончательно заснет.

– Смирена вполне подойдет. Мама была бы рада. – Он задумчиво взглянул на медленно плывущие по небу облачные замки. – Да, Смирена. Привет, крошка Смирена.

Малышка улыбнулась в ответ.

13

1016 г. от О.И.И.

Судьбы богов и императоров

Шикай, хромая, преодолел последние несколько ступеней, ведущие на вершину стены Ляонтуна. Панку держался в полушаге позади, готовый помочь, ничуть, впрочем, не намекая, что господин нуждается в помощи.

Улыбнувшись, лорд Сыма облокотился о зубцы стены. Панку мог не беспокоиться – Шикай просто устал и хромал из-за неожиданной мозоли.

Вокруг кишели беженцы, к которым присоединялись жители города. Воздух словно дрожал от всеобщей паники. Шикай надеялся, что она не затронет легионы, хотя и сам был готов ей поддаться. Катастрофа на реке Тусгус стала не просто потерей одной линии фронта – она вызвала у Шикая и его офицеров неподдельные сомнения в том, что они способны победить Избавителя.

– Разумное ли решение я принял, Панку? – Он взглянул на восток. Где-то в тех лесах шла в атаку Северная армия.

– У тебя не было выбора, господин. Люди могли потерять веру в себя.

– А вдруг случится новая катастрофа?

– Лучше выяснить это сейчас. Нам нужно знать, единичный ли это случай.

Шикай не мог понять, что произошло на Тусгусе. Ужасающий звук, вырвавшийся из медвежьей пасти, сокрушил разум и волю его легионеров... Ничего подобного он прежде не слышал. Душа его холодела от страха при мысли, что он может столкнуться с этим еще раз. Если Избавитель обладал таким оружием, одолеть его невозможно.

Наверняка это все та тварь в пустыне. Иначе и быть не может.

– Господин, – тихо сказал Панку, – к тебе лорд Лунью.

Шикай взглянул на Тасифэна, с трудом поднимавшегося по лестнице. Похоже, у того было меньше сил, чем у него самого.

– Переведи дух.

– Ушли последние жители, господин, – доложил Тасифэн. – Возможно, позднее возникнут неприятности. В суматохе сбежала часть пленных.

– Полагаю, этого следовало ожидать. В любом случае это меньший риск. Есть известия?

– Еще рано говорить, господин, но, похоже, пока все складывается удачно.

– Никаких проблем вроде тех, что были на Тусгусе?

– Никаких, господин. – Тасифэн не скрывал облегчения. – Возможно, они приберегли их для Ляонтуна.

– Возможно.

У Шикая был на этот счет определенный план, и он намеревался ему следовать. А пока приходилось ждать. Он был нужен здесь, пока не станут ясны намерения Избавителя.

Не в силах стоять спокойно, Шикай нервно взглянул на небо.

– Прекрасный день, – заметил он, что было правдой.

– Все лето стояла прекрасная погода, господин.

Тасифэн тоже посмотрел на небо, зная, что предвестниками появления Избавителя станут наездники на драконах. Уверенность тервола поколебалась – они предчувствовали катастрофу.

Чуть позже появился офицер Тасифэна.

– Все прошло отлично, господин. Никаких признаков того, что случилось на Тусгусе. Мы одержали крупную тактическую победу.

Улыбнувшись под маской, Шикай ударил по стене кулаком.

– Дьявол! – тихо проговорил он. – Будь я проклят, лорд Лунюю, если мы его не остановим!

Северная армия быстрым шагом входила в ворота, не скрывая радости, заразившей всех вокруг.

– Что-то у них хромает дисциплина, – пробормотал Шикай, обращаясь к Панку.

– Полагаю, их вполне можно понять, господин?

– Несомненно. Несомненно. – Шикай и сам пребывал в приподнятом настроении. Сражение завершилось полной победой, и к лорду Сыма вернулась прежняя уверенность в себе. – Мы остановим врага.

К нему подошел гонец:

– Лорд Сыма, лорд Лунюю просит вас прийти в командный центр.

– Он не сказал зачем?

– Нет, господин.

– Сейчас буду. – Когда гонец ушел, Шикай повернулся к Панку. – Есть мысли?

– Они наблюдают за положением на матаянгском фронте, господин. Возможно, там что-то произошло.

Что-то в самом деле произошло. Тайные войска лорда Го перешли в наступление. Но то были старые новости. Не устроила ли Матаянга новый сюрприз?

Шикай взглянул на горстку круживших в небе драконов. Осада должна была вот-вот начаться.

Он этого ожидал. Ляонтуну предстояло стать скалой, о которую разобьется Избавитель, – или последним полем битвы для лорда Сыма Шикая. Он приказал своим людям разработать стратегию на случай падения города, но те не проявляли особого усердия. Местность к западу от Ляонтуна кишела беженцами, и в случае чего вряд ли удастся легко вырвать их из когтей Избавителя.

Судьба его самого, Избавителя и, вполне возможно, всей империи зависела от древнего города-крепости.

В командном центре собрались старшие тервола. Когда вошел Шикай, негромкие разговоры стихли.

– Опять политика, господин, – прошептал Панку.

– Я так и подозревал.

Тервола расступились, пропуская лорда Сыма к расстеленной на столе карте империи. В последнее время он внимательно следил за ходом матаянгской войны вместе со своими людьми. От этого зависели их возможности здесь.

Похоже было, что ситуация нисколько не изменилась.

– В чем дело? – спросил он.

– Может, поговорим наедине? – предложил Тасифэн.

Шикай взглянул в драгоценные камни-глаза его маски.

– Смена караула?

– Да, господин.

– Что нам обсуждать? Ничего не поменялось. У нас и без того хватает дел. Драконы Избавителя уже в небе.

– Господин...

– Ваши игры – это ваши игры. У нас есть работа, так что давай на ней и сосредоточимся. Там обойдутся и без нашей помощи. Если твоя кандидатка победит и я ей не понравлюсь, она может отправить меня обратно в Четвертый Показательный.

– Господин, мы лишь хотели, чтобы ты знал, что происходит. Вряд ли это чем-то нам помешает.

– Тогда обговорите все, что вам нужно, и снова беритесь за дело. Избавитель уже в пути.

– Как прикажешь, господин.

Тасифэн кивнул кому-то у стола, и тервола разошлись.

– Я – на стену, буду наблюдать за его приближением, – сказал Шикай. – И больше не желаю слышать ни слова о политике, пока я командующий. Понятно?

Тасифэн слегка поклонился.

– Как прикажешь, господин. Нас все полностью устраивает.

Когда Шикай добрался до стены, город уже окружали патрули Избавителя.

– Как думаешь, Панку? Послать несколько отрядов?

Панку пожал плечами.

– Нет, конечно. С ними и так уже, считай, покончено. Пусть сами идут к нам. – Патрули теперь выглядели истинными мертвецами. – Время на нашей стороне. Еще неделя, и у него никого не останется.

Шли часы. Солнце закатилось, и взошла луна. Шикай стоял, наблюдая за осаждавшими, которые не ставили палаток, не разжигали костров – просто ждали в шеренгах, окружив город.

– Что он попробует на этот раз, Панку?

– Снова тот звук, господин. Что-нибудь такое, отчего содрогнутся стены.

– Мне тоже так кажется. Но мы можем ему помешать.

– Господин?

– Су Шэнь...

– Кто-то идет, господин, – показал Панку.

К ним устремилась тень, перебегая от одного темного пятна к другому. Панку обнажил меч. Шикай призвал на помощь свои чувства тервола, но не ощутил опасности.

– Спокойно. Мне кажется, у него мирные намерения.

Панку не собирался расслабляться – он был не из тех людей.

По мере приближения тень двигалась все медленнее. Шикай удивленно фыркнул.

– Убери эту штуку, Панку.

Ординарец неохотно подчинился.

Гость был в одежде тервола, но без маски. Луна осветила его худое аристократическое лицо, на котором отражались усталость и страх.

– Приветствую, лорд Сима.

– Приветствую, лорд Го.

– Похоже, колесо судьбы совершило оборот.

– Я тоже об этом слышал. – Шикай давно понял, что не желает участвовать в извилистой политике Шинсана. Ему лишь хотелось делать свое дело. Однако он был в долгу перед этим человеком – лорд Го дал ему возможность стать командующим настоящей армией. – Мы пытались ни во что не ввязываться.

– Каково ваше положение? Насколько все плохо?

– На сегодняшний день – похоже, получше. – Он объяснил что и как, и лорд Го задумчиво кивнул. – Что тебя ко мне привело? – спросил Шикай.

– Мне больше некуда пойти. – Го не стал прямо просить помощи.

– Гм... мои офицеры тебе не друзья.

– Это только моя вина.

– В нынешнем положении я мало что могу сделать.

– Понимаю.

– Есть остров Су Шэня, господин, – сказал Панку.

– Конечно. Именно туда мы и собирались отправиться? Лорд Го, я могу спрятать тебя на острове Праккии, на востоке. Панку, с Су Шэнем ведь не было связи? До него не доходили известия от заговорщиков?

– Вряд ли, господин.

Шикай не придавал особого значения присутствию Су Шэня на острове, надеясь, что Избавитель этого не заметит.

– Ладно. Идем. Панку, найди маску для лорда Го. Я видел несколько в старом музее Семнадцатого легиона.

– Мне следует переодеться в солдатскую одежду, – сказал лорд Го.

– Хорошая мысль. Панку, найди форму и снаряжение десятника. С нашивками Северной армии.

Позже, уже в своем жилище, Шикай взглянул на преобразенного Го.

– Как тебе, Панку?

– Нужно поменьше высокомерия, господин. Солдат не должен держаться так, будто претенденты-тервола устилают перед ним путь розами.

– Понимаю, о чем ты, – кивнул Вэнчинь. – Потренируй меня.

Шикай внимательно следил за временем. Солнце на острове должно было взойти раньше, чем здесь, а он хотел добраться туда до рассвета.

– Су Шэнь и его люди должны привыкнуть к тебе, прежде чем дневной свет подчеркнет твои мелкие промахи, – объяснил он, пристально изучая снаряжение лорда Го взглядом мастера муштры. – Маска и одежда спрятаны? Хорошо. Панку, у тебя все готово?

Они все собирались взять с собой одинаковое снаряжение, чтобы Вэнчинь вызывал меньше подозрений. Шикай беспокоило, как долго он сможет укрывать лорда Го – он был в долгу перед этим человеком, но насколько? Вряд ли враги Вэнчиня сочли бы это личным делом их двоих.

К тому же лорду Го требовалось дополнительное прикрытие на случай, если ему придется слишком много времени проводить в обществе Су Шэня. Тот факт, что он тервола, невозможно было скрывать до бесконечности. Представить его как следователя по особым делам? Вполне могло сработать.

– Думаю, лучшего нам за столь короткое время не добиться, господин, – сказал Панку.

– Тогда телепортируемся. Лорд Го, ничего не говори без необходимости. Лучше, если на тебя вообще не обратят внимания. Панку, идешь первым. Отвлеки их.

– Я стану невидимкой, – усмехнулся Го.

Шикай решил, что его тревога безосновательна. Кто бы стал следить за лордом Го? Все считали, что он погиб во время атаки Мглы на его штаб-квартиру.

Со стороны Ляонтуна все прошло прекрасно. Никто, похоже, не удивился, что Шикай обзавелся еще одним помощником. Другие старшие тервола окружали себя целыми свитами.

Шикай прошел через портал последним и тут же увидел галопом мчавшегося к нему Су Шэня, на ходу натягивавшего одежду.

– Господин, – выдохнул он, – тебе следовало нас предупредить. Мы бы обеспечили более подобающий прием.

– Сейчас не до приемов, Су Шэнь. Тебе незачем было прерывать сон.

– Но...

– Не важно. Пришло время попытать удачи с той каменной тварью. Они добрались до Ляонтуна. И мы не хотим, чтобы они проделали то же самое, что и на Тусгусе.

– Мы внимательно за ними наблюдали, так близко, как только было возможно, – кивнул Су Шэнь. – Каменная тварь вне себя от ярости. Ее предали собственные слуги.

– Гм... может, нам взять его в свое войско? Нет, вряд ли нам нужен такой союзник. Ты обнаружил какие-нибудь слабые места?

– Ты не голоден, господин? Может, обсудим за завтраком?

– С удовольствием. Мы всю ночь не спали и ничего не ели со вчерашнего дня.

– Мы видели, что произошло как до, так и после битвы на Тусгусе, – сказал за едой Су Шэнь.

Он объяснил, что женщина в белом сперва забрала божка, а потом вернула на прежнее место.

– Прекрасно, – кивнул Шикай. – Ценю твою помощь, Су Шэнь. Я тебя не забуду. Насколько он опасен в данных обстоятельствах? Он может нам помешать?

– Не знаю, господин. Когда женщина его забрала, он, похоже, был счастлив. Нет смысла обсуждать то, что произошло после. Когда она его вернула, он был без сознания, а очнувшись, пришел в ярость.

– А сейчас?

– Похоже, он спит и злится во сне. Но мы слишком далеко, чтобы о чем-либо с уверенностью говорить.

– Понимаю. – По прошествии нескольких минут Шикай сказал: – Мы отправляемся сегодня ночью. Пойду отдохну.

– Сегодня ночью, господин? Времени в обрез. Придется послать кого-нибудь, чтобы успели поставить портал.

– Хорошо. Будь осторожен. Не спугни каменного зверя. И разбуди меня, если он начнет чересчур волноваться.

– Как прикажешь, господин.

Шикай удалился в поспешно приготовленное для него жилище, вместе с Панку и лордом Го.

– Это чудовище... – сказал лорд Го, садясь. – То самое, что я тогда почувствовал? – Шикай кивнул. – Что ты собираешься с ним делать, когда вытащишь из каменной твари?

– Буду думать, когда придет время.

– Меня никто не заметил? Я слишком нервничал, чтобы это понять.

– Нет. Давай немного отдохнем. Я очень долго не спал.

Шикай разбудил сам Су Шэнь.

– Солнце заходит, господин. Я отправил отряд примерно за милю отсюда. Им нелегко пришлось – жара стояла невыносимая.

«Как порой и ты сам», – подумал Шикай.

– Давай поужинаем, прежде чем отправляться в путь.

– Ужин уже готов. Я велю слугам его подать.
– Оставь нам немного времени для ритуалов.
– Конечно, господин. – Су Шэнь, похоже, слегка удивился.
– Да, я до сих пор совершаю ритуалы. Без них все так же не обойтись, Су Шэнь.
Когда Шикай заканчивал ритуалы, в покои быстрым шагом вошел Панку.
– Где ты был?
– Бродил вокруг, господин. Хотел выяснить, ходят ли какие-то разговоры про нашего друга.
– И?
– Ничего. А если бы у них возникли вопросы о моем начальнике, они пришли бы ко мне.
– Хорошо. Доволен, лорд Го?
– В высшей степени.
– Панку, если что-то пойдет не так, нам, возможно, придется поспешно уходить. Будь готов. В любом случае остров ты покинешь последним.
– Здесь неплохое место для убежища, – заметил Вэнчинь.
– Учти, политика меня не интересует. Так что не втягивай меня в нее.
– Ты и так уже сделал больше, чем я заслужил. Я не стану подвергать тебя риску.
– Спасибо. Панку, пора.
Шикай первым прошел через портал. За ним один за другим последовали в остывающую пустыню люди Су Шэня. Ночь обещала быть прохладной.
Подготовив защитные заклинания, Шикай расположился на вершине дюны. Перед ним возвышалось каменное чудовище. Тварь внутри спала – телепорт ее не потревожил.
Су Шэнь устроился рядом.
– Войдем между передними лапами. Там есть лестница, ведущая на спину. Наверху, возле плеча, – люк, открывающийся наружу. Не могу точно сказать, что мы найдем внутри, – я не смог проникнуть столь глубоко.
Шикай кивнул.
– Когда войдем – ни звука. Вряд ли он видит или слышит так же, как смертные, но к чему рисковать! – Он устался на темную глыбу. – Жаль, что мы столь мало о нем знаем.
Прибыли последние люди Су Шэня, которых он выстроил в шеренгу. Шикай удивился: зачем столько помощников? Сегодня численность ничего не значила.
– Идем.
На душе у Шикая заскребли кошки. «Что я тут делаю? – подумал он. – Я командующий армией. У меня должны быть солдаты, которые займутся всем этим вместо меня».
Лорд Го держался рядом, подготовив собственные заклинания. Панку приготовил меч.
Шикай усмехнулся про себя. Высокомерный ничтожный смертный шел в атаку на нечто, которое вполне могло быть богом. Полнейшее безрассудство!
Луна еще не взошла, пустыню освещали лишь звезды, и казалось, их больше, чем в небесах Шинсана. Более густой казалась и тьма.
Шикай углубился в темноту между передними лапами зверя, осторожно пробираясь среди каменных обломков. Остановившись, он присел. Вода. То тут, то там отчаянно цеплялись за жизнь растения. Любопытно.
Он не сразу нашел лестницу, подножие которой замаскировали камнями. Шли секунды. Сердце его стучало все быстрее и быстрее. Тварь наверняка уже знала, что он здесь, и готовилась поймать его в ловушку... И тем не менее он ничего не ощущал, кроме спящей ярости.
Шикай начал взбираться наверх. Панку и лорд Го следовали позади.
– Господин, стоит ли этим людям... – послышался за спиной шепот Су Шэня.
– Тихо! – прошепел Шикай, прислушиваясь. Тварь не отзывалась. – Они с нами. – Он продолжил подъем.

Со спины зверя он с трудом различал людей внизу. И снова он удивился, ради чего те вообще здесь? Чтобы порадовать командира?

Су Шэнь пробрался мимо него, ощупывая камень на потрескавшемся плече. Он поднял крышку люка, и Шикай, почувствовав, как забеспокоился божок, предупреждающе погрозил спутникам пальцем.

Панку и Вэнчинь зажгли принесенные с собой фонари. Взяв фонарь, Шикай начал спускаться в сердце каменной твари. Та снова пошевелилась, но не пробудилась.

Глубоко внутри обнаружилась комната размером примерно пятнадцать на десять футов, в конце которой стоял каменный алтарь. На нем покоилась маленькая черная шкатулка.

Когда-то эта комната была богато обставлена, но теперь остались лишь пыль и лохмотья, несколько предметов церемониального оружия и сам алтарь. Шикай осторожно приблизился к алтарю и устался на шкатулку, вернув фонарь Панку.

Он все так же ничего не чувствовал, кроме некоего беспокойства внутри шкатулки. Шикай протянул к ней дрожащую руку.

Су Шэнь чихнул, потом еще раз.

Существо в шкатулке пошевелилось.

Мягко подняв шкатулку, Шикай направился к лестнице.

Панку тоже чихнул и негромко выругался. Поморщившись под маской, Шикай осторожно поднялся по ступеням.

Теперь уже чихнул Го, – похоже, это оказалось заразным. Шикай почувствовал пыль в носу, борясь с желанием чихнуть... но ничего не смог поделать. Поспешно взбежав наверх, он сунул свою ношу в руки Панку, который потирал свободной рукой нос. Шикай снял маску и дождался, пока приступ чихания пройдет.

Божество в шкатулке как будто снова заснуло.

– Еще немного, и... – пробормотал Шикай.

– Что дальше, господин? – спросил Су Шэнь.

– Возвращаемся на остров. Поставим на шкатулку груз, наложим заклятие на лодку и отправим ее в море. Она попадет в шторм и утонет.

Кивнув, Су Шэнь взял у лорда Го фонарь и дал знак солдатам уходить через портал. Когда до портала добрался Шикай, большинство уже переместилось.

– Пойду последним, – сказал он. – На всякий случай. – Божок все еще не пробудился. – Будьте готовы к моему прибытию. Су Шэнь, пойдешь сейчас. Подготовь лодку и начинай отправлять людей в Лянтун.

– Как прикажешь, господин.

Шли минуты. Наконец не осталось никого, кроме лорда Го и Панку.

– Лорд Го, – сказал Шикай, – даю тебе несколько минут. Подготовь надежную засаду. Телепорт может его пробудить.

Вэнчинь кивнул и отбыл.

– Иди, Панку.

– Господин...

– Я буду через несколько минут.

– Как пожелаешь, господин.

Панку исчез. Шикай устался на шкатулку. Что станет делать божок? Наверняка телепорт его разбудит. Сумеют ли они удерживать его достаточно долго, чтобы засунуть в лодку? Насколько он могуществен?

Подождав пять минут, он настроил портал так, чтобы тот схлопнулся позади него. Никто не смог бы вернуть шкатулку в пустыню, даже если божество овладеет человеком так же, как оно поступало с мертвыми. Глубоко вздохнув, он шагнул в портал.

Божество пробудилось, едва Шикай достиг острова. В мозг словно вонзился чей-то властный палец, заставив пошатнуться.

– Эй ты! – взревело существо в его голове, и он застонал.

Ярость божка оказалась куда сильнее, чем он ожидал. Жестокие алчные щупальца проникли в тело, обретая над ним власть...

Сыма Шикай был упрям. Повернувшись, он швырнул шкатулку, и та, подпрыгивая, покатила по полу. Лорд Го обрушил на нее заряд силы, не причинивший никакого вреда. Шикай бросился следом за шкатулкой, врезал кулаком по ее боку, и она, кувыркаясь, полетела в пульсирующую черную пасть портала.

В голове Шикая послышался затихающий вопль. К нему бросился Панку.

– Ты цел, господин?

Шикай с трудом поднялся.

– Похоже, буду жить, Панку. Будь я проклят – боюсь, что буду. – Он облокотился на плечо ординарца. – Эта тварь едва не забрала у меня душу.

– Что тут случилось? – взревел появившийся Су Шэнь.

– Оно пробудилось, – объяснил лорд Го. – Мой господин швырнул его обратно в портал.

– Только не это! Обратно в пустыню? Что теперь делать?

Шикай перевел дух.

– Нет, не в пустыню. Его подхватил телепорт-поток, и в нашем мире с ним покончено. Забудь про лодку, Су Шэнь. Дай мне отдохнуть перед возвращением в Лянтун. Больше нам здесь нечего делать.

Панку помогал ему дойти до двери, когда за их спинами послышался треск, и из портала вышел человек.

– Господин? – спросил он.

Шикай повернулся:

– Лорд Лунью?

– Принцесса Мгла в Лянтуне, господин. Я подумал, тебе стоит об этом знать.

Тасифэн озадаченно огляделся. Лорд Го изо всех сил пытался стать невидимым.

– Ладно, – вздохнул Шикай. – Сейчас буду. Панку, собери наше снаряжение. Су Шэнь, отправь остальных своих людей.

Лорд Го держался в стороне от Шикая, пока Тасифэн не ушел.

– Панку, – сказал Шикай, когда они подходили к их жилищу, – у меня такое ощущение, будто я постарел на сотню лет.

В комнате с порталом ждала делегация взволнованных тервола.

– Лорд Шимин развлекает принцессу, господин, – сказал Тасифэн.

– Что там за шум?

– Нападение извне, господин.

– Скажи госпоже, что я приду к ней, как только выясню, в чем дело.

– Господин?

– Ты меня слышал. Лорд Лунью, идем со мной. Расскажи мне все, о чем она говорила.

Он направился на высокую галерею в старой крепости в сердце Лянтуну. Оттуда была видна большая часть города и окружавшей его местности. Панку следовал за ними по пятам.

– В старые времена здесь был монастырь, – сказал Тасифэн.

– В самом деле? Интересно. Но меня больше интересует настоящее. Какова ситуация с Матаянгой?

– Принцесса утверждает, что все под контролем. Лорд Го нанес особенно жестокий удар, прежде чем... прежде чем...

– Понятно. И что, как она говорит, ей нужно?

– Она пытается выяснить, каково наше положение. Армия слишком разбросана. Если прорвут какой-то фронт, возможно, нам придется оставить западные провинции.

Шикай выглянул из окна, наблюдая за кружащими в небе драконами.

– Хуже всего теперь здесь. Мы избавились от их божка, и такого разгрома, как на Тусгусе, больше не будет. Чем они занимались?

– Готовились к штурму.

– К штурму? Да они с ума сошли. У них нет для этого людей.

– На Тусгусе у них тоже не было людей, господин.

– Верно. Но у них нет и оружия, которое было тогда. – Шикай взгляделся во тьму. – Когда они собираются начать?

Тасифэн пожал плечами.

– Если он будет действовать, как и прежде, – не раньше чем через несколько дней.

– На это не рассчитывай. Он учится на своих ошибках. – Шикай яростно уставился в ночь. – Проклятье! До чего же мне хотелось бы до него добраться!

Позади них юркнуло какое-то существо. Шикай резко обернулся.

– Мышь, господин, – объяснил Панку. – Какая-то странная. Сидела и смотрела на тебя.

– Давай-ка узнаем, что на уме у нашей дамы, – сказал Шикай.

– Господин...

– Не беспокойся. Буду вести себя пристойно. Меня точно так же устраивает моя должность, как и тебя – твоя.

Шикай до этого дважды встречался с Мглой во время ее первого правления и каждый раз чувствовал себя огретым обухом по голове. Хотя он уже был готов к подобному, результат оказался тем же. Он не мог поверить, что такая красота вообще существует и что эта женщина – дочь уродливого сумасшедшего старика, Принца-Демона.

Когда он вошел в небольшую комнату, где Мгла проводила совет с командирами его легионов, она встала и протянула руку. Шикай никогда еще формально не представляли повелителям Шинсана, и он не знал точно, как следует отвечать. Поэтому он лишь слегка поклонился, как надлежало при встрече с вышестоящим армейским начальником. Мглу, похоже, это вполне удовлетворило.

– Приветствую, лорд Сыма.

– Мое почтение, принцесса.

– И я рада тебя видеть. – Она села. Лорд Шимин встал по ее правую руку. – Я обсуждала твою кампанию.

– Смилуйся, принцесса. – Шикай снова поклонился. – Я сделал все, что мог, но я лишь сын свинопаса.

Тон его голоса нисколько не соответствовал словам, бывшим лишь формальностью.

– В моем милосердии нет нужды, лорд Сыма. Даже великие лорды Чинь или Ву не смогли бы совершить большего.

Шикай удивленно взглянул на собратьев. Они молча стояли во весь рост, и под масками невозможно было разглядеть выражения их лиц. Что все это значило? Они высказались в пользу сына свинопаса?

– Я полностью тебе доверяю, – продолжала Мгла. – Я не собираюсь ни во что вмешиваться, лишь хочу ближе ознакомиться с положением дел. Для империи настали нелегкие времена.

Шикай ответил не сразу, и наступившую паузу заполнил Тасифэн.

– Я лорд Луню, госпожа. Командир Семнадцатого.

– Хорошо помню этот легион, еще с тех времен, когда им командовал лорд Ву.

– Те времена остались в прошлом, госпожа. Как и лорд Ву.

– Что прошло – то прощено и забыто.

– Спасибо, госпожа. Ты могла бы нам кое в чем помочь. У Избавителя есть спутница, обладающая немалым могуществом. Мы не в состоянии ее победить. Говоря прямо – возможно, ты могла бы померяться с ней силами.

К Шикаю вернулось прежнее самообладание.

– Мои командиры говорят, она почти столь же сильна, как и ты, госпожа.

– Эта женщина – источник могущества Избавителя?

– Один из источников. У него имелся еще один, некий древний божок, обитавший в пустыне на востоке. Сегодня ночью мы с тервола по имени Су Шэнь его уничтожили. Теперь у Избавителя и его женщины никого больше не осталось.

– Они сейчас где-то рядом?

– Да, госпожа.

– Идем взглянем.

Шикай поклонился, и все остальные последовали за ним.

– Возвращайтесь к своим делам, господа, – сказала Мгла. – Погоди, лорд Шимин. Твои амбары заполнены зерном?

– Да, госпожа, – озадаченно ответил тот.

– Тут полно мышей. Стоит что-то предпринять, если ты ожидаешь долгой осады.

– Да, госпожа.

– Вряд ли осада продлится долго, – тихо заметил Шикай. – Их силы на исходе. Он готовит другой сюрприз.

Оглянувшись, Мгла многозначительно посмотрела на Панку, но десятник остался невозмутим.

– Панку – моя тень, – сказал Шикай.

– Как тебе будет угодно.

Десять минут спустя, когда они подошли к северной стене города, Шикай услышал за спиной странный царапающий звук, затем глухой удар одного тела о другое. Развернувшись, он увидел, как Панку отталкивает от себя крупную собаку, из груди которой торчала рукоять кинжала десятника. Собака дернулась, заскулила и застыла. Панку извлек оружие и отсек голову и лапы животного.

– Панку?

– Все в порядке, господин. Доспехи она не прокусила.

– Что случилось?

– Она выскочила из темноты прямо на тебя, господин.

– Ложись! – крикнула Мгла. Шикая на мгновение ослепила яркая вспышка, а когда зрение прояснилось, он увидел лежавшую у ног еще одну собаку. Левое плечо зверя обгорело до кости. – Возможно, нам стоило взять с собой подмогу.

– Кажется, я понял, в чем состоит его очередная атака.

Шикай оказался прав. Подобные нападения происходили по всему городу.

– Твои командиры говорят, что он смертельно ненавидит империю. Не знаешь, почему?

– Понятия не имею, госпожа. Мы не знаем ни кто они, ни откуда они взялись. – Шикай двинулся дальше. – Следи внимательнее, Панку. Он может попытаться еще раз.

С городской стены он увидел женщину в белом, стоявшую на возвышенности в трети мили от них. Фигура ее светилась в темноте.

– Это она, – сказал он Мгле.

С полминуты она молчала, затем ответила:

– Любопытно. Она не живая – по крайней мере, в обычном смысле этого слова. У нее нет физического тела. И тем не менее – вот она.

– Вон там! – крикнул Шикай, почувствовав Избавителя. – Слева от нее!

Мгла судорожно вздохнула:

– Не может быть!

– Госпожа?

Она уже уходила прочь. Шикай и Панку поспешили за ней.

– Держитесь, – сказала она. – Дайте мне хотя бы три дня. Похоже, я знаю средство против вашего Избавителя.

Шикай услышал мягкие шаги звериных лап, но никто не напал на него из темноты.

– Надеюсь, госпожа. Надеюсь.

14
1016 г. от О.И.И.
Семя погибели

Шли дни. Вартлоккур оставался в доме Мглы, убеждаясь, что ни она, ни ее новые подданные не оставили в Кавелине непрошенных подарков. Вошел король, и чародей удивленно взглянул на него.

– Нашел что-нибудь? – спросил Браги.

– Пару неактивных порталов. Больше ничего.

– Ей пришлось оставить один работающий, чтобы навещать детей. Можешь настроить его так, чтобы нам на голову не свалилась банда тервола?

– Думаю воспользоваться помощью охранного демона. – Король поморщился, и чародей добавил: – У меня есть один на примете – демон-бюрократ. Он обезвредит любого, кроме Мглы, и передаст его начальству.

– Да брось, – усмехнулся король. – Я серьезно.

– И я тоже. Такой на самом деле существует.

– Что насчет остальных порталов?

– Я их закрыл. Радеахар сейчас ищет, не спрятаны ли какие-нибудь еще за пределами дома.

– А что в Майсаке?

– Все чисто. Мы обыскали его прошлой ночью. Нашли четыре портала.

– Думаешь, она что-то замышляет?

Вартлоккур пожал плечами:

– Полагаю, она пользовалась ими для связи, когда готовила заговор. Но это вовсе не значит, что она не воспользовалась бы ими и позже, если бы мы их не заметили.

– Как малышка?

– Прекрасно. И Непанта уже встала с постели. Мы решили назвать девочку Смиреной.

– Странное имя.

– В старые времена – не особо. Так звали мою мать. Это идея Непанты.

– Что насчет Этриана? Есть новости?

Вартлоккур почувствовал, как его охватывает безрассудная злость, но тут же подавил ее в зародыше.

– Нет, – прорычал он. – Я же сказал, что не желаю об этом говорить. К чему будить спящую собаку? Похоже, мне наконец удалось отвлечь Непанту от этой проклятой темы.

– У меня есть одна проблема, с которой, возможно, ты мог бы помочь. Дети Мглы.

– Непанта сегодня утром про них говорила. Они – дети ее брата. Мы избавим тебя от заботы о них, как только она сможет ими заняться.

Мысль эта особо его не радовала. Он считал себя чересчур старым и закоснелым в своих привычках, чтобы стать достойным отцом для Смирены, не говоря уже о банде приемных племянников.

– Какие у тебя планы? Собственно, кризис почти миновал.

– Но ведь ты позвал меня вовсе не из-за кризиса. Друг мой, ты сыграл в небольшую игру со своей «увлеченностью востоком» и победил. Все закончилось. Теперь нужно вернуться к реальным проблемам, а они весьма серьезны. Ты воспользовался переворотом Мглы лишь затем, чтобы от них отвлечься.

– С Кавелином мы с Майклом как-нибудь справимся. Больше всего меня беспокоит Шинсан.

«В таком случае ты дурак», – подумал Вартлоккур, но не сказал вслух.

– Сомневаюсь. Что ж, мне здесь больше нечего делать. Вернусь к Непанте. Она поймет, что ты во мне больше не нуждаешься, и начнет готовиться к поездке, составляя длинные списки вещей, которые придется взять с собой.

Он подумал, что неплохо было бы задержать Непанту на неделю-другую. Вряд ли Майклу понадобилось бы больше времени, чтобы показать королю, насколько по-настоящему велики его проблемы.

—Он ужинает с королевой, – сказал Даль Хаас. – Его нельзя беспокоить. Я думал, ты на прошлой неделе вернулась в Шинсан.

– Да, но теперь я снова здесь. И если ты немедленно не передашь мое сообщение королю, я наложу на тебя заклятие, которое сделает тебя бесплодным импотентом. Я ясно выражаюсь?

Мгла устала, ей было страшно, и она злилась.

– Ладно. Пусть его гнев обрушится на твою голову.

– Насчет этого я как-нибудь уж побеспокоюсь сама. Просто отнеси наверх записку.

Хаас вернулся через пять минут.

– Все в порядке. Он говорит, что ты можешь подняться.

Мгла отвернулась от зеркала. Выглядела она постаревшей на десять лет, проведя неделю без сна. Она шла за адъютантом короля по коридорам, и ей казалось, будто ноги подгибаются под удвоенным весом.

Хаас провел Мглу в гостиную королевы, где ее встретил король.

– Сюда. Что, нелегко пришлось? – спросил он, ведя ее через покои в столовую. – Может, невежливо с моей стороны, но ты ужасно выглядишь.

– Привет, Ингер.

– Привет, Мгла, – подчеркнуто холодно ответила королева.

Мгла пожала плечами.

– Я ужасно себя чувствую, – сказала она Браги. – Не мог бы ты чем-нибудь угостить усталую старуху? В последнее время мне приходилось есть на бегу, а со вчерашнего дня ни крошки во рту не было.

– Конечно, – ответила Ингер.

Хотя они с Мглой никогда не ладили, она вдруг стала удивительно заботливой. Королева махнула служанке, и та вышла.

Мгла тяжело опустилась в кресло, заметив внезапную перемену, но собственные невзгоды волновали ее куда больше.

– Я полностью вымоталась.

– Что случилось? – нахмурился король. – Что, дьявол тебя побери, ты тут делаешь? Надеюсь, тебя пока не вышвырнули?

– Нет. Пока нет. Я пришла просить о помощи. Опять.

– Какой именно? Ты получила все, чего хотела.

– Речь немного о другом. Я заодно получила и множество проблем. И не могу сама с ними справиться.

Король расположился напротив нее, и взгляд его стал более сочувственным.

– Продолжай.

– Все дело в нашей проблеме на востоке. Я вблизи увидела, что происходит, и все оказалось хуже, чем ожидала. Лорд Сима считал, что справится, но... Браги, его приперли к стене, заставив отступать на сотни миль к древнему городу-крепости под названием Ляонтун. Дальше ему идти некуда, и он намерен дать последний отпор вместе с остатками Северной и Восточной армий.

Браги озадаченно взглянул на нее.

– И что с того? Что это означает для меня?

– Он не просто проиграет сражение, если потеряет Ляонтун. Он не просто потеряет Шинсан. Этот человек сражается за весь мир, который выживет или умрет вместе с ним.

– Неужели? – спросила Ингер. – Мгла, в это трудно поверить.

Мгла не пропустила ее слова мимо ушей – эта женщина ей не нравилась. Она обратилась непосредственно к королю, хотя и отвечала на ожидаемое возражение королевы.

– Браги, Ляонтун – последнее препятствие между Избавителем и сердцем империи. Последняя защита для территорий, где люди теснятся по несколько тысяч на квадратную милю. Если Ляонтун падет, ничто не остановит Избавителя от того, чтобы пожрать население целых провинций.

– Ладно, ты меня заинтересовала. Давай с начала. Я в самом деле не понимаю, о чем ты говоришь.

Мгла начала с догадки лорда Го о восточной пустыне, после которой он послал туда в качестве командующего лорда Сима Шикая. Она собиралась подсократить рассказ, но в итоге выложила все, во всех известных ей подробностях, вплоть до недавнего визита в Ляонтун.

– Армии мертвецов? – пробормотал Браги. – Что, правда? – Казалось, он не знал, пугаться ему или веселиться. – И он может подчинить себе любого убитого?

– Именно так. Он может даже управлять живыми людьми, если они не защищены, хотя это труднее. И животными тоже.

– Мертвые, восстающие против живых. Старая тролледингская легенда, ставшая реальностью... Там, где я вырос, старики любили пугать нас, ребяташек, сказками о мертвецах, которые приходят с гор или из моря, чтобы унести нас с собой. Мы называли их «другами», ходячими мертвецами. Но то были всего лишь страшные сказки долгими зимними вечерами... – Он закрыл глаза и на полминуты задумался. – Мгла?

– Да?

– Ты так и не сказала, почему пришла ко мне. У тебя самая могущественная армия в мире.

– Она связана по рукам и ногам. И еще потому, что Избавитель намерен добраться до тебя после того, как покончит с Шинсаном.

– До меня? Меня лично или вообще до Запада?

– До тебя. Лично.

– Но почему? Я, конечно, многих отправил в могилу, но вряд ли кому-то из них настолько хочется свести со мной счеты, чтобы снова восстать из мертвых.

– Всему виной злоба, Браги. Неприкрытая злоба. Этим темным Избавителем, этим повелителем мертвых движет ненависть. Нечто ужасное настолько его извратило, что его не заботит ничто, кроме желания отомстить – Шинсану и тебе. Ибо, Браги, Избавитель – не кто иной, как Этриан. Мой племянник. Твой крестный. Сын Непанты и Насмешника.

Она ожидала, что новость обрушится на него подобно удару дубиной, и ожидания ее не разочаровали. Браги раскрыл рот, хватая воздух словно вытасченная из воды рыба.

– Но... но... – Он устался на нее, не в силах осознать услышанное.

Королева побледнела, поднесла дрожащую руку к губам. Браги попытался что-то сказать, но не смог.

– Это правда, Браги. Клянусь чем угодно. Нечто на востоке спасло его от Праккии. Все это время он провел там. Это нечто сделало его орудием разрушения и вместилищем ненависти, наделило его невероятным могуществом, а потом утратило над ним власть. Я видела его в Ляонтуне, Браги. Физически он выглядит как обычный подросток. Но в душе он больше не Этриан. Он скорее напоминает воплощение обезумевшей природной стихии.

Ингер что-то бессвязно пробормотала. Браги застонал.

– Я ей верю. Только взгляни на нее – она до смерти напугана. Теперь понятно, почему Вартлоккур так злился при любом упоминании об Этриане. Он все знал.

– Ты прав. Мне так страшно, что я с трудом соображаю, – призналась Мгла. – Мне хотелось сбежать... До сих пор жалею, что не свалила все это на лорда Го. Я о таком не договаривалась. Знаешь, какой я останусь в истории, если не сумею остановить Этриана? Если вообще сохранится хоть какая-то история?

– Теперь я по-настоящему понимаю Вартлоккура, – пробормотал Браги.

– Что?

– Он все знал. Давно знал. С тех пор как здесь появился, он несколько раз намекал, что Этриан, возможно, жив, и вел себя так, будто боролся с собственной совестью. Теперь я понимаю, что он имел в виду, когда говорил, что не может ничего рассказать Непанте, поскольку это ее убьет. – Он с трудом поднялся с кресла. – Он даже угрожал мне, когда я посоветовал сказать ей, что есть вероятность, что Этриан жив.

Мгла взглянула на Браги. Он был смертельно бледен и столь же напуган, как и она. Он ей поверил, и она почувствовала, как с плеч свалилось тяжелое бремя. «Страх пережить легче, если с кем-то им поделиться», – подумала она, вспомнив урок для молодых солдат.

– Пойдем поговорим с ним, – предложил Браги.

– Мне потребуется и его помощь, – согласилась она. – И почти наверняка – помощь Непанты.

Король поморщился:

– На него особо не рассчитывай. Он полон решимости держать ее в неведении.

– Я его уговорю. Придется.

– Будь осторожнее. Никогда еще не видел его столь раздражительным. Он говорил, что, если я намекну ей хоть словом, помощи от него могу больше не ждать.

Ингер вскинула взгляд, и в ее глазах сверкнули недобрые искорки. «Что за дьявольщина?» – подумала Мгла.

– Гм, – пробормотала она.

В иных обстоятельствах этим наблюдением можно было воспользоваться, но не сейчас. Все, чего ей теперь хотелось, – разрешить вставшую перед ней дилемму.

Служанка королевы принесла еду, о которой просила Мгла. Схватив тарелку с главным блюдом, она начала есть на ходу, пока король вел ее по продуваемым сквозняками коридорам

замка. Расспросив встречавшихся им слуг, они пришли в небольшую библиотеку, где и нашли Вартлоккура.

Когда они вошли, чародей привстал, увидев перепуганную Мглу, и совершил жест против дурного глаза. Прежде чем он успел что-либо сказать, она начала рассказывать, и его смятение сменилось отчаянием. Она вполне могла представить охватившую его бурю чувств, хотя обычно он напоминал камень.

– Хватит, женщина, – бросил он. – Мой ответ – нет. Я за это не возьмусь. Найди другой способ.

– Но...

– Я не могу позволить, чтобы Непанта увидела, кем он стал. Она смирилась с его смертью, и пусть для нее он остается в могиле.

– Что ты ей скажешь, когда сюда доберутся его мертвецы? – спросил король.

– Мгла преувеличивает. Его войско раньше развалится на части.

– Это ты прячешь голову в песок, – огрызнулась Мгла. – Они устояли против лучших наших воинов. Вначале он ошибался, – в конце концов, он все еще ребенок. Но он быстро учится и с каждым днем будет становиться сильнее – пока те трое или четверо, которые больше всего для него значат, не разорвут сковавшие его цепи ненависти.

Лицо чародея побагровело от гнева.

– Твои слова полны убежденности и страсти, но ты сама не понимаешь, о чем просишь.

Мой ответ – нет.

– Тогда отправь туда Радеахара, – предложил Браги. – Пусть ложь станет правдой.

– Ложь? Правдой?

– Прикажи Радеахару его убить.

– Нет... послушайте... вы не понимаете. Я ничем не могу помочь. Это твоя проблема, Мгла, – ты с ней и разбирайся. Браги, я уже говорил: если расскажешь Непанте...

– Угу, угу, знаю. Я ничего ей не скажу, хотя думаю, что ты ошибаешься. Страшно ошибаешься. Но я ничего не скажу.

– Ты неразумно поступаешь, Вартлоккур, – сказала Мгла.

– Попытайся меня понять. Я хочу защитить жену.

– Ты недостаточно ей доверяешь, – заметила Мгла. – На самом деле у нее намного более крепкие нервы, чем может показаться. По-другому и быть не может.

– Сомневаюсь, что ты вообще ее защищаешь, – добавил король. – Мне кажется, ты защищаешь себя, от собственной неуверенности. Ты боишься перемен, которые могли бы повлиять на ваши отношения...

– Хватит! – бросил чародей. – Вспомни, как поступил с тобой Тинг, когда решался вопрос о престолонаследии. Помнишь, как прошло голосование? Понимаешь, что это значит! – Он зловеще улыбнулся. – Без меня тебе не обойтись.

– Чародей, я терпеть не могу, когда мне выкручивают руки.

– Что ж, привыкай.

– Раньше мы с тобой были по разные стороны. Я вполне могу прожить без тебя.

– Я тебя предупредил. Держись подальше от моей жены. – Вартлоккур посмотрел на Мглу, которая пошатнулась под его взглядом. – Избавитель – твоя проблема, женщина. Этриан мертв.

Она бессильно обмякла, и король взял ее за руку.

– Мы впустую теряем время. Он окончательно спятил. Может, нам сумеет помочь Братство. У тебя ведь там есть друзья?

– Мне нужно не колдовство, – ответила Мгла. – Этого у нас в Шинсане более чем достаточно. Мне нужны те, кто пробудят в Этриане человеческие чувства.

– Что-нибудь придумаем. – Браги обернулся через плечо. – Я тебе это еще припомню, чародей.

Вартлоккура застигла врасплох его злость, но лишь на мгновение. Он швырнул на пол книгу, отчего Мгла подпрыгнула – нервы и без того уже были на пределе.

– И что теперь? – спросила она, когда за ними закрылась дверь.

Ощущение собственного бессилия, из-за которого пришлось отправиться на запад с просьбой о помощи, ей нисколько не нравилось.

– Полагаю, нам придется обходиться собственными силами. Может, тетя и крестный справятся и сами. Идем. Нужно сказать Гьердруму и Дерелю, куда я отправляюсь. Старик Кранкворт был прав в одном: меня ждет немало неприятностей, судя по тому, что провернул Тинг, пока мы сажали тебя на трон. Мне нужно быть уверенным, что на время моего отсутствия кто-то прикроет мою задницу. Иначе, вернувшись, я могу обнаружить, что стал безработным.

– Вдвоем нам отправляться нет особого смысла. Мы воплощаем в себе все, что так ненавидит Этриан. Вряд ли сейчас кто-то способен проникнуть в его душу, кроме матери.

– И все же, думаю, стоит попытаться. Если он настолько опасен, как ты говоришь.

– Пожалуй, да.

– Как долго ты можешь ждать? Вдруг Вартлоккур все же одумается.

– Недолго. Лорд Сыма упрям, но вечно держаться не может.

– Если у тебя есть любимый бог – вознеси ему молитву. Может, Вартлоккур успокоится, и здравый смысл возобладает. Если все в самом деле так плохо, как ты говоришь... Он, в общем-то, вполне приличный человек. И у него есть совесть.

– Возможно. А может быть, он просто старый слепой дурак.

Вартлоккур вернулся в свои покои через час после встречи с Мглой и королем. Руки его все еще дрожали, и ему было страшно. Прошли века с тех пор, как его в последний раз охватывал подобный гнев, и ему пришлось воспользоваться старыми способами времен ученичества, чтобы хоть сколько-нибудь успокоиться.

Что-то с ним было не так. Разум его словно окутывал некий дурман. Прежде он никогда не терял самообладания. Неужели Браги прав и его настоящая проблема – всего лишь детская неуверенность в себе?

Могла ли Непанта справиться с подобным? Или только он сам считал, что у нее недостаточно крепкие нервы?

Не питал ли он ложную надежду, решив, что Этриан в конце концов погубит сам себя?

Он зажег свечу, сел и попытался читать старый рукописный текст, в котором, как утверждалось, описывалась истинная история происхождения человека в этом мире. Но выведенные каллиграфическим почерком буквы расплывались перед глазами.

Проклятье! Его мир разваливался на части. Ему потребовались столетия, чтобы наконец начать достойную жизнь, но внезапно все повисло на волоске. Да, дьявол побери, от прежней его уверенности не осталось и следа. И все же, после стольких лет сражений, он вполне заслужил хоть чего-то хорошего на всю оставшуюся жизнь...

На колени упала чья-то тень, и он подпрыгнул от неожиданности.

– Непанта! Почему ты не в постели? Ты уже немало времени провела на ногах, и тебе нужно отдыхать...

Вартлоккур взглянул в лицо жены, и в душе у него все оборвалось. На него, словно удар молота, обрушился страх. Она была в теплой уличной одежде и держала на руках укутанного младенца.

– Мне нужен мой сын, Варт.

– О нет, – тихо проговорил он. – О нет. Зачем?

– Этриан ведь жив? Ты знал это с самого начала. Ты лгал мне.

– Нет, милая. Я говорил тебе...

– То, что ты говорил, – ложь. Ложь, ложь, ложь. Он в Шинсане, в месте, которое называется Лянтун. И ты не хотел, чтобы я об этом знала.

Он почувствовал, как в нем снова закипает гнев.

– Я же его предупреждал...

Непанта, сама охваченная холодной яростью, даже не дрогнула.

– Кого ты предупреждал? Как ты со мной поступаешь? Варт, я хочу увидеть сына. Слышишь? Мгла где-то здесь, она к тебе приходила. Я отправляюсь вместе с ней.

Не обращая на нее внимания, Вартлоккур направился в их спальню и устался в пустую колыбель Смирены. Постояв так какое-то время, он подошел к окну.

– Приди, Радеахар. Приди, мой единственный друг.

– Почему ты мне лгал? – спросила Непанта. – Проклятье, Варт, я к тебе обращаюсь! Отвечай!

Он развернулся к ней:

– Они сказали тебе, кем стал твой сын?

– Кто – они, дьявол тебя побери? О ком ты? Объясни.

– Рагнарсон и та шинсанская сука.

– Я никого из них не видела. При чем тут вообще они? Не важно. Расскажи мне про Этриана. А потом найди Мглу и скажи, что я иду с ней.

Охваченные злостью, они все громче и пронзительнее кричали друг на друга. Появился Нерожденный и повис у окна, но его никто не замечал.

– Ладно, будь ты проклята! – внезапно заорал Вартлоккур. – Идем. Пусть это будет на твоей совести, женщина. – Развернувшись, он вышел, громко топая и бормоча: – Браги, ты мне за это заплатишь. На этот раз ты сам себе перерезал горло, и вокруг тебя уже кружат волки. А я буду сидеть и смеяться, глядя, как они раздирают тебя на куски.

Непанта ошеломленно смотрела вслед мужу. «Что это все значит? – подумала она. – Весь этот шум насчет Браги и Мглы...» Никого из них она давно уже не видела. Наверняка они тоже обо всем знали, и их держали подальше от нее. Она и сама бы ничего не узнала, если бы об этом мимоходом не упомянула королева, пришедшая взглянуть на Смирину.

Бедная Ингер. Теперь на нее тоже накричат.

К дьяволу их всех. Вообще всех. Она намеревалась увидеть сына, и ее нисколько не волновало, понравится им это или нет.

15
1016 г. от О.И.И.
Ляонтун

Мертвые воины Этриана принесли кресло, украденное из поместья возле Ляонтуна, и он удобно в нем устроился. Сааманан сидела рядом на земле, опираясь о кресло.

– Можешь теперь рассказать, что ты задумал?

– Пожалуй, да. – Ему больше не доставляло радости ее дразнить. – Я использую против них животных. И тела тех, кого эти животные убьют.

– А если их всех перережут?

– Кого поймают – возможно. Собак, кошек, лошадей и прочих. Но как ты уберешься от крыс, которые нападут на тебя во сне?

– Возможно, и получится. Планируешь осаду?

– Мы можем себе ее позволить. Помощи им ждать неоткуда. Для нас это решающее сражение.

– Что насчет войска? – Она кивнула в сторону ближайших мертвых воинов. – От них будет толк лишь в течение нескольких дней.

– Впустую они не пропадут. Давай начинать. Охраняй меня.

Освободившись от тела, он поплыл в город. Ляонтун напоминал лабиринт извилистых улиц и чуждой архитектуры. Целые кварталы опустели, и вполне можно было набрать в свои ряды брошенных животных...

Противник был занят подготовкой к обороне, и особой тревоги в его действиях не чувствовалось. Сражение в лесу вернуло им уверенность в себе. В сомнениях пребывали лишь тервола, обсуждавшие, что делать с животными...

Промчавшись по темным улицам, он нашел конюшню и завладел тусклым разумом лошади. Та встала на дыбы, ломая стойло и швыряя наземь конюха.

Овладев телом, Этриан нашел вилы и выскользнул в ночь. Подкравшись сзади к легионеру, он замахнулся...

Так продолжалось несколько часов. Враг ответил на угрозу – к рассвету ни один солдат не появлялся на улице в одиночку. На следующий день лорд Сыма приказал уничтожить всех животных. Этриан вернулся в свое тело.

– У тебя усталый вид, – заметила Сааманан.

– Да, немного вымотался. Как, жарко тут было?

Она обвела рукой вокруг. Земля обуглилась, а его кресло превратилось в щепки.

– В какой-то миг мне даже показалось, что нам конец. Я едва продержалась.

– Они собираются убить всех животных. Пора посылать мертвецов.

– Не хочешь отдохнуть?

– У меня нет времени.

– Этриан...

– Спокойно.

Он собрал все управлявшие мертвецами ниточки, и трупы заковыляли к городу. В воздух взмыли драконы. Некоторые несли на себе нескольких всадников, некоторые поддерживали штурмующих город. Легионы прекратили резать живность и поспешили на стены.

Этриан атаковал, пока от его войска почти ничего не осталось. Они с Сааманан оказались единственными выжившими за пределами Ляонтуна, однако в самом городе, в брошенных кварталах, он припрятал около тысячи тел.

Он блуждал по городу в виде бестелесного духа, иногда проскальзывая в тело какого-нибудь животного, чтобы послушать разговоры. Его враги вымотались не меньше, чем он сам.

Несмотря на усталость, бойня продолжилась. Часть солдат начала обыскивать дом за домом в поисках мертвецов.

Этриан вернулся к Сааманан.

– Отдохни, Этриан, – настаивала она. – Ты сам себя погубишь.

– Еще одно, просто чтобы чем-то их занять. Потом отдохну.

Он вернулся в Ляонтун в поисках крыс – и, естественно, нашел их, поскольку Ляонтун был старым городом, населенным всевозможными вредителями.

Этриан начал со штаб-квартиры лорда Сыма. По комнатам внезапно промчались сотни крыс, опрокидывая светильники. Большую часть пожаров сразу же погасили, но некоторые начались там, где их сразу никто не заметил.

– Это их на какое-то время займет, – сказал Этриан, вернувшись в свое тело. – Разбуди меня, если случится что-нибудь важное.

Он проспал четырнадцать часов, но даже этого не хватило, чтобы полностью восстановить силы.

– Что случилось? – спросил он.

– Ничего. Они были слишком заняты тушением пожаров.

Он снова отправился в город, где уже гасили последние очаги возгорания. Усталые легионеры, шатаясь, возвращались в казармы, проклиная его и молясь за остальных. Но он не дал им передышки.

То тут, то там он подсылал крыс, чтобы перегрызали артерии на шеях спящих, а затем поднимал мертвых против живых, перемещаясь от казармы к казарме. Тервола поставили караулы, и тогда он переключил свое внимание на самую штаб-квартиру, а потом на стену, насылая животных на часовых. Воспользовавшись помощью мертвецов, чтобы открыть ворота, он привел в город лесных зверей. «Замешательство и страх, замешательство и страх», – напевал он про себя.

Он вывел из пустых кварталов спрятанных солдат, и те начали медленно смыкать ряды вокруг штаб-квартиры лорда Сыма...

В городе больше не осталось крупных животных, а на то, чтобы набрать новых в лесу, у него не было времени. Тервола обратили свое магическое искусство на уничтожение мышей, крыс и белок.

– Началась гонка, – сказал он Сааманан. – Однако мне все же удалось их отвлечь, и, если повезет, при следующей атаке погибнет столько тервола, что ты легко справишься с остальными.

Атака продолжалась три часа, после чего он вернулся к Сааманан.

– Думаю, этого достаточно. Закончим после того, как я отдохну.

– Этриан, что-то случилось с Великим.

– Что?

– Не знаю. Я больше его не чувствую, и это меня тревожит.

– Это важно?

– Возможно. Он может нам снова потребоваться.

– Он что-то замышляет?

– Не знаю.

– Слетаем и посмотрим, когда все закончится.

– Не выйдет. Драконов больше нет.

Тон ее голоса не понравился Этриану, и он резко взглянул на нее.

– Хочешь мне что-то сказать?

– Нет... Да. Этриан, ты снова стал таким же, как Нахамен. Ты так же полон злобы и ненависти, и тебе не хватает здравомыслия.

– Успокойся. Мне нужно поспать. Покончим с ними, когда я проснусь.

Красное утреннее солнце висело низко над горизонтом, когда Этриан пробудился от тяжелых сновидений. Сааманан трясла его за плечо.

– Что такое? – проворчал он.

– Проснись. Они что-то задумали. Смотри! – Она показала в сторону города.

К ним приближались солдаты. Приземистый коренастый тервола нес белый флаг. Возле ворот рассредоточились его телохранители. По обе стороны от тервола шли две женщины, а рядом с каждой шагал мужчина.

– О небеса, – потрясенно проговорил Этриан. – О нет...

– Что? Что случилось, Этриан?

Дыхание его стало хриплым. Где-то глубоко в его душе что-то пошевелилось, будто зыбкая тень. Он закричал, и на него обрушилась тьма. Мир исчез.

– Этриан! – Сааманан растирала его запястья, била по щекам. – Очнись! Прошу тебя! – Она бросила взгляд в сторону города. – Они уже почти здесь! Мне нужен кто-то, кто сказал бы, что делать!

Шикай стоял как на параде, не обращая внимания на боль от ран. Принцесса со свитой вошла в командный центр. Он вытянулся по стойке смирно, и немногие его выжившие командиры отдали честь. Мгла потрясенно уставилась на них.

– Что случилось, лорд Сыма?

– Мы выстояли, госпожа.

Шикай взглянул на ее спутников – двух мужчин и женщину западной внешности. Женщина держала на руках младенца. Мужчина помоложе выглядел воинственно. Взгляд его метался из стороны в сторону, плотно сжатые губы побледнели. Худощавый мужчина постарше был чем-то рассержен. Шикай вопросительно посмотрел на принцессу.

– Чародей Вартлоккур. – Она показала на мужчину постарше. По спине Шикая пробежал холодок. – Его жена Непанта и их дочь.

Шикай поклонился женщине:

– Приветствую, госпожа.

– Я должна перевести, – сказала Мгла.

Шикай кивнул, глядя на третьего. Телохранитель чародея?

– Браги, король Кавелина, – продолжала Мгла.

Шикай подобрался. Его командиры гневно дернулись, но он жестом предостерег их.

– Тот самый Рагнарсон? Баксендаль и Пальмизано?

– Тот самый.

Один тервола шагнул вперед...

– Мэн Чао! Веди себя пристойно. Госпожа, по вине этого человека он потерял троих братьев, четверых сыновей и легион.

Шикай встал напротив Рагнарсона, возвышавшегося над ним на голову. Сняв маску, он посмотрел королю в глаза, но не увидел в этих голубых озерах страха. Тот что-то сказал.

– Он говорит, ты похож на честного солдата, – перевела Мгла. – Первого, кого он встречал среди тервола.

– Тебе еще предстоит узнать, что я упрямее самого лорда Го, – улыбнувшись, ответил Шикай, а затем, дождавшись перевода Мглы, спросил: – Госпожа, что все это значит?

– Эти люди когда-то были близкой родней Избавителя. Его дед, мать и крестный отец.

Командиры снова тревожно задергались.

– Госпожа?

– И еще он – мой племянник по мужу. Лорд Чинь похитил его во время той истории с Праккией. Мы думали, что его нет в живых. Но ему каким-то образом удалось выжить, заключить союз с вашим божеством и выступить против нас, считая, будто мы повинны во всех его несчастьях.

Шикай принялся расхаживать по комнате.

– Что ты предлагаешь, госпожа? – наконец спросил он.

– Поговорить с ним. Разбить в прах его иллюзии. Лишить его повода уничтожить империю.

Шикай окинул взглядом посетителей.

– Вряд ли у этих людей есть причины нам помогать.

– Есть. Свои личные.

– Что ж, тогда попробуем. Панку – охрана.

– Есть, господин! – Панку отдал честь и вышел. Через несколько минут он вернулся. – Готово, господин.

– Из-за Избавителя теперь невозможно ходить по улицам без охраны, – объяснил Шикай.

Город представлял собой выжженные руины, разрушенный ударами череполицых. На каждой улице лежали груды обугленных костей.

Мгла что-то сказала, и Рагнарсон проворчал в ответ невнятное, удивляясь масштабам разрушений. Чародей, казалось, вообще никак не отзывался на происходящее, все так же едва сдерживая гнев, причиной которого, похоже, была его жена. Слегка поотстав, Шикай снял маску и, взглянув на младенца, одобрительно улыбнулся. Женщина улыбнулась в ответ.

– Почему так тихо? – спросила Мгла.

– Затишье перед бурей. Он отдыхает.

– Ты сумеешь снова его остановить?

– Сомневаюсь. Это наш последний шанс.

Солдаты распахнули перед ними ворота. Панку протянул начальнику палку с привязанным к ней куском белой ткани. Шикай вышел из города.

– Оставь охрану здесь, Панку.

– Господин?

– Если мы с принцессой и чародеем Вартлоккуром не справимся сами, надеяться все равно больше не на что.

– Как прикажешь, господин.

Развернувшись, Панку поспешил на стену и нашел легкую баллисту, после чего зарядил ее с не меньшим старанием, чем его командир при подготовке заклинания. Стоило Избавителю пойти на какую-либо хитрость или предательство, и он тут же узнает, на что способен Панку.

Шикай направился к холму, на котором женщина будила Избавителя. Он шагал уверенно и целеустремленно, не выдавая страха перед уроженцами Запада.

Избавитель встал, откинул волосы назад, уставился на идущих к нему и рухнул без чувств. Женщина опустилась рядом с ним на колени. Наконец он снова встал, всем своим видом демонстрируя высокомерие, и взмахнул рукой. Из-за холма появилась пантера и улеглась у его ног. За ней последовал медведь, сев по правую руку от него. Слева от женщины расположился громадный лесной буйвол с диким взглядом.

– Не спускай глаз с женщины, – сказал Шикай Мгле. – Что с ним такое?

– Он знает этих людей. И пытается представить, что они о нем думают.

– Понятно.

Шикай остановился в пяти шагах от Избавителя. «Пантере вполне хватит короткого прыжка», – подумал он, бросив на мальчишку гневный взгляд. Неужели этот сопляк уничтожил две армии?

Мгла остановилась рядом с ним. Рагнарсон и Вартлоккур последовали ее примеру, но женщина с младенцем двинулась дальше.

– Этриан? – произнесла она на своем языке. – Этриан, смотри, это твоя сестренка. Ее зовут Смирена.

В глазах юноши появилась невыносимая мука, по щекам потекли слезы.

– Мама, – всхлипнул он. – Я думал, тебя убили. Я думал, тебя убили. Мне сказали, что...

Непанта переложила Смирену на левую руку и правой обняла юношу, прижав его к плечу.

– Все хорошо. Все хорошо, Этриан. Все закончилось. Все хорошо.

Воздух словно застыл. Не слышалось ни единого звука, кроме рыданий юноши. И тем не менее волосы и одежда женщины в белом вдруг зашевелились, словно от поднимающегося ветра. Шикай взглянул на Мглу.

– Госпожа?

– Не беспокойся. Она рада за него.

Между женщинами, похоже, шел безмолвный диалог. Мгла кивнула.

Что-то спустилось с неба и повисло над холмом.

– Нерожденный, – пробормотал Шикай.

Он слышал об этом создании, но оно оказалось намного отвратительнее, чем можно было себе представить.

Лесной буйвол фыркнул и ускакал прочь. За ним, неуклюже переваливаясь с боку на бок, последовал медведь. Пантера изящно поднялась, лизнула лапу и направилась в сторону зарослей. Непанта повела сына к городским воротам.

Шикай снова взглянул на Мглу.

– Все закончилось, лорд Сыма. В самом деле закончилось. Идем.

Мимо него прошли мать и сын. Он двинулся следом за ними вместе с чародеем и королем. Обернувшись, он увидел идущих позади Мглу и женщину в белом. Та скорее плыла над землей, чем шла.

Напряженность вдруг спала, и на него навалилась усталость, смешанная с разочарованием. Он даже не представлял, в каком напряжении пребывал...

Все случилось внезапно. Этриан не замечал ничего подозрительного, пока его мать не отшвырнуло в сторону, а сам он вдруг окаменел, окруженный темным сиянием.

В воздухе затрещало. На Шикая навалилось то же самое чувство, что и перед катастрофой на реке Тусгус.

– Госпожа! Принцесса!

Бросившись вперед, Вартлоккур подхватил жену, не дав ей упасть. В руках Рагнарсона с магической быстротой возник меч, он присел, что-то рыча на западном наречии.

– Этриан! Прекрати! – закричала Мгла.

Шикаю послышалось в ее голосе эхо той, другой женщины.

Он повалил юношу на землю, но тот словно превратился в камень, Шикай стиснул пальцы на его горле.

На стене Ляонтуна засуетились. Беспорядочно забегали телохранители. Король взревел, и его меч рассек воздух над головой Шикая.

Тело юноши выгнулось дугой. Вскочив на ноги, Шикай увидел, как король вытаскивает из земли сломанную стрелу, выпущенную из баллисты и не успевшую завершить свой смертельный полет.

– Я перед тобой в долгу, западник.

Он повернулся к Избавителю. Взгляд юноши был полон безумия. Его мать рыдала на груди чародея. Рот Этриана медленно приоткрылся.

Мимо Шикая прошла женщина в белом, и он услышал далекий голос:

– Этриан?.. О нет! Это не он. Им овладел каменный бог.

– Не может быть, – бросил Шикай. – Мы его уничтожили.

Вместе с Су Шэнем, Панку и лордом Го... Или все же нет?

Вартлоккур мягко передал жену Рагнарсону, – похоже, они все же доверяли друг другу. Он слегка шевельнул рукой, и Нерожденный подплыл ближе.

– Нет. Не надо, – сказала женщина в белом. – Это я его призвала, и будет лишь справедливо, если я же его и изгоню.

Лицо юноши исказила чудовищная гримаса, будто внутри него шла яростная борьба. Широко раскрыв рот, он пытался вздохнуть, пытаясь поднести к губам руки, которые беспомощно застыли в нескольких дюймах от его лица.

В воздухе затрещало, как и тогда, перед катастрофой на Тусгусе. Схватив горсть земли, Шикай метнулся вперед и забил ею рот Избавителя, с силой ударив другой рукой в грудь юноши и почувствовав, как под его пальцами затрещали кости.

Голос Сааманан, казалось, доносился отовсюду и ниоткуда, подобно рыданиям тысяч матерей, узнавших, что случилось с их сыновьями во время злополучной западной кампании лорда Го. Юноша повернулся к ней, побледнев и схватившись за грудь.

– Сааманан! – прохрипел он. – Нет! Прошу тебя... Я дам тебе что угодно, могущество, которое дал ему. Я дам тебе Слово. Ты станешь королевой всего мира.

Рыдания стали громче. Шикай зажал ладонями ушные отверстия своей маски, но не мог их заглушить.

Избавитель шире раскрыл рот, его вырвало, и он снова набрал в грудь воздуха, собираясь закричать.

Голос Сааманан сорвался, и юноша снова окаменел. Фигура его замерцала, распадаясь на двух разных Этрианов, и один был лишь слабой тенью другого. Над ним закружился искрящийся туман, а потом остался лишь черный силуэт Этриана, который медленно раскачивался, пытаясь шире раскрыть рот.

По телу юноши, потрескивая, пробежало пламя, и от него начали отваливаться тлеющие клочья. Поднявшийся ветер унес клубы дыма. Внезапно то, что осталось от Этриана, со свистом умчалось в небо, превратившись в увеличивающееся ревущее черное облако.

Шикай ощутил тот же отчаянный беззвучный крик, который раздался, когда он швырнул шкатулку в портал на острове Су Шэня. Земля на том месте, где стоял юноша, задрожала, и над ней возник мерцающий воздушный купол.

– Он ушел, – сказала женщина в белом. – И я должна последовать за ним. Больше мы не доставим вам никаких хлопот. – Хотя ветер не унимался, но ее одежда не шевелилась. Она повернулась к рыдающей на груди Рагнарсона женщине. – Мне очень жаль. Скажи ей, что мне очень жаль. Я не хотела никому причинить боль. Я просто не нашла в себе силы воли, чтобы...

Шикай больше ее не слышал, – казалось, свет теперь проходил через нее насквозь.

– Ты прощена! – крикнул он и повернулся к Мгле. – Принцесса, с тобой все в порядке?

– Да. Так, легкое потрясение. Я думала, ты избавился от того божка.

– Я считал, что избавился. Мы швырнули его в портал, откуда не было выхода. Как он сбежал?

Впервые за все время послышался высокомерный голос чародея Вартлоккура:

– Подумай сам, лорд Сыма. В телепорт-потоке не существует времени, как не существует и смерти. Теперь мы наконец знаем природу кошмара, который таился там с тех пор, как Туан Хуа открыл первую пару порталов. Это было то самое существо. Оно выжило после того, как ты от него якобы избавился. Оно странствовало туда и обратно сквозь века, охотясь на неудачливых путешественников. Выбрав момент, когда Этриан единственный раз прошел через телепорт, оно проникло в него и погрузилось в спячку, пока его не пробудило собственное отсутствие в настоящем. С чего ты решил, что юноша с радостью стал рабом этой безумной твари? На него это не похоже. Не обладай он силой и упрямством отца, он поддался бы куда быстрее и полностью.

Повернувшись, Вартлоккур забрал у Рагнарсона свою жену.

– Прости, милая. Я пытался тебя от всего этого защитить.

– Ты был не прав, Варт. Тебе не следовало меня защищать. Я уже не ребенок. Мы могли бы его спасти, если бы явились раньше.

Взгляд чародея пронзил боль.

Шикай смотрел на темный столб дыма и мерцающий купол над местом гибели Избавителя, безуспешно пытаясь найти хоть какой-то повод для радости. Его война закончилась победой, но он чувствовал себя проигравшим. Он тяжело побрел к городу, и остальные последовали за ним, кроме чужой женщины, которая осталась возле места гибели сына.

Навстречу Шикаю спешил Тасифэн.

– Господин... Твой человек, Панку...

– Что? – Шикай побежал на подгибающихся ногах.

Панку лежал поперек баллисты, из которой вылетела отраженная Рагнарсоном стрела. У него было перерезано горло, а у ног лежали останки еще одного человека, почти разложившиеся.

– Он умер, защищая тебя, господин, – сказал Тасифэн.

Драгоценные камни в маске Шикая намокли от слез. Он не стал поправлять Тасифэна. Каменный божок отомстил, убив ординарца и использовав тело десятника, чтобы выпустить стрелу в его командира.

– Он был для меня словно сын, лорд Лунюю. Словно сын и брат. Мы проводим его со всеми почестями, какие полагаются герою.

Опустив плечи, Шикай повернулся в сторону восходящего солнца. Лорд Сыма Шикай, сын свинопаса, командующий войсками и герой Востока. Он насмешливо фыркнул.

Непанта подошла к мерцающей тьме настолько близко, насколько это было возможно, пытаясь найти в душе хоть какие-то чувства, но не ощущала ничего, кроме пустоты и горечи из-за того, что Вартлоккур скрывал от нее правду. Теперь ей было все равно: в любом случае Этриана она лишилась в тот миг, когда дьяволы из Праккии запихнули его в портал.

Кого еще она могла винить, кроме себя самой?

Сквозь темный столб пробивались лучи солнца. Подняв взгляд, Непанта увидела, что тьма рассеивается. Женщина в белом превратилась лишь в дрожание воздуха, словно от поднимающегося над голыми камнями жара. Мерцание в том месте, где погиб Этриан, теряло цвет, становясь похожим на молочный водянистый туман.

Она взглянула на город. Коренастый низенький тервола обогнал всех и был уже у ворот. Браги и Мгла шли рядом, о чем-то разговаривая. Судя по жестам Браги, он пребывал в полном унынии.

Вартлоккур остановился и выжидающе посмотрел на нее с расстояния в двести ярдов. Нерожденный парил над его головой. Непанта посмотрела на него в ответ. Впереди ждала новая жизнь. Последнее, что осталось от прежней жизни, лежало теперь мертвое у ее ног. Наступил конец эпохи...

Мерцание погасло, и на его месте перед Непантой возникло тело сына.

– Но... – пробормотала она. – Я же видела, как он взорвался. Точно видела.

Она отчаянно замахала руками, зовя Вартлоккура. Чародей неохотно направился к ней – их отношения всерьез пострадали после столь многих резких слов.

Этриан застонал.

– Проклятье, да поторопись же ты! – закричала Непанта. – Варт, прошу тебя!

Почувствовав, как пошевелился юноша, чародей бегом устремился к ним.

Этриан приоткрыл глаза.

– Мама? – прохрипел он.

Непанта бросилась ему на грудь и разрыдалась.

Приказ принцессы был короток, но четок. Шикай немедленно явился к ней. Как и его собратья, он не покидал казарм, в то время как Рагнарсон и Вартлоккур оставались в Ляонтуне. Те двое значили для него намного меньше, чем для большинства тервола, но он поддерживал своих из солидарности и в интересах боевого духа. У него сложилась хорошая команда, и ему следовало быть на их стороне, так же как они были на его стороне в схватке с Избавителем.

– Госпожа? – спросил он, стоя по стойке смирно посреди руин бывшей штаб-квартиры.

– Они ушли. Можешь отменять торжества.

– Как прикажешь, госпожа.

– Хочу тебя похвалить, лорд Сыма. И вознаградить. У меня есть для тебя новое задание – если ты готов за него взяться.

– Я солдат, госпожа. Мне приказывает империя.

Что за новое задание? Матаянгский фронт? Вряд ли он был бы рад угодить в этот кровавый котел.

– Нет, не Южная армия, – улыбнулась Мгла. – То, чего хотел бы каждый тервола: командование Западной армией.

Шикай прищурился под маской. Западная армия? Воистину, лакомый кусочек. Престижная должность. И все же он решил спросить прямо.

– Но почему? А что с лордом Суном?

– Мне нужен на западе командир, который будет занят делом, а не строить интриги против меня или вести свою политику. Тот, кто не станет исходить пеной изо рта ради мести. – Она улыбнулась и тихо добавила: – К тому же я терпеть не могу лорда Суна.

Шикай был лишь мимолетно знаком с Суном, но все же кивнул. Единственная положительная черта лорда Суна, о которой он знал, заключалась в том, что тот мог быть весьма хорошим командиром, когда обстоятельства вынуждали его сосредоточиться на своих обязанностях.

– Когда я тебе нужен? – спросил он.

– Убрать его – довольно-таки деликатная задача, но в любом случае до конца года. До этого времени можешь быть свободен. Здесь тебя заменит мой друг лорд Цянь.

– Что ж, воспользуюсь временем, чтобы поближе познакомиться с ситуацией на западе. – «И еще, – подумал он, – чтобы начать бесплодные поиски кого-нибудь на замену Панку».

– Прекрасно. Я не могу заставить тебя взять отпуск, хотя была бы не против.

– Я слишком долго тянул эту лямку, госпожа. Еще один вопрос: Рагнарсон с чародеем помирились? Это может быть важно.

Улыбнувшись, Мгла встала и, шагнув к Шикаю, на мгновение его обняла.

– Спасибо тебе, лорд Сыма. За все, что ты сделал. – И добавила, уже направляясь к выходу: – Увы, нет. Та женщина пыталась их помирить, но Вартлоккур чересчур упрям.

Лорд Сыма Шикай улыбнулся под звериной маской. После того, что ему довелось пережить на востоке, все прочее казалось простым и легким.

Под знаменем злой судьбы

Пролог

**1013 г. от основания империи Ильказара
Замок Грейфеллс в герцогстве
Грейфеллс, Северная Итаския**

Полковник шагал по безмолвным коридорам, словно нервная пантера по клетке. Слуги уступали ему дорогу, глядя вслед. Казалось, его окружает некая излучающая опасность аура.

Подойдя к нужной комнате, он взглянул на дверь и переступил с ноги на ногу, опасаясь того, что ожидало его по другую сторону. Дверь была не просто входом в помещение – она могла стать дверью в будущее, запах которого крайне ему не нравился.

Что-то назревало. Прибыв накануне вечером, он обнаружил, что в замке царит напряженная атмосфера. Герцог что-то замышлял, и его люди были напуганы. Все недавние герцоги участвовали в заговорах, которые закончились неудачей, и каждая такая неудача оборачивалась жестокими репрессиями в отношении семьи и ее слуг.

Взяв себя в руки, полковник постучал в дверь.

– Входи.

Он вошел. За длинным столом сидели шестеро, а во главе него – сам герцог, который жестом показал на место в другом конце стола. Полковник сел.

– Итак, положу конец домysłам, – сказал герцог. – Наша двоюродная сестра Ингер получила предложение выйти замуж.

– Значит, из-за этого все слухи и ночные гонцы? – спросил кто-то. – Прости меня, Дэйн, но мне кажется, это несколько...

– Позвольте мне все объяснить, и сами поймете, почему данный вопрос должен решаться на высшем семейном совете. Наша двоюродная сестра ухаживала за ранеными в госпитале во время осады города войсками Шинсана. И у нее завязался роман с пациентом – причем, как я понимаю, достаточно бурный. Хотя она, что вполне ожидаемо, предпочитает не вдаваться в детали. Когда осаду прорвали и война ушла на юг, она решила, что на этом все закончилось. От того человека не было вестей. Обычная история: солдат воспользовался ею и отправился дальше. Но четыре дня назад она получила от него предложение о замужестве – после чего, поразмыслив, пришла ко мне за советом.

Господа, – объявил он, – боги наконец смилостивились над нашей семьей, подарив драгоценный шанс. На руку нашей двоюродной сестры претендует Браги Рагнарсон, маршал Кавелина, командовавший войсками союзников во время Великих Восточных войн.

На полминуты наступила мертвая тишина. Полковник даже затаил дыхание. Рагнарсон. Злейший враг Грейфеллсов в течение целого поколения, непосредственно виновный в убийстве прежнего герцога и положивший кровавый конец многим планам, которые строила семья. Тот, кого больше всех ненавидел каждый за столом, за исключением полковника, который был просто солдатом и ни к кому не питал ненависти.

Он почувствовал сгущающуюся тень, и ему это не понравилось. Все было в лучших традициях интриг Грейфеллсов.

Шестеро одновременно заговорили, и герцог поднял руку.

– Прошу вас, тише. – Он немного подождал. – Господа, если одной этой новости вам недостаточно, подумайте вот о чем. Тамошние глупцы собираются сделать его королем, поскольку не сумели найти больше никого, готового возложить на себя корону. Понимаете? Это не только возможность отомстить старому врагу, но и шанс отобрать корону у самого богатого и стратегически удачно расположенного Малого королевства. Шанс перенести нашу базу полностью за пределы Итаскии и освободиться от печальной помехи в виде вечно враждебного нам государства. Шанс получить власть над наиболее важной фигурой в конфликте между Востоком и Западом. Шанс вернуть себе величие, которое мы потеряли.

Волнение герцога передалось и слушателям, только полковник был заинтригован куда меньше. Речь шла лишь об очередных грязных делишках Грейфеллсов, и у него возникло чувство, что его попросят взять часть бремени на себя. Иначе зачем его сюда позвали?

– Вопрос прост: следует ли нам позволить нашей двоюродной сестре принять предложение? – герцог улыбнулся. – Или – посмеем ли мы ей не позволить? Было бы грехом отказаться от такой возможности. Не так ли?

Возражать никто не стал.

– Но мы же не можем позволить всему идти своим чередом и надеяться на лучшее, – заметил кто-то.

– Нет, конечно. Ингер должна стать рычагом, подставленной под дверь ногой, отвлекающим маневром. Сейчас она просто хочет увидеться с возлюбленным, но, полагаю, мы сумеем сделать из нее семейного шпиона. Для страховки, а также для руководства повседневными мелочами предлагаю послать туда полковника.

На лице полковника не шевельнулся ни один мускул. Собственно, так он и предполагал – и дело пахло весьма дурно. Порой он жалел, что вынужден хранить верность этому семейству, будучи перед ним в долгу.

– У кого-то есть повод для возражений?

В ответ собравшиеся лишь покачали головами.

– Все настолько удачно складывается, что ты мог бы и не спрашивать, – сказал кто-то.

– Мне хотелось единодушного решения. Значит, принято? Будем пользоваться возможностью, пока не возникнет какое-нибудь непреодолимое препятствие?

Все кивнули.

– Что ж, хорошо. – Герцог не скрывал удовольствия. – Я так и думал, что вам понравится. На этом пока все. Я вникну глубже в суть дела и посмотрю, нет ли каких-либо ловушек. Буду держать вас в курсе. Можете идти. – Он откинулся на спинку кресла, а когда все направились к двери, добавил: – И еще: ни с кем это не обсуждайте. Вообще никому ни слова. Да, и полковника я попрошу остаться.

Полковник уже успел встать, но из-за стола не вышел. Он снова сел, положив руки на стол и глядя поверх плеча герцога.

– На самом деле мы продвинулись даже дальше, чем я упоминал. Бабельтоск связал меня с некоторыми старыми друзьями времен Праккии, и они согласились помочь.

Бабельтоск был чародеем на службе семьи герцога. Полковник его терпеть не мог.

– У тебя недовольное выражение лица, полковник. Есть возражения?

– Нет, ваша светлость. Я просто не доверяю чародею.

– Может быть. Они весьма скользкий народ. И тем не менее, похоже, мы заполучили все надлежащие средства, чтобы воплотить в жизнь наш план. Нужно лишь обратить эту женщину в нашу веру и направить ее по верному пути.

– Понятно.

– У меня в самом деле такое чувство, будто ты это не одобряешь.

– Прошу прощения, ваша светлость. Я вовсе не имел в виду, будто я против.

– Тогда берешься? Отправишься в Кавелин от нашего имени? Тебе придется провести там несколько лет.

– Как прикажешь, ваша светлость.

Ему очень хотелось, чтобы случилось иначе, но долги приходилось платить.

– Вот и хорошо. Можешь чувствовать себя в замке как дома. Буду держать тебя в курсе дела.

Встав, полковник слегка поклонился и быстро вышел. «Солдат не спрашивает, – подумал он. – Солдат подчиняется. А я, увы, солдат на службе герцога».

1

1016 г. от О.И.И.

Правители

Браги застонал, и Ингер снова встряхнула его за плечо.

– Ну же, ваше королевское величество. Вставай.

Он приоткрыл глаз. На него холодно уставилось лишенное стекла окно.

– Еще темно.

– Это только кажется.

Браги недовольно заворчал, коснувшись ступнями прохладного пола. Дни сейчас начинались заморозками, сменяясь после полудня адской жарой. Он закутался в медвежью шкуру, убеждая себя, что вставать нет никакого смысла.

В Кавелин пришла весна – с жаркими днями и холодными ночами. Чаще всего погода стояла отвратительная.

Зевнув, Браги сонно потер глаза.

– На улице дождь? У меня голова словно ватой набита.

– Не стану спорить. Да. Та самая ваша беспрестанная кавелинская морось.

– Крестьянам хорошо, – сказал он обычные в таких случаях слова.

– И нам тоже, – завершила ритуал Ингер, соблазнительно изгибаясь. – Неплохо для старрой карги вроде меня, да?

– Для жены – даже очень, – не особо весело пошутил он.

– В каком смысле – для жены? – Она надула губки.

– Сама знаешь, как говорят. – Улыбка его выглядела столь же унылой, как и настроение. –

Старая трава всегда кажется зеленее.

– Пасешься на чужом пастбище?

– Что? – Он тяжело поднялся и принялся искать одежду.

– Прошлой ночью у нас был только второй раз за месяц.

– Старею, – вздохнул он, язвительно усмехаясь про себя.

Он обманывал себя, не ее. У его ног зияла пугающая черная бездна. Проблема заключалась в том, что он не знал – то ли пропасть ждет, чтобы он попытался ее перепрыгнуть, то ли он уже на другой стороне и оглядывается назад.

– У тебя есть другая женщина, Рагнарсон? – Она уже вовсе не была похожа на ласкового котенка, превратившись в оцетинившуюся кошку. От обычной хрупкой улыбки не осталось и следа.

– Нет. – И он не лгал.

У него в самом деле не было больше никого. Изящные очертания, теплые груди и влажные бедра не разжигали в душе ревущий огонь, скорее отвлекая, чем вызывая интерес, и больше раздражая, чем возбуждая.

Было ли это признаком старости? Время – неумолимый вор.

Рагнарсона тревожило растущее с каждым днем безразличие ко всему. Желание собирать скальпы исчезло, оставив в душе пустоту, словно после потери старого друга.

– Уверен?

– Дьявобсолютно, как сказал бы мой друг Насмешник.

– Жаль, что я не была с ним знакома, – задумчиво проговорила Ингер. – И с Гаруном тоже. Может, если бы знала их, я лучше бы узнала и тебя.

– Тебе стоило бы их знать...

– Ты уходишь от темы.

– Милая, у меня не было никого на стороне столь давно, что я даже не знал бы, что с ними делать. Вероятно, просто стоял бы, сунув палец в ухо, пока дама не обругала бы меня на чем свет стоит.

Ингер провела гребнем по волосам, чувствуя, как за него цепляются светлые кудри, и размышляя о Браги. Он успел заслужить определенную репутацию, но жил вовсе не в соответствии с нею. Возможно, он был слишком занят, и его любовницей, причем весьма требовательной, стало королевство Кавелин.

Он смотрел на женщину, которая была его женой и королевой Кавелина. Она стала единственным подарком, которым одарили его войны. Время обошлось с ней милостиво: высокая и изящная, она обладала хрупкой красотой и еще более хрупким чувством юмора, а также самым интригующим ртом из всех, какие ему доводилось видеть. Вне зависимости от настроения, ее губы всегда изгибались в легкой саркастической улыбке, а искорки в ее зеленых глазах лишь усиливали это предвестие смеха.

С первого взгляда она выглядела знатной дамой, но со второго можно было предположить, что у нее открытая душа. Она являлась некоей загадкой, интригующим созданием, которое пряталось в раковине, лишь иногда раскрывавшейся, чтобы выдать очередную тайну. Браги считал ее настолько идеальной королевой, какую только мог пожелать король. Она родилась для этой роли.

Губы ее вновь изогнулись в загадочной улыбке.

– Может, ты и впрямь говоришь правду.

– Конечно.

– Что, разочарован?

Он промолчал. Ингер умела заманивать его в клетку из вопросов, на которые не хотелось отвечать.

– Может, взглянешь лучше, как малыш?

– Опять ты уходишь от ответа.

– Ты права, дьявол тебя побери.

– Ладно, отстану. Что у нас на сегодня?

Она настояла на том, чтобы в полной мере участвовать в королевских делах. Сам он был в них новичком, а необходимость уживаться со столь волевой женщиной лишь осложняла

задачу, с чем соглашался и круг его старых товарищей. Некоторым крайне не нравилось «вмешательство» Ингер.

Ингер вернулась из детской с сыном Фальком на руках.

– Спал как убитый. Теперь хочет, чтобы его покормили.

Браги обнял ее за плечи, глядя на младенца. Маленьких детей он до сих пор воспринимал как чудо. Фальк, крепкий полугодовалый малыш, был первым их с Ингер ребенком и первенцем для нее самой.

– Сегодня утром у меня толпа народа по поводу сообщения от Дереля. После обеда я должен играть в захваты.

– В такую погоду?

– Они вызвали нас на игру, и только они могут ее отменить. – Он начал зашнуровывать сапоги. – А в грязи они справляются отменно.

– Не слишком ли ты стар для такого?

– Не знаю. – Возможно, лучшие времена для него и впрямь остались позади. Реакция становилась хуже, да и мышцы уже не работали как прежде. Возможно, он стал стариком, отчаянно цеплявшимся одной рукой за иллюзию молодости. Игру в захваты он не особо любил. – А что у тебя?

– Полнейшая тоска. И так будет до тех пор, пока не закончит заседать Тинг. Чувствую себя словно гувернантка.

Он не стал напоминать, что она сама потребовала себе право развлекать жен делегатов. До начала весенней сессии оставалась еще неделя, но более состоятельные члены Тинга уже были в городе, пользуясь гостеприимством Воргреберга.

– Пойду поищу чего-нибудь поесть, – сказал Браги.

Он не выносил помпезности и церемоний, а также роскоши, которую мог позволить себе в своем положении. Будучи воином по происхождению, он стремился поддерживать спартанский образ простого солдата.

– Даже меня не поцелуешь?

– Я думал, с тебя уже хватит.

– Вовсе нет. И Фалька тоже!

Поцеловав малыша, он вышел.

Спускаясь по лестнице, он размышлял о том, что, возможно, вся проблема в Фальке. Сражение началось еще во время выбора имени, и тот раунд он проиграл. Роды были тяжелыми, и Ингер не хотела больше детей. Зато он хотел, хотя и не считал себя хорошим отцом.

К тому же Ингер беспокоило наследство Фалька. Он родился во втором браке Рагнарсона. У Браги имелось трое старших детей, а также внук, которого тоже звали Браги. Последнего он вполне мог считать собственным сыном – его отец, первенец Рагнарсона, погиб под Пальмизано.

Первая семья короля жила в его частном доме, за пределами Воргреберга. Хозяйство в доме вели вдова его сына и младшие дети. Рагнарсон не бывал у них неделями.

– Надо будет туда как-нибудь выбраться, – пробормотал он.

Невнимание к детям вызывало у него чувство вины – что бывало с ним редко.

Он сделал мысленную пометку: надо проконсультироваться по юридическим вопросам с секретарем Дерелем Пратакисом, как только тот вернется.

Рагнарсону чрезвычайно везло в жизни, но он считал, что подобное везение давно должно ему изменить. То был один из страхов, приходивших к нему с годами. Черта неуклонно приближалась. Он стал медлительнее, инстинктам, возможно, уже не стоило так доверять, как раньше. Ощущение собственной смертности наступало на пятки.

Возможно, стоило попытаться найти какое-то взаимопонимание по вопросу престолонаследия во время этой сессии Тинга. Когда его вынудили стать королем, королевскую власть не сделали наследственной.

Он приближался к главной кухне замка. Из-за открытой двери доносились манящие запахи и громкий голос:

– Угу, я вовсе не вру. Угу. Девять баб за один день. То есть за сутки. Угу. Я тогда был молодой. Две недели в пути. Даже не видел бабу, не то что имел. Угу. Не поверите, но это правда. Девять баб за один день.

Рагнарсон улыбнулся. Кто-то, похоже, в очередной раз завел Джозайю Гейлса, наверняка преднамеренно. Стоило ему начать, и его речь превращалась в спектакль одного актера. Он говорил все громче и громче, размахивая руками, приплясывая, топая и закатывая глаза, подчеркивая каждую фразу языком тела.

Джозайя Гейлс. Сержант пехоты. Выдающийся лучник. Мелкая шестеренка в дворцовой машине. Один из двух сотен солдат и опытных ремесленников, которых Ингер привезла с собой в качестве приданого, поскольку ее младшая родня по линии Грейфеллсов из Итаскии пребывала в благородной бедности.

Браги снова улыбнулся. На севере все еще смеялись, думая, что дешево избавились от непокорной женщины, обретя при этом связь с высоко ценимой короной.

– Две недели в море, – не унимался невидимый сержант. – Я был готов. Сколько баб вы имели за день? Я не хвастался – я трудился. Угу. Седьмую до сих пор помню. Угу. Стонала и царапалась. «О, Гейлс! О! Не могу больше!» Угу. Угу. Это правда. Девять баб за день. За сутки. Я тогда был молодой.

Гейлс раз за разом повторял одно и то же, стараясь хотя бы однажды донести каждую фразу до любого, кто мог его услышать. Слушателям это обычно не мешало.

Браги подошел к дежурному повару.

– Скруг, осталась еще курица со вчерашнего вечера? Хочу перекусить.

Кивнув, повар дернул головой в сторону Гейлса.

– Девять баб за день.

– Это я уже слышал.

– И что скажешь?

– По крайней мере, он отличается постоянством. Когда он снова рассказывает свою историю, число баб не растет.

– Ты ведь был в Симбаллавейне, когда высадились итаскийцы?

– В Либианнине. С Гейлсом я тогда не сталкивался. Иначе бы его запомнил.

– Что ж, он и впрямь производит впечатление, – рассмеялся повар, доставая поднос с холодной курицей. – Устроит, сир?

– Более чем. Давай присядем и посмотрим представление.

Аудитория Гейлса состояла из слуг, прибывших в город вместе с советниками и помощниками, с которыми Браги предстояло встретиться позже. Для них истории сержанта были новинкой, и отзывались они соответственно. Гейлс продолжал углубляться в эксцентричную автобиографию.

– Я повсюду побывал на этом свете, – заявил он. – Seriously – повсюду. Угу. Итаския. Хеллин-Даймиель. Симбаллавейн. Угу. Я имел всех баб, какие только бывают. Белых. Черных. Коричневых. Всех, какие только бывают. Угу. Я не вру. У меня прямо сейчас пять разных баб. Прямо здесь, в Воргреберге. Одной пятьдесят восемь лет.

Кто-то свистнул. Все рассмеялись. В дверь заглянул проходивший мимо дворцовый гвардеец.

– Эй, Гейлс! Пятьдесят восемь? Что она делает, когда ложится в койку? Забалтывает тебя насмерть?

Все взвыли. Гейлс воздел руки к потолку, издал радостный вопль и, топнув ногой, крикнул в ответ:

– Пятьдесят восемь лет! Угу. Это правда! Я не вру!

– Ты не ответил на вопрос, Гейлс. Так что она делает?

Сержант начал юлить, избегая ответа. Рагнарсон от смеха даже выронил курицу.

– До чего же тупой юмор, – буркнул повар.

– Тупее некуда, – согласился Браги. – Словно из сточной канавы. Отчего же улыбка не сходит с твоего лица?

– Будь это кто-то другой, кроме Гейлса...

Слушавшие сержанта не обращали внимания на его протесты, засыпая вопросами о пожилой подруге. Побагровев как рак, он переминался с ноги на ногу, хохоча во все горло и тщетно пытаясь вновь обрести власть над слушателями.

– Скажи нам правду, Гейлс, – настаивали они.

– Удивительный человек, – пробормотал Браги, качая головой. – Он просто обожает подобное. Я бы такого не вынес.

– Но какая от него польза? – рассудительно спросил повар.

– Он умеет смешить людей. – Браги подавил улыбку.

Вопрос выглядел вполне разумным. Люди, приехавшие с Ингер, доказали свою полезность, но он часто задумывался над тем, какую роль они играют на самом деле. Они не были преданы ни ему, ни Кавелину, а Ингер в душе оставалась преданной Итаскии. Когда-нибудь это могло повлечь немало хлопот.

Браги жевал курицу, наблюдая за Гейлсом, когда вошел его военный адъютант.

Даль Хаас, как всегда, выглядел чисто умытым и побритым. Он принадлежал к той странной породе людей, которые могли бы пройти через угольную шахту в белой одежде и выйти без единого пятнышка.

– Они ждут в приватном зале для приемов, сир, – сказал он, вытянувшись в струнку, после чего бросил взгляд на Гейлса, и на лице его промелькнула гримаса отвращения.

Браги не мог этого понять. Отец Даля следовал за ним десятилетиями, будучи при этом столь же простой душой, как Гейлс.

– Буду через минуту, Даль. Попроси их немного потерпеть.

Солдат вышел, выпрямившись, словно к спине прибили доску. Второе поколение, подумал Рагнарсон. Остальных уже не стало. Даль был последним.

Пальмизано забрал у него многих старых друзей, единственного брата и сына Рагнара. Кавелин оказался прозорливым божком, требовавшим жертв. Порой Браги задумывался, не потребовал ли тот от него слишком многого и не совершил ли он самую большую ошибку в жизни, позволив сделать себя королем.

Он был солдатом. Обычным солдатом. И никто не учил его править.

Воргреберг дрожал от легкого возбуждения – не того, что предшествует внушающим ужас событиям, а всего лишь того, которым сопровождается нечто, несущее радость.

Прибыл гонец с востока, и принесенные им известия должны были коснуться жизни каждого горожанина. Магнаты из торговых домов послали мальчишек к воротам замка Криф, дав строгие указания держать ухо востро. Торговцы пребывали в состоянии готовности, словно бегуны на старте, ожидая новостей.

Кавелин, а в особенности Воргреберг, издавна пользовался преимуществами своего положения на главной дороге, соединявшей Запад с Востоком. Однако в последние несколько лет товарооборот прекратился – лишь самые отчаянные контрабандисты осмеливались избегать бдительного взгляда солдат Шинсана, оккупировавших Ближний Восток.

Два года длилась война, затем последовали три года мира, иногда нарушавшегося яростными стычками на границе. Солдаты Востока и Запада постоянно стояли друг напротив друга в ущелье Савернейк, единственном доступном торговом пути через горы М'Ханд. Ни тот ни другой гарнизон не пропускал путников через блокпосты, и торговцы с обеих сторон на чем свет стоит ругали нескончаемое, острое как нож противостояние.

Ходили слухи, что король Браги отправил очередного посланника к лорду Суну, проконсулу-тервола в Троесе, вновь пытаясь договориться о возобновлении торговли. Слухи эти породили мессианскую надежду среди торговцев. Никто не вспоминал о том, что все предыдущие попытки провалились.

Война и оккупация разрушила экономику Кавелина. Хотя основу ее составляло по большей части сельское хозяйство, она так и не смогла полностью восстановиться за прошедшие после освобождения три года. И крайне нуждалась в возобновлении торговли и свежем притоке капитала.

В полутемном зале собрались сторонники короля. В конце длинного дубового стола тихо переговаривались Майкл Требилюкк и Арал Дантис. Они не были здесь уже много месяцев.

Возле огромного камина молча стояли чародей Вартлоккур и его жена Непанта. Чародей, похоже, был чем-то глубоко озабочен, устремив взгляд в далекое пространство за языками пляшущего пламени.

Сэр Гьердрум Эанредсон, глава штаба армии, расхаживал по паркетному полу, словно зверь в клетке, время от времени ударяя кулаком о ладонь.

Чам Мундвиллер, вессонский магнат из Седльмайра и представитель короля в Тинге, попыхивал трубкой – по недавно пришедшей из дальних южных королевств моде. Казалось, его внимание полностью поглотили гербы бывшей династии Криф, висевшие на фоне темного дерева на восточной стене зала.

Во главе стола сидела Мгла, бывшая до низложения принцессой вражеской империи. Изгнание превратило ее в молчаливую женщину с мягким характером. Перед ней лежала раскрытая сумка с вязанием, и спицами молниеносно орудовал маленький двухголовый и четверорукий демон, ноги которого свисали со стола. Одна голова время от времени ругала другую за пропущенную петлю, и Мгла негромко на них шикала.

Присутствовали также с десяток других людей, происхождение которых варьировалось от тошнотворно знатного до пугающе подозрительного. Король был не из тех, кто выбирал друзей по внешности, он использовал все доступные им таланты.

– Когда он явится, дьявол его побери? – пробормотал сэр Гьердрум. – Он вытащил меня из самого Карлсбада...

Другие явились из еще более дальних мест. Седльмайр, откуда прибыл Мундвиллер, находился у дальней южной границы Кавелина, у подножия гор Капенрунг, в тени лежащего далее Хаммад-аль-Накира. Мгла, ставшая теперь смотрительницей Майсака, спустилась из горной крепости в ущелье Савернейк. Вартлоккур и Непанта прибыли одним богам известно откуда, вероятно, из Фангдредра, замка в непроходимых горах, известных под названием Зубы Дракона. Бледный Майкл выглядел так, словно вернулся из путешествия в мир теней.

Возможно, так и было.

Майкл Требилюкк возглавлял тайную службу короля. Лично его мало кто знал, но само имя внушало ужас.

Появился адъютант короля.

– Я только что разговаривал с его величеством. Приготовьтесь. Он идет.

Мундвиллер откашлялся, вытряхнул трубку в камин и начал снова ее набивать.

Вошел Рагнарсон, окинув гостей взглядом.

– Что ж, немало нас тут собралось, – сказал он.

Рагнарсон был высок, светловолос и крепко сложен. За свою жизнь он успел получить достаточно шрамов, и отнюдь не только телесных. На косматых висках пробивалась седина. Он выглядел лет на пять моложе своего возраста – игра в захваты помогала поддерживать форму.

Король обменялся со всеми рукопожатиями и приветствиями. В нем не чувствовалось надменной отстраненности – в этой компании он был всего лишь старым другом.

Их нетерпение слегка его развеселило.

– Как идут маневры? – спросил он сэра Гьердрума. – Сумеют войска провести летние учения с ополченцами?

– Конечно. У нас лучшие солдаты в Малых королевствах. – Эанредсон не мог устоять на месте.

– Юность вечно куда-то спешит. – (Сэру Гьердруму было всего двадцать с небольшим.) – Как идут дела с прекрасной Гвендолин?

Эанредсон что-то проворчал в ответ.

– Не беспокойся. Она тоже молода, и у вас еще все впереди. Ладно, народ. Рассаживайтесь. Я займу у вас всего несколько минут.

Сторонников короля оказалось больше, чем кресел, – троим пришлось стоять.

– Очередной доклад от Дереля. – Браги положил на потертый дубовый стол потрепанный лист бумаги. – Передайте дальше. Он говорит, что лорд Сун принял наше предложение, и теперь требуется одобрение от вышестоящего начальства.

За столом возникло легкое оживление.

– Полностью? – недоверчиво хмурясь, спросил сэр Гьердрум.

Мундвиллер затаился трубкой и покачал головой.

– Вплоть до буквы. Без существенных возражений и почти не торгуясь. Пратаксис говорит, что лорд Сун едва взглянул на наше предложение и даже не стал советоваться с командирами легионов. Решение уже было принято, и он знал ответ до того, как появился Дерель.

– Не нравится мне это, – проворчал Эанредсон. – Слишком уж радикальный разворот.

Мундвиллер кивнул, выпустив клуб дыма. Кивнули и еще несколько человек.

– Вот и мне так кажется. Потому я вас и собрал. Вижу две возможности. Первая – все это может оказаться ловушкой. Вторая – на протяжении зимы что-то случилось в Шинсане. Пратаксис не стал распространяться на эту тему. На следующей неделе он должен вернуться, и тогда мы все узнаем. – Он обвел взглядом слушателей, но никто не пожелал высказаться. Странно. Обычно они отличались упрямством и готовы были поспорить. Браги пожал плечами. – Они давно водили нас вокруг да около, требуя невозможных пошлин и споря над каждым словом в любом соглашении, но теперь вдруг раскрыли объятия. Гьердрум? Есть предположения, почему?

Эанредсон снова нахмурился, – похоже, сегодня это было любимое выражение его лица.

– Возможно, легионы Суна вновь набрали силу. Может, они хотят открыть проход, чтобы запускать через него шпионов.

– Мгла? – спросил Рагнарсон. – Вижу, ты качаешь головой.

– Не в том дело.

Вартлоккур бросил на нее злобный взгляд, удививший Рагнарсона. Она тоже это заметила.

– Тогда в чем? – спросил король.

– В том нет никакого смысла. У них есть Сила, и им вовсе незачем посылать шпионов. – Рагнарсон знал, что это не вполне правда, и она тоже знала, поскольку тут же поправила: – Они могут увидеть что захотят, если только этому не помешаю я или Вартлоккур. – Она переглянулась с чародеем, которого, похоже, на этот раз удовлетворили ее слова. – Если им так уж необходим шпион, они могут послать его по тропам контрабандистов.

Между чародеем и чародейкой несомненно что-то произошло, но Рагнарсон не мог понять, что именно. Озадаченный, он решил, что объяснение может и подождать.

– Ладно. Тогда назови мне причину, которая имеет смысл?

Он огляделся. Дантис и Требилюк смотрели куда-то в сторону.

Рагнарсону стало не по себе. Что-то происходило. Мгла, Вартлоккур, Дантис и Требилюк были его самыми осведомленными советниками по всем вопросам, касавшимся Империи Ужаса. Но сейчас, похоже, у них пропало всякое желание что-либо советовать. Создавалось впечатление, будто они держат руку на пульсе неких переменчивых и странных событий, не желая высказывать свое мнение на этот счет.

– Не знаю... – Мгла бросила взгляд на Арала Дантиса. Хотя тот не занимал никаких официальных должностей, он являлся своего рода министром торговли благодаря дружбе с королем и членами делового сообщества. – В Шинсане что-то происходит, но они это скрывают.

Вартлоккур едва заметно улыбнулся.

Браги наклонился вперед, подперев подбородок рукой, и уставился в пространство.

– Почему мне кажется, будто ты чего-то недоговариваешь? Не можешь сказать вслух?

Мгла уставилась на свое вязание. Чародей уставился на нее.

– Я больше не ощущаю лорда Ко Фэна. Возможно, случился переворот. – Помедлив, она осторожно добавила: – Прошлым летом со мной связывались несколько его бывших сторонников, и им казалось, будто что-то назревает, но мне ничего не удалось от них добиться.

– Что-то назревает? – фыркнул Требилюк. – Сир, Ко Фэна прошлой осенью лишили всех титулов, почестей и бессмертия. Его обвинили в предательстве за то, что он не покончил с нами у Пальмизано. Его сменил человек по имени Го Вэнчинь, до этого командир Третьего корпуса Срединной армии. Всех, кто имел какое-то отношение к Праккии, вычистили вместе с Фэном, отправили в Северную и Восточную армии, что равнозначно внутренней ссылке. Ко Фэн исчез без следа. Никто из новой команды не участвовал в Великих Восточных войнах.

Требилюк сцепил пальцы перед бледным лицом и посмотрел на Мглу, словно спрашивая: «Что скажешь?», затем перевел взгляд на Арала Дантиса. Выглядел Майкл напряженным – он терпеть не мог какие-либо собрания и ненавидел перед ними выступать. Боязнь публики была щелью в броне, защищавшей его от страха.

Требилюк был странным парнем. Даже друзья считали его таковым.

– Мгла? – спросил Браги.

– У Майкла связи получше, чем у меня, – ответила она. – Обо мне там хотят вообще забыть.

Рагнарсон взглянул на Требилюка. Майкл едва заметно пожал плечами.

– Вартлоккур, есть что добавить?

– Я не следил за Шинсаном. Был занят.

Непанта, покраснев, уставилась в стол. Она была на восьмом месяце беременности.

– Естественно, я мог бы послать Нерожденного, – предложил чародей.

– Не стоит рисковать. Ни к чему их провоцировать. Чам? Ты все время молчишь. Есть мысли?

Мундвиллер затянулся трубкой, выпустив голубое облачко.

– Вряд ли мне точно известно, что там происходит, но до меня иногда доходят слухи от контрабандистов. Они говорят, будто в Троесе беспорядки. Возможно, Сун хочет облегчить их ярмо, чтобы не довести дело до всеобщего мятежа против его марионеток.

Король снова бросил взгляд на Требилюка, но Майкл никак не отозвался. В качестве жеста доброй воли Рагнарсон велел Майклу перестать поддерживать троенских партизан и прекратить связи с их предводителями. Неужели Майкл не подчинился приказу?

Майкл обладал талантом и энергией, но полностью обуздать его было невозможно. Шпионаж стал его безраздельной вотчиной. Но при этом он был крайне полезен, к тому же умел

повсюду заводить друзей, державших его в курсе дел, а посредством Дантиса собирал дополнительные сведения от кавелинских торговцев.

Король, прищурившись, обвел взглядом гостей.

– Что-то, смотрю, вы сегодня не в духе. – Ответа не последовало. – Ладно. Пусть будет так. Если вам больше нечего сказать – остается лишь ждать возвращения Дереля. Подумайте пока над тем, что там происходит, расспросите связных. Нам нужно выработать некую политику. Гьердрум, если считаешь, что за Криденсом Абакой нужен присмотр – возвращайся в Карлсбад. Просто будь здесь, когда вернется Пратаксис. Да, генерал Лиакопулос?

Генерал помогал улучшать армию Кавелина, будучи постоянным представителем Гильдии наемников.

– Может, это и не вполне по теме нашей встречи, сир, но не менее важно. У меня плохие новости из Высокого Утеса. Сэр Тури при смерти.

– Воистину, печальное известие. Но... он был стар уже во времена войн Эль-Мюрида. Я впервые с ним познакомился в ту ночь, когда мы вырвались из Симбаллавейна, – задумчиво проговорил король. – Боги... неужели тогда мне было всего шестнадцать?..

Он погрузился в воспоминания. Шестнадцатилетний беженец из Тролледингии, где в схватке за власть погибла его семья... Им с братом некуда было идти, и они поступили на службу в Гильдию, после чего их сразу же швырнули в кипящий котел войн Эль-Мюрида. Тогда они с Хаакеном были лишь глупыми мальчишками, но заслужили себе имя, как и их друзья Рескирд Драконобой, Гарун и смешной коротышка-толстяк Насмешник.

Рагнарсон снова повернулся к собравшимся, чувствуя, как к глазам подступают слезы. Всех четверых уже не было с ним, как и многих других. Его брат и Рескирд погибли в сражении у Пальмизано. Гарун пропал без вести на востоке. Насмешник... Браги сам убил лучшего друга.

Праккия превратила Насмешника в убийцу, захватив его сына в заложники.

«Но я выжил, – подумал Рагнарсон. – Я прошел через все это. Я поднялся наверх с нуля. Я добился мира. Люди на этом маленьком клочке карты сделали меня королем».

Но какой ценой! Проклятая цена!

Он не только лишился брата и друзей – он потерял жену и нескольких детей.

Все, оказавшиеся сегодня в этом зале, кого-то теряли. Потери их объединяли. Он раздраженно потер глаза, думая, что стал чересчур сентиментальным.

– Можете идти. Держите меня в курсе. Майкл, погоди минуту.

Гости начали расходиться. Браги остановил генерала Лиакопулоса.

– Мне прислать кого-нибудь на похороны?

– Думаю, это будет знаком уважения. Сэр Тури всегда защищал тебя перед Цитаделью.

– Тогда так и сделаю. Он был выдающимся человеком. Я перед ним в долгу.

– Он с теплом относился к тебе и Кавелину.

Браги смотрел вслед уходящим. Большинство за все время не произнесли ни слова, кроме обмена приветствиями. Не было ли это дурным предзнаменованием?

Где-то в глубине души зародилось неприятное ощущение, что его ждет время перемен. Судьба стягивала свои силы. На горизонте сгустились темные тучи.

2

1016 г. от О.И.И.

Разговоры

—Нас впереди ожидают серьезные проблемы, – заметил Майкл Требилюк. – Но у тебя еще есть время, чтобы этому помешать.

– То есть? – спросил король.

– Сколько сегодня тут было народа? Двадцать человек? Хорошо осведомленных людей, благодаря которым функционирует Кавелин. Посчитай местных. Гьердрум, Мундвиллер, Арал, барон Хардль – и все. Кого тут не было? Королевы, Пратаксиса и Криденса Абаки. То есть еще одного из местных, а Абака – всего лишь марена-димура.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Чрезмерное чужеземное влияние. Сейчас это никого не беспокоит – все наши мысли заняты Шинсаном. Предположим, сделка пройдет удачно, мы прижмемся к теплому боку Империи Ужаса, и торговля вновь оживит экономику. Когда люди перестанут думать о собственном выживании и беспокоиться по поводу Шинсана, что останется? Мы. Они отнюдь не утратили своей этнической гордости. Ты можешь угодить в куда худший переплет, чем тогда в Крифе.

– До чего же ты умный, – буркнул Браги.

Но Майкл был во многом прав.

Кавелин был самым многонациональным Малым королевством. Его население составляли четыре этнические группы: марена-димура, потомки древних местных жителей; силуро, потомки гражданских управляющих тех времен, когда Кавелин являлся провинцией империи Ильказара; вессонцы, потомки итаскийцев, перевезенных империей с их родины; и нордмены, потомки народа, разрушившего империю. Трения между этими группами длились в течение многих столетий.

– Возможно, ты прав, Майкл. Возможно, ты прав. Я подумаю.

– О чем ты хотел со мной поговорить?

– Сегодня во второй половине дня состоится игра в захваты. Я играю правым на точке. Хочу, чтобы ты был моим напарником.

Майкл что-то недовольно проворчал. Он не любил игры и терпеть не мог физических нагрузок серьезнее утренних поездок верхом в компании друзей. Игра в захваты требовала немалой выкладки, а при равных по силе командах могла длиться до бесконечности.

– С кем мы играем?

– С «Пантерами» из Чаригин-холла.

– Торговцы? Слышал, они весьма неплохи. За ними стоят немалые деньги.

– Они молоды и выносливы. Но изящества им не хватает.

– Кстати, насчет молодости. Не слишком ли ты стар для игры в захваты? Естественно, без обид.

В захваты с незапамятных времен играли марена-димура, изначально на широких лесных просторах. С помощью игр они решали споры между селениями – хотя из-за отсутствия каких-либо правил в лесах оставалось немало жертв.

Цивилизованная версия игры велась на более ограниченном поле. В Воргреберге оно занимало одну квадратную милю к северу от городского кладбища. Команда состояла из сорока игроков. Имелись также правила, целью которых было сделать игру веселее.

И все, естественно, жульничали.

Игра в захваты напоминала «Похищение флага». Команды пытались отобрать у противников мячи и доставить их в свои «крепости». Каждая начинала с пяти мячей размером с бычью голову, и каждая пыталась помешать игрокам противника захватить собственные мячи или вернуть отобранные. Существовало две разновидности игры – короткая и длинная. В короткой первая команда, переправившая все мячи противника в свою крепость, выигрывала. В длинной – победительницей становилась команда, завладевшая всеми мячами. Длинная игра могла продолжаться неделями. В Воргреберге и окрестностях играли в короткий вариант.

– Мне уже не хватает былого духа, – признался Браги. – И ноги быстрее устают. Но для меня это теперь единственное развлечение. К тому же там ничто не отвлекает и можно спокойно подумать наедине.

– И на точке никто не может подслушать, если тебе захочется поговорить по душам с напарником?

– Здесь даже у стен есть уши, Майкл.

Требилюк застонал – ему вовсе не хотелось тратить всю вторую половину дня на беготню по лесам... А потом он улыбнулся, поняв, как можно добиться, чтобы его отстранили от игры. Игрок не мог вернуться на поле, если противники вытолкнули его оттуда на глазах у судьи.

Это был крайне важный момент. Судья должен был наблюдать за каждым нарушением правил. Изобретательное жульничество составляло душу игры.

– Встретимся там, – сказал Браги. – Нам по жребию выпала западная крепость. Постарайся появиться к полудню. – Он улыбнулся, зная отношение Майкла к игре в захваты. – Надень старую одежду.

– Твое желание для меня закон. Я могу идти?

– Иди. Поговорим там.

Требилюк не спеша вышел. Браги посмотрел ему вслед. Главный шпион, высокий и худой, напоминал карикатуру на человека. Кожа его была столь бледной, что казалось, будто он никогда не бывал на солнце. Выглядел он слабоком, но впечатление обманывало – Требилюк был гибок как проволока и отличался упрямой выносливостью. Во время Великих Восточных войн он участвовал в нескольких изматывающих вылазках и благодаря успехам завоевал репутацию супершпиона. Некоторые в кругу посвященных трепетали перед ним больше, чем враги, которых он выслеживал и на которых охотился.

– Майкл, – пробормотал Браги, – не ты ли одна из тех проблем, что мне предстоят?

Требилюк был в числе самых опытных людей Рагнарсона, и король питал к юноше отцовские чувства. Но Майкл отличался склонностью поступать по-своему, живя в персональном мире теней. И порой он становился помехой.

Рагнарсон уселся за стол, на какое-то время погрузившись в воспоминания о событиях, которые в итоге привели его в нынешнее время и место, к сегодняшнему положению. Перебирая в памяти потери, он вдруг встряхнулся, словно старый лохматый пес, только что переплывший реку. Хватит! Недолго и с ума сойти, если все время думать о том, как можно было поступить иначе.

– Надо бы увидеться вечером с детьми, – пробормотал он. – Если только не вымотаюсь настолько, что не сумею туда дотащиться.

Майкл выехал из ворот замка, сгорбившись в седле. Намокшие от дождя волосы липли ко лбу. Гвардейцы у ворот равнодушно отдали ему честь.

– Странный парень, – прошептал один.

– Такое впечатление, будто опаздывает на собственные похороны, – заметил другой. – Кто это?

Первый пожал плечами.

– Кто-то из людей короля. В последнее время его нечасто тут видно.

Требилюка мало кто знал в лицо, но имя его слышали все – настолько известна была его репутация. Низшие слои общества боялись его как огня. Он поддерживал близкие отношения с чародеем Вартлоккуром, чье создание, Нерожденный, могло заглянуть в самые глубины человеческого разума. Любой, кто замыслил преступление или измену, неизбежно попадался на глаза Майклу, после чего безжалостно опускался карающий молот.

Сам Требилюк также старался поддерживать этот отталкивающий образ.

Арал Дантис встретил Майкла на выложенной булыжником дороге, связывавшей замок с окружающим его городом. Они развернули лошадей к дворцовому парку, где цвели вишни и сливы.

– Что-то мы сегодня поздноват, – заметил Майкл.

Уже несколько лет они при первой же возможности отправлялись на конные прогулки по парку. Обычно на дорожках им встречались другие люди из замка, но этим утром они выехали под дождь одни.

– Раньше было бы еще хуже, – ответил Дантис.

Арал, коренастый широкоплечий парень лет двадцати с небольшим, больше походил на уличного бандита, чем на известного торговца. Собственно, до того, как умер его отец, он действительно был в большей степени первым, чем последним. Но потом превратил почти обанкротившуюся лавку для караванщиков в процветающее предприятие, став главным поставщиком снаряжения и животных для королевского войска.

– Пожалуй. – Требилюк обвел вокруг рукой. – Я бы тут все переделал. В Ребсамене у меня был наставник, увлекавшийся ландшафтной архитектурой. Тот, кто все это создавал, полностью лишен воображения. Это всего лишь какой-то проклятый сад, и не более того. – (Арал искоса взглянул на него.) – Я бы убрал все эти плодовые деревья, выкопал бы пруд. Поставил бы по обеим сторонам ряды тополей, обрамляющие замок. Может, посадил бы кусты и цветочные клумбы, чтобы было красиво весной и летом. Понимаешь, о чем я?

– Интересно было бы посмотреть, что бы у тебя получилось, – усмехнулся Арал. – Тебе пришлось бы либо снести башню Фианы, либо построить еще одну слева. Чтобы уравновесить дворец.

– Уравновесить? – озадаченно спросил Требилюк. – Что ты знаешь о равновесии?

– Что тут знать, Майк? Разве это не разумно? Ты же не хочешь, чтобы он выглядел криво? Ладно, чего он хотел?

– Кто?

– Король. Когда велел тебе задержаться.

– Ты не поверишь. Собственно, я сам до сих пор не могу поверить. Он хочет, чтобы я играл с ним в команде «Стражей» сегодня днем.

Арал уставился на него, вопросительно подняв брови.

– Что, правда? – рассмеялся он. – Ну да, верно. Сегодня ведь играют «Стражи» с «Пантерами»? Битва непобедимых. Старый лис пытается привлечь игроков получше. – Наклонившись, Дантис ущипнул Майкла за бицепс. – Поставь деньги на «Пантер», Майк. Чаригин-холл нанял лучших, каких только можно купить. Никто их не победит.

– Каковы ставки? Большой разброс?

– Можешь получить пять к одному, если ты настолько глуп, чтобы поставить на «Стражей». А если поставишь на победу «Стражей» с разницей в два очка, можешь получить десять к одному.

Они проехали еще пятьдесят ярдов, когда Требилюк задумчиво пробормотал:

– Пожалуй, поручу своим банкирам выделить пару сотен нобилей. На «Стражей».

Дантис и Требилюк развернули лошадей. По мнению Арала, Майкл совершенно не умел обращаться с деньгами.

– Какого дьявола? Это, конечно, твои деньги, и у тебя их куда больше, чем ты мог вышвырнуть на ветер, но, дьявол тебя побери, зачем тратить их впустую?

– В тебе говорит твой классовый шовинизм, Арал. «Стражи» тоже непобедимы. Не забывай, кто в их команде, когда будешь делать ставки. Король не верит в поражение.

Майкл почувствовал на себе испытующий взгляд Дантиса. Неужели он имел в виду нечто большее?

– Майкл?

– Гм?

– Ты все еще крутишь шашни с теми троенцами? У меня такое ощущение, что Браги тобой недоволен.

– Может быть. Я поддерживаю с ними связь, поскольку не хочу сжигать мосты. Положение может измениться, и, возможно, в следующем году нам потребуется их помощь. А ты чем занимаешься, Арал?

– Я? В последнее время ничем, кроме поставок для армии. Даже не знаю толком, зачем король меня позвал.

Требилюк кивнул. Происходящее превращалось в поединок полуправд и откровенных увиливаний.

– Возможно, он хотел, чтобы ты рассказал друзьям, как в действительности обстоят дела. О том, что может открыться проход через ущелье. Чтобы не гуляли совсем уж безумные слухи.

– Собственно, это единственное, что я могу предположить. Как долго ты пробудешь в городе? Я подумал, может, сходим как-нибудь вечером на улицу Арсен? Помнишь «У Толстяка»? Они там всё здорово переделали, пригласили девиц с побережья. Можно как-нибудь выбраться, как в старые времена.

– Вряд ли у меня хватит на это сил, Арал.

– Да ну, брось. Живем один раз, надо развлекаться, когда есть возможность. Тебе все-таки хоть иногда стоит выходить из тени.

– Я буду здесь до возвращения Пратаксиса. Если что – дам знать. – Они уже наполовину объехали вокруг дворца. – По-хорошему, тут неплохо было бы выкопать по пруду с каждой стороны. Вроде сторон креста.

– И где ты собираешься брать свежую воду? – спросил Дантис, чья практичность порой раздражала. – Тебе ведь понадобится постоянный ее приток, иначе пруды застоются или высохнут.

– Проклятье! Я просто мечтал вслух, Арал. Если тебя уж так интересуют практические вопросы, еще спроси, кто будет платить рабочим.

– Эй, Майк, я пошутил.

– Знаю, знаю. Мне постоянно говорят, что я чересчур раздражителен. Мало того что я вообще не хотел сюда приезжать, так король еще и гонит меня играть в захваты. Терпеть не могу эту игру.

– Неужели ты не мог найти отговорку?

Майкл тупо посмотрел на Дантиса. Подобное не пришло ему в голову – король не стал бы его просить, если бы в том не было нужды.

– Что слышно из Хаммад-аль-Накира, Майкл? – небрежно продолжил Арал. – Нашел там кого-нибудь надежного?

– А тебе зачем? – огрызнулся Требилюк.

– Да ты и впрямь стал чересчур вспыльчив. Затем, что у меня долгосрочное соглашение о поставке лошадей генералу Мегелина. Затем, что до меня доходят слухи, будто Эль-Мюрид может вновь попытаться вернуться. Говорят, будто Мегелин не справляется и с каждым днем теряет популярность.

– В таком случае твои источники лучше моих. Я лишь слышу о том, что все еще продолжается медовый месяц. Ладно, мне пора. Хочу сделать несколько ставок, прежде чем отправиться в лес. Пока я остаюсь во дворце и буду по утрам выезжать на верховые прогулки. Если захочешь, чтобы я тебя подождал, – сообщи.

– Не забудь про «Толстяка», – улыбнулся Арал. – Думаю, ты удивишься.

Майкл смахнул со лба капли дождя. Он терпеть не мог шляпы, и порой ему приходилось расплачиваться за собственные причуды.

– Я подумаю.

Рагнарсон шел через внутренний двор замка, в сторону конюшни, когда на глаза ему попался стоявший на стене Вартлоккур. Король сменил направление и подошел к нему сзади. Чародей не сводил взгляда с востока, словно тот мог его укусить. Собственно, он и до этого вел себя несколько странно.

– Что там? Не хочешь рассказать?

– Ничего конкретного. Пока. Что-то на востоке, но Шинсаном от него не воняет.

– Сегодня утром ты об этом не упоминал.

– Непанта. Она слишком многого лишилась. Я не хочу мучить ее ложной надеждой.

– Гм?

– Все дело в Этриане. Возможно, он жив.

Этриан был сыном Непанты от первого брака, который пропал без вести во время Великих Восточных войн.

– Что? Где? – Перед своим крестным Рагнарсон был в неоплатном долгу. Жестокая судьба вынудила его убить отца мальчика.

– Просто иногда у меня возникает подобное чувство. Не могу понять откуда.

Рагнарсон забросал его вопросами, но чародей не отвечал. Он считал, что Браги чересчур романтизирует своего бывшего друга Насмешника и события, связанные с его смертью. У Браги тогда не было выбора: либо убил бы он, либо убили бы его.

– У нас нет никаких подтверждений смерти Этриана, – задумчиво проговорил король. – Что-нибудь еще?

– А что еще?

– Нечто, о чем ты не хотел говорить раньше. Все что-то скрывали ото всех остальных. И твои слова, будто ты чересчур занят, выглядели не слишком убедительно.

Вартлоккур перевел взгляд на короля, и в уголках его глаз появились веселые морщинки.

– С возрастом ты становишься смелее. Я помню, как юный Браги весь трясся при одном лишь упоминании моего имени.

– Тогда он не понимал, что даже могущественные уязвимы.

– Хорошо сказано. Только это не повод рисковать жизнью.

– Попробую снова поговорить на эту тему, когда твое настроение будет не столь чародейским, – улыбнулся Рагнарсон. – Когда будешь готов ответить на мои вопросы.

Слегка кивнув, он оставил чародея наедине с его размышлениями.

Джозайя Гейлс пребывал в отчаянии. Ему никак не удавалось отбить королеву от стада придворных матрон. И даже когда она наконец поняла, что ему нужно, ей не так-то легко было от них избавиться.

Наконец наступил подходящий момент. Шагнув в занавешенную нишу, она поманила его к себе. На ее губах играла знакомая насмешливая улыбка, доставлявшая ему столько мучений. Он нырнул в нишу следом за ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.